

Мугдаши Хизгилов

ЧЕРНЫЯ КАВУН

легионер, партизан, патриот

Мугдаши Хизгилов

**ЧЕРНЫЙ КАПИТАН:
ЛЕГИОНЕР,
ПАРТИЗАН,
ПАТРИОТ**

Воспоминания

Издательский центр
«Эль-Фа»
Нальчик
1994

Необычна судьба Мугдаши Хизгилова. Дагестанец, житель Дербента, он честно и добросовестно трудился на благо Родины: на ореходробильном заводе, консервном комбинате, служил в рядах Красной Армии, редактировал дагестанскую областную газету «Красная звезда», выходящую на татском языке. По зову сердца снова ушел в армию, среди первых вступил в бой с фашистскими захватчиками. А потом было тяжелое ранение, плен, концентрационный лагерь, побег из него и вновь лагерь. Но, надев униформу гауптмана гитлеровской армии и возглавив роту в азербайджанском легионе (в плену М. Хизгилов назвался Мигдаром Абдулалиевым), он стал во главе подпольной организации батальона, получив псевдоним Черный Капитан. Арест, последовавший по доносу предателя, пытки и мучения, выдержанные с честью, новый побег и партизанские будни в лесах Белоруссии, насыщенные боевыми акциями: нападениями на вражеские гарнизоны, взрывами мостов и эшелонов,— обо всем этом ветеран рассказывает в своих воспоминаниях, публикуемых посмертно.

Книга отредактирована, подготовлена к печати
и издана под руководством
и при непосредственном участии директора
фирмы «Интерэкспресс»
Григория Сосунова

Х $\frac{0503020000-046}{T43(03)-94}$ без объявл.

ISBN 5-88195-062-3

© М. Хизгилов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА МИГДАРА АБДУЛАЛИЕВА

В Польшу Мигдар Абдулалиев приехал в июле 1942 года в телячьем вагоне, незастекленные окна которого были густо замотаны колючей проволокой. Переезду в Едлинь предшествовал бурный, до краев наполненный невезеньем год. В первые дни после нападения Германии на Советский Союз дагестанец Абдулалиев вступил в сражения на территории Белоруссии. В августе 1941 года под Смоленском был контужен, а полтора месяца спустя по собственному рапорту вернулся на передовую. Немцы были уже под Москвой. Через несколько дней после возвращения в часть в боях за Вязьму был тяжело ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Из концентрационного лагеря в Могилеве Абдулалиев бежал в январе 1942 года, однако побег оказался неудачным: после почти двухмесячных скитаний по лесам он нарвался на конный разъезд полицаев и вновь оказался в концентрационном лагере, на сей раз в Молодечно. Из Молодечно в Едлинь Мигдар Абдулалиев ехал, имея специальное задание подпольного комитета концлагеря.

В Едлине Абдулалиев надел униформу гауптмана гитлеровской армии и возглавил карантинную роту вновь созданного азербайджанского легиона. Начальству Мигдар казался грамотным и исполнительным командиром, понимающим дело и досконально выполняющим свои обязанности. Удивляла лишь его молчаливость — последней фразой в составленной несколько месяцев спустя и в целом весьма положительной служебной характеристике на новоиспеченного гауптмана значилось: «Очень скрытен».

А Абдулалиеву было что скрывать. Возглавленная им подпольная организация батальона организовала разлагающую работу среди легионеров, в результате которой после отправки на фронт многие, не произведя ни единого выстрела, переходили на сторону Красной Армии. Гауптман, за которым вскоре и уже до самого конца войны утвердилась кличка Черный Капитан, что весьма вязалось не только с его темными глазами и цветом волос, но и со всем обликом решительного и очень сдержанного человека, мог бы детально объяснить, куда девались похищенные со складов оружие и медикаменты и каким образом до солдат батальона доходят сводки Совинформбюро.

Одним из секретов, скрывааемых его постоянной молчаливостью, была связь с польским антифашистским подпольем. А началась она со следующего эпизода.

...Однажды осенним вечером Мигдар с тремя единомышленниками из батальона прогуливался по окраине Едлия. Навстречу им двое жандармов вели молодого поляка со скрученными за спиной руками. Острый разговор

между legionерами и жандармами закончился короткой стычкой. Жандармы остались лежать в придорожной канаве, а оторопевший от столь неожиданного развития событий паренек не заставил себя упрашивать и мгновенно скрылся.

Несколько дней спустя Абдулалиев нанес свой первый визит польской «паненке», что вызвало открытое одобрение немецких «коллег». Такие связи с местным населением вполне устраивали их. Но все дело в том, что паненку звали Любомир, в дальнейшем именно он осуществлял связь подпольной группы батальона с польскими антифашистами. По этому каналу в руки польских товарищей ушло немало оружия, лекарств, ценных сведений.

Между тем немецкое командование, обеспокоенное провалом идеи создания кавказских легионов, бойцы которых с возрастающей закономерностью переходили на сторону Красной Армии, начало подозревать что-то неладное. Весной 1943 года в лагере появился некто Самат Мамедов, бывший старший лейтенант Красной Армии. Мигдар попытался прощупать его, но разговор получился каким-то неопределенным. А несколько дней спустя приказом командира батальона майора Ридера Абдулалиев в сопровождении зондерфюрера Миллера выехал в инспекционную поездку по лагерям для военнопленных для проверки условий, в которых живут азербайджанцы, и вербовки новых легионеров. Маршрут проходил через Варшаву и Ченстохов.

В Варшаве Миллер неожиданно заговорил об отношении гитлеровцев к полякам, евреям, русским. Поводом к этому разговору послужил

лесах оккупантам мстил польско-советский отряд под руководством «Федорова» — Теодора Альбрехта. Группой, к которой присоединились демблинские беглецы, руководил бывший политрук Советской Армии Константин Сафарьян. Она насчитывала до этого лишь шесть человек, которых «люди Ветчика» снабдили двумя австрийскими винтовками и двумя обрезами. Первой акцией, в которой участвовал Мигдар Абдулалиев, было нападение на охрану лесопилки. В результате этой вылазки вооружение группы пополнилось четырьмя винтовками.

Дальнейший путь партизан лежал на восток, в сторону польско-советской границы. К моменту перехода через Буг их число значительно возросло за счет бежавших из лагерей советских военнопленных. Своим командиром партизаны избрали Мигдара.

И вот Абдулалиев, во главе сплоченной боевой группы, имевшей уже некоторый опыт партизанской борьбы, оказался на советской территории. После нескольких дней пути, прошедших в стычках с фашистами и бендеровцами, группа прибыла в район Малориты, южнее Бреста, где влилась в отряд имени Жукова партизанской бригады имени Сталина. Теперь, став частью большого партизанского соединения, бойцы смогли принять участие в крупных операциях. Абдулалиев, назначенный заместителем командира отряда по разведке, возглавлял нападение партизан на гарнизон Шацка, железнодорожную станцию Домачево, фашистские части и подразделения в Олтуше, Чапельке и др.

Партизанский счет Черного Капитана — это несколько густо исписанных страниц. В числе акций, отмеченных в этом документе, некоторые продолжают польскую хронику Абдуллаева. В декабре 1943 года двести партизан по плану, разработанному Мигдаром, перешли польскую границу и в смелом нападении на охрану концентрационного лагеря в городе Гжехув освободили большую группу поляков и граждан, свезенных сюда из других европейских стран. Несколько месяцев спустя разведчики отряда имени Жукова по указанию командования совершили глубокий рейд в глубь польской территории, до самой Вислы, собирая необходимые для советских и польских частей сведения об оборонительных сооружениях германской армии.

В апреле 1944 года отряд получил особое правительственное задание: переправить из района Белоподлязка в Москву ответственных представителей польского антифашистского подполья. И эта операция была выполнена безупречно. Более недели гостями отряда были видные деятели польского Сопротивления. Перед посадкой их в самолет, направляющийся в Москву, Мигдар подошел к одному из них и попросил доставить на Большую землю письмо к родным (много лет спустя он узнал по фотографии этого человека — им был Мариан Спыхальский). Вскоре родители в Дербенте получили в конверте без обратного адреса первое за три года письмо от сына. Письмо, в котором он говорил о своем скором возвращении домой.

И это возвращение наступило. Летом 1944 года партизаны бригады соединились с

войсками Советской Армии. Мигдар Абдулалиев, награжденный за личное мужество правительственными наградами, вернулся в родной Дагестан. Так закончилась для него вторая мировая война, большую часть которой он провел в боевом содружестве с польскими антифашистами.

Конец моего очень короткого рассказа будет, вероятно, несколько неожиданным. Среди жителей Дербента нет и никогда не было Мигдара Абдулалиева, зато каждый житель этого древнего города знает многолетнего директора ковровой фабрики депутата горсовета Мугдаши Хизгилова. Ковры ручной работы, выпускаемые этой фабрикой, славятся во всем мире. В том, что древнее искусство ковроделия расцвело в наши дни с новой силой, немалая доля труда Мугдаши Хизгилова, отличающегося и сегодня той неистовостью и самоотдачей, как в те отдаленные времена, когда он был известен советским и польским антифашистам под именем Мигдара Абдулалиева, легендарного Черного Капитана, которого наверняка вспомнят жители Едлина и Демблина, читая этот очерк.

А. Волжанский

Из газеты «Литературная жизнь»
(Польша, Варшава). № 16. 20 апреля 1975 г.

ГОРОД ДЕТСТВА — ДЕРБЕНТ ЮНОСТЬ В АРМЕЙСКОЙ ШИНЕЛИ

В пятилетнем возрасте я начал учебу у священника, организовавшего у себя дома платную духовную школу, в которой обучались одновременно четырнадцать-пятнадцать детей разных возрастов. Система учебы была несколько странной, единой программы для всех обучавшихся не существовало — каждый учился и продвигался в учебе по мере своих способностей. По существу, каждый из детей находился на разной стадии обучения. Когда мне было восемь лет, я уже мог свободно читать и переводить Священное писание.

Каждый раз, когда родители приходили к учителю-священнику для внесения платы за обучение, последний отзывался положительно о моих способностях в учебе. Поэтому, видимо, я ни разу не удостоился «чести» быть знакомым с палкой, которую то и дело пускал в ход священник, беспощадно наказывая нерадивых и шаловливых учеников.

В кругу семьи уже было решено, что я непременно доучусь до священника. Особенно настаивала на этом моя бабушка по отцу, которая происходила из семьи потомственных священников да и сама была достаточно хорошо обучена. Отец же мой, который с двенадцатилетнего возраста познал труд (преждевременная смерть отца заставила его взять на себя заботу о матери и трех сестрах, которые

были младше него), хотя и не отличался особой религиозностью, но разделял мнение своей матери доучить меня до священника.

Мне было семь лет, когда один мальчик из русской семьи, сосед по двору, пошел учиться в реальное училище. Я почти ежедневно заходил к ним на квартиру и интересовался его учебой. Постепенно я так увлекся этим, что мы стали делать уроки вместе. У меня тоже завелись тетради по русскому языку и арифметике.

Однажды мой дядя (старший брат матери), придя к нам, застал меня над решением арифметических задач. Посмотрев мои тетради и увидев, как я чисто пишу по-русски и хорошо знаю все четыре действия арифметики (мальчик-сосед учился уже в третьем классе), удивленно спросил:

— У священника вы проходите и это?

Услышав мой ответ, что в свободное время я занимаюсь с соседским мальчиком, который ходит в третий класс реального училища, он позвал мать и возбужденно сказал ей:

— Обязательно в этом году надо отправить Мишу в школу. Да ты смотри, как хорошо он пишет!

Она улыбнулась и сказала:

— Учитель (священник) очень доволен его учебой и всегда хвалит его.

Мать не была грамотной и, разумеется, не могла знать, что речь идет о русской письменности. Дядя разъяснил ей, что речь идет не о Священном писании, а о русской письменности и русской школе.

По настоянию дяди в том же году я был записан в общеобразовательную школу. Тогда

мне шел уже десятый год. После двух недель обучения в первом классе первая моя учительница Вера Андреевна Пахомова, увидев, что я хорошо знаю не только программу первого класса, но и третьего, переговорила с администрацией школы и добилась моего перевода во второй класс. А по окончании учебного года я был переведен через класс — в четвертый.

Мне было четырнадцать лет, когда я окончил семилетку.

До одиннадцатилетнего возраста я продолжал ходить на занятия и к священнику. Такова была воля родителей. Только когда я стал учеником пятого класса, родители вняли моим просьбам, что мне трудно справляться с занятиями в обеих школах, и, смирившись с мыслью, что у меня нет никакого желания стать священником, позволили прекратить посещение духовной школы.

Но через несколько дней после того, как я перестал ходить в духовную школу, явился к нам домой сам священник. Выяснив, что не самовольно, а с согласия родителей я перестал ходить к нему на учебу, он гневно бросил в адрес матери:

— Пусть грех ляжет на вашу душу за то, что вы не дали еще два-три года доучиться этому одаренному мальчику и получить удостоверение священника.

Сказав, он хлопнул дверью и ушел.

В те годы в Дербенте не было полных средних общеобразовательных школ. Поскольку я не мог продолжать учебу в городе и, в особенности, учитывая тяжелое положение семьи (она состояла из восьми душ, а работал только отец — рабочий-строитель), я решил пойти

работать по найму у частных предпринимателей.

В 1929 году отец заставил меня уйти с работы и поступить учиться в Дербентское фабрично-заводское училище железнодорожного транспорта. Окончил я ФЗУ в 1931 году.

Во второй год обучения практику проходили мы на станции Араблинка (в десяти километрах от Дербента). В то время это место было малярийное, и многие учащиеся, в том числе и я, заболели малярией. Поэтому по окончании ФЗУ я не смог работать на транспорте.

Один из друзей отца, долгое время проработавший с ним в одной бригаде строителей, плотник Борис Соломонович Рабаев, в это время был выдвинут на должность директора Дербентского ореходробильного завода. Как-то пришел он к нам домой и, узнав, что я из-за болезни (малярия периодически все еще трясла) не могу работать по специальности на транспорте, предложил мне пойти к нему на завод. Но в это время мне было всего лишь шестнадцать лет. Чтобы возраст не был помехой для поступления на работу, я через врача поликлиники взял справку о том, что мне исполнилось восемнадцать лет.

Во второй половине 1931 года я поступил на ореходробильный завод — вначале на должность приемщика, а затем был переведен на должность заведующего дробильным цехом.

Еще в ФЗУ я вступил в ряды Ленинского комсомола и принимал активное участие в работе первичной организации. В первые же месяцы на заводе был избран секретарем комсомольской организации. Секретарем горкома комсомола в ходе беседы со мной после избра-

ния меня комсоргом среди прочих вопросов был задан и такой: «Имеют ли родители движимое и недвижимое имущество?». А у нас был небольшой участок виноградника. Когда я сообщил об этом, то услышал от секретаря горкома категорическое: «Это нехорошо. Сад надо сдать государству».

Придя домой, я сообщил отцу о беседе с секретарем горкома и сказал:

— Папа, секретарь горкома сказал, чтобы ты сдал государству сад.

— Что?! — только и ответил отец и дал мне пощечину.

Я, приложив ладонь к щеке, молча вышел из комнаты.

Все шестнадцать лет я не видел отца таким возбужденным. Больше того: все мы, пятеро братьев, не помним случая, чтобы отец ударил кого-нибудь из нас даже тогда, когда мы, казалось, безоговорочно заслуживали наказания за какие-нибудь проделки. Мы, дети, не раз бывали свидетелями, когда ему приходилось слышать упреки от матери, что он не поступает как другие отцы, нет у него никакой строгости и он окончательно распустил детей. В основном причиной недовольства матери бывали постоянные жалобы со стороны соседей на драчливость одного из моих братьев, который никак не мог обойтись хотя бы неделю, чтобы не разукрасить лицо кому-нибудь из ровесников или же самому прийти домой разукрашенным «фонарями». В последнем случае он весь день не показывался дома, являлся только после того, как стемнеет. Отец же, выслушав жалобу матери и приняв строгий вид, как правило, обращаясь к провинившемуся, обещал:

— Вот подожди, я завтра выпорю тебя как следует!

А завтра он уходил на работу, когда мы еще спали и, разумеется, обещанной порки не было.

Неожиданно резкая реакция отца на мою просьбу сдать сад государству заставила меня задуматься: прав ли был секретарь горкома, предложив мне обратиться к отцу с подобным требованием? В последующие за этим дни мы с отцом избегали встреч и разговоров друг с другом. Он после еды, которая проходила молча, тут же удалялся в другую комнату и продолжал оставаться там, пока мы не уляжемся спать. Мать всячески пыталась убедить меня, что отец никак не мог иначе реагировать на мое неразумное предложение, так как в приобретение этого небольшого виноградника он вложил все заработанные тяжелым трудом и сбереженные в течение нескольких лет средства. Пришлось даже продать кое-что из крайне необходимых домашних вещей, чтобы набрать нужную сумму. Да и купил ведь он сад только ради нас, чтобы мы могли проводить летнее время в саду и есть фрукты, как другие дети.

На третий или четвертый день после злополучного разговора с отцом, когда я пришел домой на перерыв, мать сказала мне:

— Отец оставил на столе какую-то бумагу для тебя.

А бумага эта была справкой горфинотдела со штампом, печатью и двумя подписями, удостоверяющая, что «гражданином Хизгиловым Яхьей Мугдашевичем добровольно и безвозмездно сдан государству лично ему принадле-

жащий участок виноградника площадью... в границах...».

Еще несколько дней после этого отец был молчалив. Что мучило его? То, что лишился сада, или причиненная мне пощечиной обида? В юные годы мне трудно было разобраться в этом. Сейчас, вспоминая все это, я точно могу сказать, что так скоро принятым решением сдать сад, даже не посоветовавшись с кем-нибудь из родственников, отец хотел смягчить нанесенную мне обиду.

До дня ухода в Красную Армию на действительную военную службу в октябре 1935 года я наряду с основной работой выполнял и обязанности секретаря комсомольской организации.

В 1933 году меня избрали членом бюро Дербентского горкома комсомола и депутатом городского Совета депутатов трудящихся.

В 1932—1933 годах на завод было трудоустроено около ста девушек, прибывших в Дербент из районов Кубани. Это были люди, испытывавшие большие лишения, и выглядели они истощенными и измученными неудобствами при переездах в поисках пристанища. Надо было вести с ними не только большую воспитательную работу, но и повседневно заботиться о создании для них нормальных бытовых условий, изыскивать возможности оказания им материальной помощи. Всеми этими вопросами в меру своих возможностей занималась комсомольская организация, настойчиво добиваясь у администрации и профсоюзной организации завода принятия мер по разрешению того или иного вопроса.

Вспоминая этот период, я не могу не отдать должное заботливому, отеческому обхождению с комсомольцами и молодежью директора завода Бориса Соломоновича Рабаева. Прекрасной души человек, он с большим вниманием относился к нуждам и запросам молодежи. Будучи почти неграмотным, этот выдвиженец из рабочих, который по воле партии оставил свой плотничный топор, чтобы занять кресло директора предприятия, обладал недюжинными способностями организатора и хозяйственника. А свою неграмотность он компенсировал феноменальной памятью: запоминал в подробностях даже малозначительные указания.

Борис Соломонович с семьей жил на территории завода, превратив в небольшую квартиру две комнаты здания конторы. Очень часто вечерами и в выходные дни он по многу часов проводил в беседах с комсомольцами и молодежью, увлекательно рассказывая о своем прошлом, делился планами развития предприятия, задачами сегодняшнего дня. Мы же почти все дни, включая и выходные, до позднего вечера проводили на заводе и каждый раз с неослабевающим интересом слушали Бориса Соломоновича. Слушал с неменьшим интересом нас и он. Эти постоянные встречи и беседы с ним, его наставления пополняли наши знания, являлись для нас как бы школой хозяйствования.

Не случайно в последующие годы, когда в Дербенте создавались промышленные предприятия и кооперативные организации, почти все руководящие посты на них занимали выходцы из коллектива этого завода, единствен-

ного тогда в Дербенте (если не считать маленький винзавод, на котором работало всего лишь двадцать-тридцать человек) промышленного предприятия.

Люди, прошедшие школу советского хозяйствования в этом коллективе и воспитанные в духе интернационализма, товарищества и взаимного уважения, продолжали поддерживать добрые взаимоотношения, оказывая друг другу помощь и поддержку в преодолении возникавших трудностей в работе на новых местах.

Комсомольцы завода принимали активное участие в охране отобранных у раскулаченных лиц садов и виноградников, устраивали субботники на подсобном хозяйстве завода, собирали металлолом, проводили большую массово-физкультурную работу. К проведению всех этих мероприятий привлекалась и внесоюзная молодежь, что способствовало росту комсомольской организации.

Большое оживление в наши комсомольские дела, в организацию и проведение интересной массово-воспитательной работы среди молодежи внесли прибывшие в 1933 году на завод для работы после окончания Одесского пищевого техникума девушки Лида Столярова и Вера Проненко. Они обе имели хороший опыт комсомольской работы.

В начале 1934 года ввиду болезни заведующего одним из цехов выделения (их было два) временно на меня была возложена и эта должность, а работал я тогда заведующим цехом дробления. В это время завод перерабатывал грецкие орехи, поступавшие из Туапсе и Геленджика. Орехи эти были отличного ка-

чества и имели тонкую скорлупу, а поэтому завод получил задание на больший процент выхода ядра. Но оно не выполнялось. Директор завода приказал заведующим цехами назначить доверенных людей и при выходе из цеха обыскивать работниц. Это вызвало у меня недоумение: как можно обыскивать работниц? Но все же я, собрав работниц, сообщил им о данном указании и разъяснил, что это связано с невыполнением установленной нормы выхода ядра. Видя, что работницы встретили это сообщение с удивлением и некоторой обидой, я спросил: «Как же нам быть? Будем назначать ответственного за обыскивание?».

Никто не отозвался. Так и не решив дело до конца, я вышел из цеха.

А в другом цехе была назначена одна пожилая женщина, которая, поставив у дверей табуретку, сидела там в течение всего дня и обыскивала работниц при каждом выходе из цеха. Во второй половине дня любопытства ради я заглянул к ним и увидел, что несколько ящиков были заполнены изъятым у работниц ядром. Я был расстроен и подумал: «Не избежать мне взбучки от директора за невыполнение данного им приказа». В конце рабочего дня, взвесив и подсчитав выход ядра, я был изумлен: на полтора процента больше выход, чем установлено нормой.

После ухода рабочих мы были приглашены к директору для доклада об итогах работы за день. Когда мы вошли в кабинет директора, то там находились и прибывшие из треста главный инженер И. Г. Соскин и заместитель управляющего Магомаев, которые прибыли на

завод из совхоза им. Герейханова, где они в течение нескольких дней налаживали производство сухофруктов.

Первым стал докладывать заведующий другим цехом выделения. Он сообщил, что орехового ядра поступило на семь процентов меньше, чем предусмотрено нормой выхода.

Б. С. Рабаев задал вопрос:

— А сколько изъяли при обыске у рабочих? (Он сообщил Соскину и Магомаеву, что дал указание с сегодняшнего дня обыскивать рабочих).

— Девять ящиков общим весом около семидесяти килограммов,— ответил заведующий цехом.

— Какой выход сегодня по сравнению со вчерашним днем? — спросил Соскин.

— Почти на четыре процента меньше, чем вчера,— был ответ заведующего цехом.

— Это включая обнаруженное количество при обыске? — поинтересовался Рабаев.

— Да.

Когда предложили мне доложить о положении в нашем цехе, то я, покраснев, коротко сообщил, что норму дали с перевесом на полтора процента. Похвалив меня, Рабаев спросил:

— А какое количество собрали при обыске?

Я еще пуще покраснел, полушепотом ответил, что не обыскивали. Директор, повысив голос, угрожающе бросил в мой адрес:

— Как посмел не выполнить приказ?

Но Соскин жестом руки остановил его и мягко, с улыбкой спросил:

— А что же ты сделал, чтобы дать норму?

Я ответил, что поговорил с работницами, а обыскивать было стыдно.

— Ну и что, они обещали тебе дать норму?
— Они ничего не сказали,— ответил я, опустив голову.

Соскин, подумав немного, спросил:

— Скорлупу из цеха не вынесли еще?

— Нет,— ответил я.

Такой же ответ последовал и от другого заведующего цехом. Тогда Соскин предложил всем пойти в цех и там, как он выразился, «выяснить некоторые обстоятельства». В цехе по его указанию было высыпано на очищенные столы одинаковое количество скорлупы из обоих цехов и расставлены люди, чтобы извлекли из скорлупы оставшееся ядро.

Из скорлупы, взятой из моего цеха, почти ничего не удалось извлечь. Но зато отличился другой цех: из скорлупы доставали даже целые половинки ядра. На столе образовалась внушительная горка ядра.

— Вот и разгадка,— заявил Соскин. Затем он подошел ко мне и, положив на мое плечо руку, сказал: — Ты правильно поступил, сынок. Обязательно поговорю с директором, чтобы он не наказывал тебя за невыполнение приказа.

В течение следующего дня работники, видимо, уже узнавшие о вчерашнем эксперименте и его результатах, как по уговору, улыбались при встрече со мной.

В 1934 году в связи с окончанием сезона переработки ореха и началом заготовки фруктов меня перевели в сырьевой отдел завода. Новая моя должность именовалась так: уполномоченный по заготовкам. В то время завод имел во многих населенных пунктах Дербентского, Табасаранского, Хивского и Кайтагско-

го районов заготпункты во главе с заготовителями, которые закупали у крестьян фрукты и ягоды. Часть заготовленного передавалась на Арбакурский сушильный завод (филиал завода в Табасаранском районе) для выработки сухофруктов; а остальное количество поступало на завод для переработки на варенье, джемы и повидло. Некоторое количество отбиралось и в свежем виде отправлялось в центральные города Союза.

Заготовленные фрукты и ягоды в основном доставлялись в Дербент «красными обозами», составленными из нескольких сот нанятых у крестьян двухколесных арб, запряженных буйволами или волами. Бывало, подтянувшись за ночь к городским воротам, эти сотни подвод с красными флагами, транспарантами, сопровождаемые музыкантами, с рассветом заполняли все улицы города и двигались к заводу. Каждый такой приезд воспринимался в городе как праздник, и веселье продолжалось до позднего вечера.

В октябре 1934 года я был призван на действительную службу в Красную Армию. Служба моя в армии началась раньше установленного тогда призывного возраста на два с половиной года, так как ранее мне пришлось увеличить на этот срок свой возраст для поступления на работу. В тот год я был единственным из коллектива, который уходил в армию, и мне были организованы на заводе торжественные проводы.

По прибытии в часть — Тбилисский отдельный особый стрелковый батальон, в обязанности которого входила охрана арсенала, — после прохождения карантинного срока я был

зачислен в полковую школу младших командиров.

В течение первого же месяца учебы как-то ночью меня разбудили и послали на пост в арсенал вместо внезапно заболевшего часового (до этого еще никого из новобранцев не назначали на посты в арсенал). Под утро был произведен обход постов арсенала представителем штаба округа вместе с командиром батальона Бабаджаняном и начальником штаба батальона Худяковым. Когда проверяющие в сопровождении начальника караула и разводящего приблизились к моему посту, то я подпустил их в точном соответствии с требованиями Устава караульной службы. Начальник караула доложил проверяющим, что я из новобранцев и направлен на пост ввиду внезапной болезни часового. Мне было задано несколько вопросов из устава, а также как бы я действовал в той или иной обстановке, на которые я ответил четко и исчерпывающе. При этом точно выполнял обязанности часового на посту, то есть не ослаблял наблюдения за своим объектом.

На второй день после смены с караула и отдыха я был приглашен к начальнику штаба батальона, который, сообщив мне об объявленной командиром батальона благодарности за хорошее усвоение устава и отличное несение караульной службы, поинтересовался моим прошлым и занятием родителей. Выслушав мои ответы, начальник штаба сообщил, что в ту ночь несение караульной службы в арсенале проверял начальник артиллерии округа комдив Мгалоблишвили и он приказал, чтобы меня направили к нему на беседу.

— Побрейтесь, прийдите к гимнастерке свежий воротничок, почистите хорошенько сапоги и в 15.00 явитесь ко мне,— приказал в заключение начальник штаба и, подойдя ближе, попытался просунуть два пальца за мой ремень, что ему удалось сделать не без усилий (в батальоне был широко известен его излюбленный метод проверки подтянутости красноармейца).

Прибыв в штаб округа в назначенное время, начальник штаба приказал мне ждать в приемной, а сам вошел в кабинет заместителя начальника артиллерии округа Николаева. Через несколько минут пригласили туда и меня. Были заданы почти те же вопросы, на которые я утром давал ответы начальнику штаба. Николаев еще поинтересовался моим образованием и почерком. В конце беседы он сообщил мне:

— По приказанию начарта округа вы переводитесь учеником в отдел артиллерии округа. Ежедневно к 9.00 должны быть в отделе. Чему вы будете учиться и под чьим руководством, вам сообщат завтра, когда явитесь. Запомните раз и навсегда: все разговоры, которые вы услышите в штабе, каждая бумажка и даже выброшенные в мусорные корзины клочки бумаги представляют строгую секретность. Выходя из штаба, о них вы должны забыть.

По истечении нескольких дней работы в отделе я был вновь приглашен к Николаеву, который сообщил, что мне следует первую половину дня посещать полковую школу в батальоне до ее окончания.

По окончании полковой школы мне и еще двум курсантам были присвоены звания пом-

комвзвода (три треугольника в петлице), а остальным — комотделения (два треугольника).

Работая в отделе артиллерии округа, по роду выполняемых обязанностей я часто встречался с начальником секретного отдела штаба Лавровым. Как-то на исходе первого года службы Лавров сообщил мне, что он решил обратиться к начальнику штаба округа комдиву Савицкому с просьбой о переводе меня к нему в отдел на должность помощника начальника сектора.

Вскоре мне присвоили звание старшины и я был переведен на обещанную Лавровым должность.

К концу службы я был аттестован на звание техника-интенданта II ранга и мне было сделано предложение остаться в кадрах Красной Армии. Но я отказался от этого предложения, так как надо было помогать родителям в содержании большой семьи.

В октябре 1936 года я был демобилизован в запас в звании техника-интенданта II ранга.

Дней через десять после демобилизации из армии я обратился к директору Дербентского консервного комбината А. И. Брилевскому (в 1935 году было завершено строительство консервного завода в Дербенте, который затем, объединившись с ореходробильным заводом, стал именоваться Дербентским консервным комбинатом) с просьбой о приеме на работу (Б. С. Рабаев в это время занимал пост управляющего Дагестанским консервным трестом). Узнав, что два года тому назад я уходил в армию с ореходробильного завода, с неко-

торым удивлением смотрел он на мою командирскую форму и кубики на петлицах.

— Всего два года вы были в армии? — задал он мне вопрос.

Получив утвердительный ответ, он спросил:

— Какое же училище вы окончили?

— Я не учился в училищах, а служил и работал в штабе Закавказского военного округа, — ответил я.

Алексей Иванович, услышав мой ответ, отозвался: «Похвально» — и предложил мне занять должность начальника второго отдела (спецотдела) комбината.

Приняв дела и ознакомившись с ними, я убедился, что они частью в незавершенном, а то и в запущенном состоянии. В течение первых двух недель я работал и ночами, составляя заново и приводя в надлежащее состояние все мобилизационные планы и дела отдела. Брилевский по вечерам иногда заходил ко мне в кабинет и интересовался выполняемой мною работой. Закончив все, я доложил об этом Алексею Ивановичу. Он поблагодарил за проделанную работу, заявив, что не допускал и в мыслях, что дела в таком важном отделе могли находиться в столь безобразном состоянии. Подумав немного, он обратился ко мне:

— У вас теперь будет некоторое свободное время. Что, если я попрошу вас разобраться с этой почтой? — И он указал на лежавшую на столе папку с бумагами. — Возьмите, просмотрите и на отдельных листочках бумаги напишите ответы или кому из работников комбината адресовать для исполнения и что

надо проделать по каждой из них. Записки ваши приколите к письмам булавочкой. Если управитесь за день, то вечером занесите мне.

Я, взяв папку, пошел к себе в отдел. Весь день я сидел над этой почтой, переписывая по несколько раз и отшлифовывая каждую визу и ответ. Вечером, когда я занес Брилевскому папку и положил на стол, он, предложив мне присесть рядом с ним, стал читать мои «сочинения». Просмотрев пять-шесть писем, он уложил их обратно в папку, беря снова по одному, начал вносить в мои записи изменения:

— Это надо было адресовать не этому, а тому-то... Это несколько многословно, визы ставятся так же кратко, как у вас в армии даются приказы. Вот это зачеркнем, а добавим так... По этому письму надо было написать проект приказа вот такого содержания... — И быстро набросал текст приказа — ясный и четкий. — Вот это — правильно. А здесь немножко изменим формулировку.

И так далее. Мы просидели над разбором этой почты около двух часов, и я был весь в поту от неловкости, что не сумел должным образом выполнить его поручение.

Видя мое состояние, Алексей Иванович улыбнулся и успокоил:

— Не волнуйся, у меня в первый раз было намного хуже, чем у тебя. Еще пару раз вот так поработаем с тобой, а там все пойдет как по маслу. Возьми все это обратно, перепиши визы на письма и утром занеси мне на подпись. А ответы, переписав, отдай секретарю отпечатать на машинке.

Еще несколько дней в таком же духе мы проводили время над письмами. В последующем я уже усвоил дело и Алексею Ивановичу приходилось весьма редко вносить незначительные исправления.

Выполнение этого поручения давало мне возможность чаще видаться и беседовать с этим грамотным и опытным руководителем, поучиться у него и перенять хороший стиль решения хозяйственных и административных задач.

Я тогда уже уяснил для себя, что Алексей Иванович не ради облегчения своей работы поручил мне разбор поступавшей на комбинат почты, уделяя ежедневно час-полтора драгоценного времени исправлению и редактированию всего написанного мною, причем делал он это с большим тактом, вселяя в меня уверенность, что в скором времени и я сумею сделать это так же умело, как он. Всю свою жизнь я с благодарностью вспоминал период работы под его руководством.

В январе 1937 года на комбинат поступил приказ наркома пищевой промышленности СССР А. И. Микояна об организации при крупных предприятиях школ технического обучения во главе с директором школы, завучем и преподавательским персоналом. К приказу был приложен список предприятий, на которых должны были быть организованы такие школы. В этом списке упоминался и наш комбинат.

Алексей Иванович, прочитав приказ, взглянул на меня и с улыбкой сказал:

— Ну, Миша, считай, что ты уже директор. Я недоуменно уставился на него.

— Да, да. Читал приказ? Вот и будешь директорствовать в этой школе. Но второй отдел тоже оставляю за тобой, по совместительству. Думаю, справишься с той и другой работой.

Однако директорствовать мне пришлось недолго. В мае 1937 года отдел заготовок комбината был реорганизован в сырьевое управление с большим штатом работников. Начальником управления был назначен агроном Басов. В ходе укомплектования этого управления кадрами Алексей Иванович пригласил меня и предложил занять должность заместителя начальника управления. Предлагая мне это, он разъяснил:

— От работы управления будет зависеть успех комбината в выполнении предусмотренной большой программы. Я вспомнил, что ты как-то говорил о своей работе уполномоченным по заготовкам на ореходробильном заводе до службы в армии, и решил воспользоваться твоим знакомством с районами, поставляющими нам сырье. Однако условия будут прежними: второй отдел остается за тобой также по совместительству.

Я дал согласие и приступил к работе в сырьевом управлении комбината.

В это же время с помощью Алексея Ивановича мне удалось поступить на заочные подготовительные курсы в Московскую промакадемию имени И. В. Сталина. Курсы были рассчитаны на год, и оплату педагогам за индивидуальную подготовку производил комбинат.

В сырьевом управлении тоже мне пришлось проработать только четыре месяца.

Комсорг ЦК ВЛКСМ при комбинате (парторг и комсорг были на комбинате от ЦК)

Видно было, что старые работники редакции восприняли наше с Семеновым назначение на главные должности в редакции с недоумением и как-то безынициативно относились к работе, явно и провокационно ожидая наших «руководящих указаний». Посоветовавшись с Семеновым, мы решили на очередном совещании обезоружить их откровенным разговором о том, как мы были направлены на эти должности и что без их помощи на первых порах нам не справиться с работой. Определенный вес нашему разговору придавал прочитанный Семеновым вслух приказ наркома о зачислении меня в промакадемию в этом учебном году.

— Видите, мы готовились к деятельности на другом поприще. А партия решила, что мы должны быть тут.

Таким образом, в первое время все же пришлось нам с Семеновым всецело рассчитывать на помощь старых работников редакции, решая все вопросы коллективно. Но уже на втором месяце работы я освоился с делом и мог самостоятельно выполнять свои обязанности.

Газета «Красная звезда», орган Дагестанского обкома и Дербентского горкома ВКП(б), распространялась не только в пределах Дагестанской АССР, но и в других республиках — Азербайджане, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, где также проживало татское население. С каждым днем газета становилась интересней, и в достижении этого большую помощь нам оказывали своим участием в работе газеты татский писатель Миши Бахшиев, писатель-юморист Хизгил Авшалумов, поэты

Мамунах Дадашев и Данил Атнилов. В 1939 году тираж газеты вырос в полтора раза.

В 1938 году с началом учебного года в сети партийного просвещения горкомом ВКП(б) я был направлен пропагандистом по изучению истории ВКП(б) в политкружок преподавателей Дербентского сельхозтехникума. И с того времени вплоть до 1975 года — дня ухода на пенсию — я не расставался с пропагандистской деятельностью.

В мае 1939 года я был принят кандидатом в члены ВКП(б) и решением бюро обкома ВКП(б) назначен ответственным редактором газеты «Большевистская Красная звезда». Вскоре в журнале «Большевистская печать» я прочел хронику о том, что Центральный Комитет ВКП(б) утвердил меня в этой должности.

За время моей работы в редакции бюро обкома дважды рассматривало вопрос о состоянии газеты и оба раза давало положительную оценку работе газеты по воспитанию трудящихся масс.

В 1939 году я был избран депутатом Дербентского городского Совета депутатов трудящихся.

В последних числах декабря 1939 года или в начале января 1940 года (точно уже не помню) на одном из заседаний бюро обкома ВКП(б), на котором присутствовал и я, было зачитано письмо Центрального Комитета ВКП(б) о положении на Карельском перешейке. Ознакомливая присутствующих с этим письмом, первый секретарь обкома товарищ Линкун сказал, что ЦК считает необходимым на добровольных началах направить в действующую армию идеологически выдержан-

ных, политически подготовленных лиц из числа командиров запаса.

Всю обратную дорогу из Махачкалы в Дербент я думал над словами секретаря обкома. С одной стороны, я считал, что, безусловно, должен быть одним из тех добровольцев, о которых говорил Линкун, хотя мое воинское звание и не было строевым. С другой — приходилось думать о жене и шестимесячном сыне (женился я в 1938 году, а в июле 1939 года у меня родился сын). Как они будут без меня? Жена не работает, двое моих братьев служат в армии, а в семье, кроме моей жены и ребенка, были еще мать, два малолетних брата и сестра. Каково будет одному работающему отцу? Сможет ли он один обеспечить семь душ?

Дня два думал я об этом. Тогда мне не приходила в голову мысль, что занимаемое мною положение редактора областной партийной газеты освобождает меня от необходимости быть в рядах Красной Армии даже на случай войны.

На третий день после бюро обкома, придя на работу, первое, что я сделал, написал заявление в адрес наркома обороны СССР с просьбой направить меня добровольно в действующую армию на Карельский перешеек. Иначе я не мог поступить, высокие патриотические чувства обязывали меня принять именно такое решение.

Военком города капитан Сидякин, который хорошо знал меня по занимаемой должности, был удивлен моим заявлением. Но я сказал ему, что в курсе указания ЦК партии в этой части и считаю, что вполне подхожу к требо-

ваниям, предъявляемым письмом ЦК к лицам, которые могут быть призваны и направлены в действующую армию.

В феврале 1940 года поступил приказ наркома о призыве меня в армию и зачислении в 196-й дивизион противотанковой обороны 158-й стрелковой дивизии 34-го стрелкового корпуса.

Не уведомив обком ВКП(б), а только сообщив первому секретарю Дербентского горкома о полученном приказе наркома обороны, я сдал дела по редакции своему заместителю Б. И. Михайлову и выехал к месту назначения.

В мае 1940 года парткомиссией дивизии я был принят в члены ВКП(б).

Только в феврале 1941 года, то есть по истечении года службы в армии, меня вызвали в политуправление военного округа на беседу. Начальник управления задал мне вопрос:

— Каким образом вы оказались в армии?

После моего ответа он сообщил мне, что поступило указание из ЦК ВКП(б) о демобилизации меня из армии и возвращении к исполнению своих обязанностей редактора газеты.

— Учитывая вашу профессию, мы считаем необходимым до демобилизации зачислить вас слушателем окружных партийных курсов, чтобы переаттестовать вас в политсостав. Курсы будут проходить по ускоренной программе,— заключил он нашу беседу.

Но в последних числах апреля 1941 года нам сообщили, что на курсах прекращаются занятия и всем слушателям необходимо срочно возвратиться в свои воинские части. Чувствуя,

к чему это экстренное прекращение занятий, я не обратился к начальнику политуправления об указании ЦК в части демобилизации.

Возвратившись в свою войсковую часть, я первым делом направился к командиру части майору Шумилу Марку Семеновичу, кото-

рый сообщил мне, что положение тяжелое, предполагается агрессия со стороны фашистской Германии, поэтому нашей дивизии дан приказ развернуться по штатам военного времени.

— Возможно, что сменим место дислокации в ближайшие дни. Как решился твой вопрос? — спросил он меня после сделанного сообщения.

Я доложил ему о беседе с начальником политуправления округа и принятом мною решении при выезде в часть в связи со сложившейся обстановкой не напоминать начполиту об имевшемся указании демобилизовать меня из армии.

— Значит, остаешься в части. Меня это устраивает. Но все же я доложу начальнику политотдела дивизии: игнорировать указание ЦК нельзя, — заявил Шумилов в ответ.

В тот же день мы с майором Шумиловым поехали в политотдел дивизии.

Начальник политотдела, выслушав майора и меня, сказал:

— Ваше решение правильное. Обстановка круто изменилась, и, видимо, не исключена агрессия со стороны Германии. Коль вами принято такое решение, считаю необходимым использовать вас на партийно-политической работе. Не будем ожидать переаттестации вас в политсостав. — И, обратившись к Шумилову, предложил: — Политотдел рекомендует избрать товарища Хизгилова ответсекретарем партбюро части. Принимайте решение и представьте материал на утверждение в политотдел.

Двумя днями позже я был избран ответственным секретарем партбюро части.

Я попросил разрешить мне отпуск на пять дней, чтобы сопровождать жену и ребенка в Дербент. Мне был предоставлен отпуск с 28 апреля по 2 мая включительно

1 мая, во второй половине дня, прощаясь с провожавшими меня на вокзале родственниками, я шепнул жене:

— Возможно, не скоро увидимся. Береги ребенка, и, пожалуйста, без паники.

Поскольку она еще в пути следования из части в Дербент была в допустимых пределах информирована мною о предполагаемой скорой агрессии со стороны Германии, то постаралась скрыть от родственников намернувшиеся на глаза слезы, чтобы преждевременно не вызвать у них беспокойства.

2 мая ночью я уже был в своей части.

В конце второй декады мая наша воинская часть, укомплектованная личным составом и боевой техникой по штатам военного времени, двинулась своим ходом на запад.

В середине июня мы разбили лагерь вблизи города Черкасы Украинской ССР и находились там вплоть до вероломного нападения фашистской Германии на нашу Родину. 24 июня были поданы железнодорожные составы и мы отправились на запад, к границе.

В бой с фашистскими захватчиками мы вступили на подступах к городу Витебску.

В августе, после ожесточенных боев за город Смоленск и преодоления Соловской переправы, я был тяжело контужен. Доставили меня в ближайший медсанбат, который ока-

зался подразделением 106-й мотострелковой дивизии.

После двадцати дней лечения я обратился к командиру медсанбата с просьбой выписать меня, чтобы я мог разыскать свою часть или дивизию и определиться. Но комбат, военврач II ранга, ответил мне, что по состоянию здоровья я не могу быть направлен на передовую и мне необходимо еще минимум двадцать дней для полного излечения, поэтому в ближайшие два-три дня меня эвакуируют в тыловые лечебные учреждения. Подумав немного, он добавил: «Если вы согласны, то я мог бы договориться со службой кадров армии, чтобы вас оставили моим помощником вместо погибшего интенданта III ранга. Заодно прошли бы у нас в батальоне дальнейшее лечение».

Так как у меня не было никакого желания отправляться в тыл, я согласился с его предложением.

В конце сентября, когда я уже достаточно хорошо чувствовал себя, обратился к начальнику политотдела той же 106-й мотострелковой дивизии (так как свою дивизию я не смог разыскать в районе боев под Ельней) с просьбой направить меня на партийно-политическую должность в передовые части. Вскоре я был направлен комиссаром батальона стрелкового полка той же дивизии.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ — ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

Немецкое наступление на Вязьму подробно описано в трудах военных историков. В моей памяти сохранилась стремительность этого боя и то четкое, размеренное остервенение, с которым противник провел окружение и фактическое уничтожение уступавших в численности и техническом отношении частей.

Наша часть 10 октября 1941 года занимала позиции западнее города. Несмотря на то, что мы ждали наступления фашистов, нам не удалось эффективно отразить прорыв, поддержанный внезапно оказавшимся в тылу вражеским десантом. Артиллерийская канонада, глухой рокот танков завершились массированными налетами авиации. Это был бой на полное уничтожение войск, державших оборону. Вскоре по трассирующим пулям немцев можно было понять, что кольцо окружения замыкается. Мы стали действовать отдельными группами, стремясь выбраться из окружения.

Во время перебежки неподалеку от железной дороги я был ранен двумя пулями в пах выше правой ноги. К счастью, пули прошли прежде через планшет, набитый топографическими картами, документами, и уже ослабшими вонзились в пах. Брюки мгновенно набухли кровью. Буквально через мгновение я почувствовал острую боль в голени левой ноги: осколок от мины вошел в нее, задев кость. Я упал и потерял сознание. Вероятно, оставшиеся в живых товарищи не заметили того, что произошло со мной: в крошечном аду боя

это было не мудрено. Впрочем, даже если бы они и попытались вынести меня из-под пуль, это едва ли бы им удалось: тиски немецкого окружения на глазах сжимались.

Я очнулся в лагере-лазарете для раненых военнопленных в городе Рославле. Застрявшие в паху пули вытащил пинцетом военврач, тоже пленный. Таким же образом была «обработана» и рана на левой ноге. Никаких медикаментов, обезболивающих средств не было предоставлено пленным врачам, которые от своей беспомощности больше страдали, лишенные возможности выполнить свой профессиональный долг, нежели сами раненые. О квалифицированном хирургическом вмешательстве и речи не могло быть: не было не только надлежащих условий, но и необходимого инструмента. Те, у кого в результате ранения были задеты внутренние органы или кому нужно было ампутировать конечности, если у них еще присутствовало сознание, умоляли врача положить конец их мучениям:

— Товарищ военврач, сделайте, пожалуйста, что-нибудь, чтобы я скорее отдал Богу душу!

Врач только и мог сказать:

— Потерпи, дорогой, вот-вот должны подвезти все, что необходимо, чтобы оказать вам помощь. Крепись. У тебя рана не смертельная.

Но никакого подвоза медикаментов, разумеется, не было и не могло быть, и раненые умирали в страшных муках.

Звериное лицо фашизма проявлялось лишний раз и в отношении к раненому противнику, к которому даже средневековые варвары относились более великодушно. В последую-

шем, когда мне пришлось ближе увидеть гитлеровских офицеров, они не упускали случая представлять себя цивилизованными, интеллигентными людьми и даже рыцарями. Нечего сказать, рыцари, которые добивают лежащего! Как жаль, что я не мог в таких случаях вспомнить им виденное и перенесенное мною и моими товарищами в гитлеровском лагере-лазарете в Рославле!

Люди с ранами, подобными моей, были в более выгодном положении. По совету тех же врачей я и другие в течение месяца с лишним занимались самолечением при помощи пепла, полученного после сожжения шерстяных лоскутков, отрезанных от одежды. А если кому-либо из ходячих раненых удавалось раздобыть паутину, то мы считали, что являемся обладателями самого чудодейственного лекарства. Когда кончились бинты от сохранившихся кое у кого индивидуальных пакетов, мы использовали для перевязки ленты, вырезанные из нательного белья. В помещениях лагеря стоял невыносимый запах гниющих ран.

Пища для раненых была неизменна во все время моего пребывания в Рославле: крахмальный суп совершенно без каких-либо добавлений и без соли. Несчастные раненые дали меткую оценку этой «еде»: «Ты его в рот, а он у тебя изо рта», потому что непосоленным этот «суп» был противен и несъедобен. Но все же глотали, нечего было делать.

Через месяц я уже мог более-менее сносно ходить, опираясь на палку. Вскоре отобрали человек пятьдесят таких, как я, «выздоровевших», посадили на грузовики и привезли в Могилевский концентрационный лагерь. Ла-

герь этот, несмотря на то, что жестокость фашистов по отношению к мирным советским гражданам и военнопленным широко известна, заслуживает специального описания. В нем ярко проявилась откровенная бесчеловечность, звериный облик гитлеровского режима. Лагерь был расположен на территории бывшего поселка, где жили до оккупации офицеры советской авиационной части с семьями. Квадрат примерно в триста пятьдесят метров был обтянут колючей проволокой, по углам стояли сторожевые вышки. Нельзя сказать, что гитлеровцы особо беспокоились об охране лагеря: пленные содержались здесь в таких условиях, что их физических и моральных сил, по расчетам фашистов, не могло хватить ни на что, кроме безропотного ожидания смерти. Значительно больше волновал оккупантов вопрос о том, как наиболее эффективно отгородиться от пленных, среди которых бушевали тиф и дизентерия. Именно поэтому часть территории, где жили гитлеровцы, равно как и проходы, по которым они передвигались, были тщательно отделены плотной стеной колючей проволоки.

Ко дню, когда нас доставили в лагерь, здесь находилось немало пленных, но сколько — никто сказать не мог, ибо и проверок не велось. Да и были они нецелесообразны. Казалось, люди умирают здесь каждую минуту. А вести учет мертвым было явно бессмысленно. Тем не менее над этой обителью смерти для вящего страха почти постоянно витал дух повешенных во дворе на доступном для всеобщего обозрения месте от одного до трех военнопленных. В чем была их вина, никто не знал,

никто и не пытался узнать, немцы в свою очередь тоже не считали нужным объяснять это. Повешенные являлись как бы символом этого жуткого места.

В отличие от специальных бараков для военнопленных двух-трехэтажные дома, где были мы размещены, по своему назначению были обыкновенными мирными домами. До войны, как я уже говорил, здесь жили семьи летного состава. И в небольших уютных квартирах еще оставались следы удобств, напоминавшие столь далеко ушедшую за эти месяцы мирную жизнь. Однако за это недолгое время все преобразилось. В комнатах площадью двенадцать — пятнадцать квадратных метров стояли нары в три яруса. На полу и на каждом ярусе нар люди спали вповалку — один к одному. Первый от стены клал под голову котелок, пилотку или еще что-нибудь, каждый последующий спал, уткнувшись в плечо соседа и тесно прижавшись к нему. Это был единственный способ не замерзнуть лютой зимой первого военного года. Холод каждый переносил по-разному. Как ни странно, я, уроженец теплых краев, не очень страдал от мороза. Значительно больше тревожила меня грязь, с которой при отсутствии воды было не просто бороться. В этой ситуации снег и лед казались мне скорее благодатью. Грязь и голод наряду с болезнями и были основными бедами, уносившими ежедневно десятки обесиленных, не оправившихся после ранения товарищей. Их место занимали другие.

Естественно, что жизнь казалась совершенно лишенной смысла. Разве только у людей, обладавших более сильной натурой, теплилась

надежда на побег. Глядя на выпавших из утренней очереди людей (о чем подробнее будет сказано далее), которых охранники и полицейские тут же забивали плетью, глядя на выбрасываемые из окон трупы умерших за ночь товарищей, многие из нас возвращались к этой мысли: необходимо бежать! Но нечеловеческие условия, в которых мы коротали серые зимние дни и длинные холодные и голодные ночи, парализовывали волю. Нестерпимой была и неизвестность, полное незнание того, что происходит на фронте. Многие из попавших в лагерь людей были ошеломлены мощью внезапно навалившегося на нашу родину коварного и жестокого врага. Из разговоров охранников мы слышали, что немцы уже окружили и якобы взяли Москву. Это было тоже тяжелым ударом.

* * *

Комната размером примерно три на четыре метра. Нары из досок на всю длину комнаты в три яруса. Причем даже и при настиле досок на нары не упущена возможность создать максимум неудобств: щели между досками от трех до пяти сантиметров.

Двадцать два человека, жильцы этой комнаты, истощенные, мертвенно-бледные, с блеском в глазах от мучительного голода, одновременно могли быть в помещении только в том случае, если три четверти от их числа будут лежать на нарах, именно лежать (сидеть можно только сгорбившись). Подоконник и пол у окна покрыты сантиметровым слоем льда. Тысячи паразитов обосновались не толь-

ко в 'отвыкших от мыла и воды одеждах этих двадцати двух человек, высасывая из их и без того обескровленных и истощенных голодной жизнью и моральными муками тел каплю за каплей оставшуюся кровь, но и оккупировали все щели нар, проявляя необыкновенную активность по ночам.

Ночь! Мудрая природа-мать предусмотрела ее в течение суток для сна и отдыха, для подготовки человека к следующему трудовому дню. Какое наслаждение ощущаешь, предаваясь власти сна и отдыха! А этим людям сумерки обещали десятичасовую муку. Стон больных товарищей (четверо болели тифом и трое — дизентерией, доживая свои считанные дни на нижнем ярусе) кому может дать сомкнуть глаза! Да разве только это? Адский холод и мучительный голод также не дают никак заснуть. Хоть бы лепешку из древесных опилок. А сырая да еще мороженная картофелина — есть ли что-нибудь вкуснее этого?!

Точно было установлено, что на голых нарах за десять-пятнадцать дней «прекрасно» отлеживаются на боках мозоли, которые без боли можно срезать бритвой, но которые нестерпимо зудят и ноют, когда лежишь на них. Да и это еще не все. Невозможно перечислить все то, что доводило в фашистском плену до нестерпимой душевной и физической боли каждого советского человека.

Вот хотя бы установленный фашистами «порядок» получения той скудной пищи, которую выдавали пленным и которая состояла из крошечного пайка хлеба весом около двухсот граммов (хлеб из смеси древесных опилок, очисток картофеля и гнилой муки) и бурды из

мороженой, гнилой, немытой и неочищенной картошки и брюквы, заправленной несколькими крупинками пшена. Отвратительный запах разнородной гнили заставил бы отвернуться от этого варева любую живую тварь.

Но как доставалась эта «еда»? В четыре часа утра на лютom морозе вся многотысячная армия пленных выстраивается в несколько рядов очереди к одному-единственному окошечку, откуда выдавался этот «паек». Последнее в очереди, пока еще крепкие здоровьем и добравшиеся живыми к окошечку (так как слабые лежат в снегу, не достигнув окошка, потерявшими сознание), получали свою долю только в семь-восемь часов утра. Во все время пребывания в очереди установленный особый порядок в рядах могли нарушать только падающие замертво и потерявшие сознание. Категорически запрещалось поднимать и поддерживать последних. Их, так же как и мертвых, предварительно содрав с них всю одежду, вывозили на подводе в незасыпанный на зимний период противотанковый ров, который использовался как могила для многих тысяч несчастных. Горе же тем, кто нарушал интервал между рядами очереди, чтобы, сомкнувшись, немного согреться. Озверелые полицейские, подобранные из числа лютых врагов Советской власти и советского народа, полосовали лица и головы нарушителей плетью из шнуров электрических проводов.

Но и это не все. Некоторых изгоняли из очереди и лишали пайка. Получившие хлеб съедали его тут же на обратном пути, не давая даже растаять превратившейся в лед влаге. Но при этом многие не забывали кусочек раз-

мером со спичечную коробку поспешно завернуть в тряпочку и запрятать глубоко в карман. Это доля для больных товарищей, которые не могли выйти в очередь и которым, разумеется, фашисты не выдавали ничего.

В общем, все в установленных порядках концлагеря было рассчитано и направлено к одной цели: обречь на медленное вымирание массы людей, оказавшихся в плену.

После трех-четырёхчасового простаивания на морозе комната с обледенелыми подоконником и полом казалась раем. Те, кому довелось возвратиться живыми в этот «рай», сразу занимали свои места на нарах. И как можно меньше движений — нужно беречь энергию. Два-три часа все лежат, сомкнув веки или уставившись широко раскрытыми глазами в доски верхних нар. В который уже раз вновь проносятся перед немигающим взором обреченных картины прожитой жизни, лица родных и близких, родные края, любимые занятия.

Но вот, пролежав два-три часа молчком и более-менее отогрев озябшее тело, кто-то подавал голос:

— А знаете, хлопцы, что мне сейчас приснилось?..

И после рассказа кое-кто толковал сон, некоторые подтрунивали над рассказчиком и в конечном итоге завязывался оживленный спор. О чем только не вели разговор! В сотый раз разбирались ошибки командования на фронте, приведшие к окружению и плену, свои промахи, говорили о положении на фронтах (в этой части все строилось на догадках, так как никакой информацией не располагали), о том,

придется ли когда-нибудь вырваться из этого ада и почувствовать себя человеком, о родных и близких.

Лежавший на нижнем ярусе больной тифом майор (на самом деле — батальонный комиссар, всем в комнате это было известно) иногда обращался к товарищам с просьбой:

— Вы, хлопцы, не церемоньтесь со мной: если я в бреду начну митинговать — зажмите мне рот.

Опасение его было не напрасно: он продолжал и в этих невероятных условиях фашистского плена, при температуре сорок градусов и выше жить жизнью боевого комиссара. А когда ему становилось немного легче и он мог вмешаться в спор, призывал не заниматься разбором ошибок и упреками в адрес командования, а подготавливать побег группы в два-три человека.

— В крайнем случае, — говорил он, — лучше умереть от пули, чем голодной смертью, изъеденными вшами. Вот я тоже, полегчает немного, уйду. Нельзя отлеживаться тут, отсюда дорога только в ров. Ведь борьба идет великая, и с живых, где бы они ни находились, спрос будет тоже великий. Мы не имеем права умереть тут. Смерть в данный период может считаться оправданной и достойной только на фронтах битв с врагом человечества — фашизмом.

Но не суждено было осуществиться желанию комиссара, не смог побороть он страшную болезнь.

В один из январских дней 1942 года по приказанию фашистского интенданта пленные были выстроены во дворе лагеря. Осмотр про-

изводил вместе с немецким фельдфебелем один близорукий старик-белорус. «Инспектирующие» почему-то внимательно осматривали только ноги пленных. Загадку удалось разгадать, когда приказали всем, у кого были обнаружены яловые сапоги, добротные, крепкие солдатские сапоги, разуться. И когда один из пленных, сапоги которого осматривал «инспектор»-белорус, попросил последнего: «Батя, у меня ноги обморожены, скажи, что сапоги негодные», то этот старик точь-в-точь на манер немцев заорал во все горло с явным намерением, чтобы услышали все:

— Молчать! Не видать вашим большевикам Смоленска, сколько бы они ни бились за него!

Офицеры обратились к переводчику с вопросом, в чем дело? Получив ответ и одобрив слова старика восклицаниями «Рихтиг! Гут!», немцы расхохотались.

Смех офицеров был заглушен гулом всего строя, который, к счастью старика, был расценен присутствующими фашистами, как возмущение пленных большевиков выходкой своего соотечественника. Но это было не возмущение. Это был восторг от успехов родной армии и мудрости старика-патриота, который так искусно сумел развеять в прах утверждения фашистов о том, что Советская Армия перестала существовать, что Москва уже взята, Сталин застрелился, Молотов бежал, и ясно дал понять, что наши наступают и близко освобождение.

Весть о том, что Советская Армия наступает и находится не далеко от Могилева, облетела весь концлагерь. С этого дня многие

пленные преобразились: вернулась надежда на освобождение. И уже не так мрачно и безнадежно взирали люди на будущее.

Однако были и те, кто потерял веру не только в самих себя, но и в силу своего народа, кто старался своими высказываниями омрачить радость.

— Вы не принимайте к сердцу слова старика, быть того не может, чтобы немцы отдавали обратно то, что ими взято.

— Это почему же ты так думаешь? Разве не брали обратно Ельню? — слышалось возражение тех, кому довелось участвовать в боях за этот город.

— Ельня? Так это же был маневр немецкого командования, рассчитанный на окружение целых армий. Вы что, хотите равнять немецкое командование с нашим? Да у них же потомственные офицеры. А у нас?..

Однажды был случай, когда аналогичного характера спор заставил некоторых офицеров схватить негодяя и хулителя советского командования и окунуть в нечистоты туалета (спор происходил именно там). Истошный крик был услышан оказавшимися неподалеку полицейскими, которые, не решаясь подойти близко, приказали вытащить его из ямы.

Стоило рьяному поклоннику немецкой армии почувствовать под ногами землю, как он завизжал:

— Я вам заявляю, что они все комиссары. Они хотели утопить меня в нечистотах только потому, что я хорошо отзывался о немцах. А этот черный — сталинское отродье, наверное, особист!

— Эй, кацо! Это ты его окунул в яму? — заулыбавшись, обратился ко мне один из полицейских. И затем, приняв серьезный вид, пригрозил: — Смотри, вздернем на месте того, кто висит! — И полицейский указал на повешенного посреди двора пленного. — Ты же знаешь, что эта веревка не любит оставаться без груза.

Они еще раз взглянули на стаскивавшего с себя загаженные брюки пленного и, расхохотавшись, ушли.

Когда отошли полицейские, мы, по очереди плюнув в сторону продолжавшего очищать себя от нечистот негодяя, ушли. По пути один из товарищей сказал:

— Ребята, а полицейские-то вроде «порядочные» оказались.

Вскоре после этого в «нашей» секции произошел случай, вновь утвердивший меня в решении бежать во что бы то ни стало. Однажды утром в комнаты ворвались трое гитлеровцев, сопровождаемых несколькими полициями. Они прошли в сторону бывшей ванны и стали неожиданно остервенело копать в сохранившемся с мирных времен титане. За несколько дней до этого молодой солдат, электротехник по специальности, умудрился каким-то образом вмонтировать в титан свернутую в спираль проволоку. Титан нагревался, и в помещении ванной бывало тепло. Вот здесь он и еще двое его друзей умудрялись проводить ночи не то полулежа, не то полусидя на цементном полу, но все же в сравнительно теплом месте. Немцы, однако, как выяснилось, перепугались совсем иного: они считали, по неведомо каким образом к ним дошедшему сигналу, что в ком-

нате завелась рация. Об этом они говорили между собой, пытаясь выволочь титан из тесной ванной. Их разговор понял один из наших товарищей и неосмотрительно сказал им несколько слов на немецком языке. Гитлеровцы переполошились.

— Комиссар,— запестрело в их речи.

— Нет, я узбек,— быстро спохватился пленный.

На несколько секунд воцарилось в помещении напряженное молчание, и немцы сверлили глазами пленного. Для того чтобы разрядить обстановку, я быстро подскочил к титану и изо всех сил (а в те времена, несмотря на ранения и голод, я был еще достаточно силен), обхватив этот тяжелый, громоздкий предмет, выволок его к выходу. Немцы, удивленно взглянув, поторопились за мной.

Вечером этого дня мы разговорились с пленным, столь неудачно открывшим свои познания в немецком языке. Он был действительно из Средней Азии, хотя в его наружности не было ничего характерного для узбека. В лагере пленным он представлялся как рядовой, но те несколько фраз, которыми он обменялся со мной, выдавали в нем офицера. С того дня мы время от времени беседовали. Потом он заболел. Смерти он не боялся, но очень не хотел, чтобы гитлеровцы или охранники узнали о том, что в тяжелые тифозные ночи он бредил. Этому человеку была явно дорогá его память. Перед смертью он несколько раз сказал мне:

— Беги, надо бежать, так умирать нелепо.

МОЙ ВЫБОР — ПОБЕГ

Около двух месяцев мы находились в Могилевском концлагере. Никаких подпольных организаций, которые могли бы взять на себя подготовку и осуществление побегов пленных, налаживания связей с местным населением, здесь не было. Сказывалось, видимо, отсутствие подобного опыта и полное отсутствие связей с населением города.

...Участились среди пленных самоубийства. Одни скручивали из нателного белья подобие веревки и уходили из жизни. Другие избирали иной путь самоубийства. В течение нескольких дней выменивали полученный паек хлеба на две-три закрутки махорки и, жадно выкурив одну за другой, побледневшие, закрыв глаза, лежали без движения, как наркоманы. Еще три-четыре дня они, пересилив себя, выходили по утрам за пайком и, выменяв его на табак, повторяли тот же процесс. Достаточно было этого времени, чтобы дойти до полного истощения. С впалыми глазами, посеревшими лицами, забившись в какой-нибудь угол на нарах, они ждали конца, ни у кого ничего не прося и никому ни на какие вопросы не отвечая.

Махорка же водилась у некоторых, как ни странно, некурящих пленных. И они, чтобы избежать грабежа, держали вблизи себя телохранителей, с которыми делились вымененным за табак хлебом. Эти именуемые себя людьми душегубы, потерявшие всякую совесть, отличались от массы пленных своим ладным видом. Однако тифозная и дизентерийная палочки не обходили и их.

Немало было людей в концлагере, которые вынашивали мысль о побеге, строили планы, сколачивали группы и искали напарников. Когда же дело касалось конкретных сроков осуществления планов, то многие неблагоразумно откладывали это на весну и лето. У одних было слабое физическое состояние, и они надеялись, что с потеплением к ним возвратятся и силы. Других пугало само предположение, что в зимних условиях, по следам на снегу, они могут быть пойманы и казнены. В этих суждениях был резон, если не учитывать того, что никто не имел гарантии избежать смерти до наступления теплой погоды.

Рядом со мной на нарах лежал лейтенант Николай Артеменко, с Украины, также оказавшийся в плену в результате ранения. Понаблюдав за ним и убедившись в его надежности, я решил поделиться с ним планами побега. Николай с радостью согласился бежать вместе со мной.

Вся подготовка к побегу заключалась только в том, чтобы накопить каждому, вернее, сберечь три-четыре пайка хлеба. На два из них выменять нательное белье больших размеров, чтобы использовать его как маскхалат. А другие пайки оставить для употребления в первые два дня после побега. Но два-три дня подряд не есть хлеба при нашем состоянии было невозможно. Поэтому решили дневной паек делить на две части, оставляя вторую часть на следующий день.

Второе в этом несложном плане — это заиметь какой-то инструмент, которым можно было бы пропилить два-три ряда колючей проволоки и сделать небольшой подкоп под про-

волочным заграждением. Для этого зазубрили лезвие перочинного ножа, создав подобие пилы, нашли и заострили старую заржавленную петлю от ворот.

Наша подготовка близилась уже к концу. Из сбереженных шести пайков хлеба четыре мы отдали за нижнее белье. Нужно было еще двое суток, чтобы иметь при себе в ночь побега еще по два пайка хлеба.

Резкое недоедание в эти дни заставляло нас больше обычного отлеживаться на нарах. Николай беспрестанно торопил меня с побегом и сегодня тоже спросил:

— Что, если съедем верхнюю корочку хлеба?

Получив отрицательный ответ, он стал размышлять вслух:

— За неполных два месяца из двадцати двух человек одиннадцать умерли, и их места заняли другие. Вот-вот отдадут Богу душу Степан и Григорий. Выходит, нам всем придется бесславно закончить жизнь от голода, холода и болезней. Когда смотришь, как на этой проклятой подводе ежедневно вывозят в ров подбираемых по двору, выброшенные из помещений голые трупы-скелеты, хочется кричать так, чтобы весь мир услышал о зверствах фашистов. Неужели они сумели до того убить в нас волю, что мы не только спокойно взираем на эти картины, но и покорно ждем, пока дойдет очередь и до нас. Нет, капитан, не могу я ждать еще два дня. Если бежать, то сегодня же. И какая разница — с одним пайком хлеба или с тремя? Я чувствую, что так или иначе, все равно — смерть. Пусть уж тогда как можно быстрее.

Меня особенно встревожило такое душевное состояние Николая, поскольку мы уже почти были готовы к побегу. И я попытался отвлечь его от этих мрачных раздумий:

— Не то говоришь, Николай. Мы ведь с тобой собираемся бежать не для того, чтобы непременно умереть. Мы должны сами убивать. Убивать беспощадно тех, кто вступил на нашу землю и сеет смерть и разрушения, кто стремится лишить нас воли, а затем и жизни. Первыми совершая побег, мы обязаны подготовить его так, чтобы уйти наверняка и тем самым воодушевить и подтолкнуть на это остальных. Сейчас мы не двигаемся, следовательно, не теряем энергии. А когда окажемся за проволокой, нам нужно будет совершать переходы на морозе и в первые два-три дня не показываться никому. А при наших силах и пустом желудке это будет очень трудно. Если не можешь стерпеть, съешь немного хлеба. Ничего, завтра уже привыкнешь и оставишь паек.

— А ты разве не хочешь кушать?

— Хочу. Но терплю,— ответил я.

И Николай не тронул хлеба, закрыл глаза, забылся.

...Ночью, в десятом часу, мы вышли незамеченными из помещения, надели свои «маскхалаты» и ползком приблизились к проволочно-му заграждению в заранее намеченном месте.

Зарывшись в снег, приступили к делу. Зазубренным лезвием перочинного ножа пропилили у самого столбика три нижних ряда проволоки, на что ушло около сорока минут. Падающий снег надежно маскировал нас от глаз патруля, который двигался по внешней

стороне лагеря на расстоянии пяти-шести шагов от проволочного ограждения.

За все это время патруль в составе двух солдат только один раз показался. Они до самых глаз укутали лицо, шли, не обращая никакого внимания в сторону лагеря.

Все готово. Остается только откинуть в сторону проволоку и выползти за пределы лагеря. Мы затаились, пока патруль отошел шагов на сто.

— Ну, Николай, вперед. Смотри — не поднимайся, только ползком, — шепотом сказал я, двинувшись вперед.

Метров сто мы проползли с такой быстротой, будто и не было нескольких месяцев мучений в фашистском плену.

Концлагерь был расположен на окраине Могилева. За лагерем не было никаких строений. Добравшись до небольшой лощины у грунтовой проезжей дороги, мы поднялись во весь рост и быстро направились вдоль дороги в противоположную от лагеря сторону.

Попавшийся на пути небольшой населенный пункт мы обошли, не меняя направления, и по другую сторону населенного пункта вышли опять на дорогу, по которой, видимо, недавно прошли сани. Мы шли уже более двух часов. Николай шел с обнаженной головой, пилотка в руках.

— Жарко. Понимаешь, ничуть не устал.

— Вот дойдем до следующего населенного пункта и сообразим, как и где провести день, — сказал я.

Дорога проходила через небольшую рощу, и когда мы вошли в нее, то, отойдя немного от колеи, легли на спину у дерева, подняв

ноги вдоль ствола, чтобы дать им отдохнуть. Решили съесть по одному кусочку хлеба.

Отдохнув с полчаса и подкрепившись, мы встали и, по коре и веткам определив направление своего пути, двинулись дальше. Мы уже изрядно устали и еле волочили ноги, когда добрались до какой-то деревни. Приблизились к хате, которая стояла несколько в стороне от основной проезжей дороги. Несколько минут лежа наблюдали за деревней. А затем Николай подошел к хате и стал тихонько стучаться в окошко.

Я не слышал, но видел, как он, жестикулируя, что-то объяснял принявшему к стеклу человеку. Через пару минут отворилась дверь и Николай вошел в хату. Но вскоре он вышел и позвал меня.

В доме находилась средних лет женщина и еще кто-то, укрывшись, лежал на печи. Я поздоровался. Мы сняли шинели и головные уборы (Николай был в пилотке, а я — в фуражке), размотали нательные рубашки, которыми вместо шарфа укутали уши и шею. Женщина смотрела на нас и кончиком платка утирала наворачнувшиеся на глаза слезы. На наши вопросы она ответила, что в селении немцев нет. Очень редко какая-нибудь бричка с группой в несколько солдат заезжает или проездом останавливается у старосты поесть. Староста из местных жителей, и при нем имеются двое полицейских, тоже из местных.

Подогрев в чугушке воду, хозяйка предложила нам умыться. Затем быстро собрала на стол поесть. Положила очищенную вареную картошку, заправленную растопленным салом, молоко и хлеб. Мы ели не спеша и молча.

Женщина села напротив и, сложив руки на груди, смотрела на нас. Несмотря на сильный голод, мы поели очень мало и поблагодарили хозяйку. Она сказала, что мы правильно поступили, воздержавшись есть много, ибо это могло повредить нам, и часика через полтора-два она еще раз накормит нас.

Начало уже светать. Мы спросили, не опасно ли для ее семьи оставаться нам в хате днем.

— Куда же вы пойдете,— ответила женщина,— небось притомились и померзли. Ничего, оставайтесь. К нам сюда почти никто не навещается. Мы с сыном вдвоем тут. Муженек мой тоже в армию был мобилизован в начале войны. Может, если жив, тоже, как вы, мытарится где-то. Мы с сыном будем по очереди дежурить. Если кто появится, перейдете в клуню и заховаетесь в сене.

В сенях была дверь, которая вела в помещение для скота. Мы пошли осматривать это помещение и, когда увидели, что там не так уж холодно, решили сразу перейти туда и завалиться спать. Для этого была у нас, кроме обеспечения безопасности, еще одна причина, которую мы не решились высказать хозяйке: завшивленность всей нашей одежды. Она запротестовала было вначале: на печи, мол, тепло и там хорошо можно поспать. Но, видя, что решение наше твердо, согласилась.

Мы проспали часов десять. Когда проснулись и вылезли из сена, увидели, что хозяйка доит корову. Она, заметив нас, воскликнула:

— Весь день проспали! Не озябли? Я все время держала дверь в сенях и клуню открытой, чтобы хоть немного тепла из комнаты

перешло к вам. К обеду решила разбудить, но, видя, как сладко вы спите, пожалела. Сейчас я подою корову и накормлю вас. Пойдите в сени и умойтесь.

Во время еды мы расспросили хозяйку, как восприняли жители вражескую оккупацию, много ли мужчин в селе, есть ли поблизости партизаны и какая борьба ведется с врагом. Женщина рассказала нам, что в первый же месяц, как деревня была занята оккупантами, немцы собрали жителей и объявили: «Все обязаны немедленно сдать огнестрельное оружие, сообщить, у кого или где скрываются евреи, комиссары и вообще бывшие военные». О партизанах ничего не слышно. В селе мало мужчин, только старики и подростки. Фронт прошел стороной от этой деревни, так что советских военных тоже не было. Сильные бои, говорят, были в Могилеве.

Затем мы узнали у нее, куда нам лучше направиться, чтобы найти партизан. Спросили, знает ли она в соседних деревнях по пути нашего движения кого-нибудь из надежных людей, к кому мы могли бы зайти на день. Женщина указала наиболее подходящий маршрут, ведущий к лесу, и порекомендовала одно село, где бы мы могли укрыться днем. Знакомых в этой деревне у нее не было, но она заявила:

— Неужто откажутся приютить вас? Советские ведь люди.

Мы поблагодарили хозяйку за все и стали собираться в путь. Она уговаривала нас провести у нее еще один день, но мы отказались, сказав, что нам лучше уйти как можно дальше от Могилева. Женщина собрала в мешочек кое-что поесть и, отдавая его нам, пожелала:

— Дай Бог вам, хлопцы, счастья!

Когда мы отошли немного от хаты, Николай остановил меня и, попросив подождать немного, вернулся обратно. Через минут пять он вернулся и показал мне большой кухонный нож.

— Это я выпросил у хозяйки: будет хоть чем отбиваться, если нападут волки.

Было морозно, но безветренно. Нам надо было пройти 13—15 километров до указанного села. Мы шли медленно, с трудом выбираясь из сугробов.

Через полтора-два часа наткнулись на одинокую хату и большие, сарайного типа, строения. На наш стук из хаты вышел старик и пригласил войти. Но мы поблагодарили его и попросили сказать, правильно ли мы идем в направлении нужного селения. Старик ответил, что дорога эта ведет именно туда и что затемно мы обязательно доберемся. Но тут же попросил нас быть осторожными: в это село частенько наведываются немцы.

Выпросив у него немного махорки и бумаги (разговаривая с нами, он курил), мы собрались уходить. Но старик остановил нас:

— А прикуривать-то чем будете? Спички есть?

Спичек, конечно, у нас не было.

— Вот видите. Натек-ка, возьмите. — Он протянул нам коробку.

— А вы-то как будете, дед? — спросил Николай.

— Ничего, в хате печь топится, есть от чего прикурить. Ну, счастливо! — попрощался с нами старик.

Через час-полтора решили в небольшой роще сделать привал и поесть. Мы так хорошо отоспались за день, что сейчас совершенно не хотелось спать. Лежали молча, каждый думал о своем. Через некоторое время развязали мешочек и стали выкладывать его содержимое: каравай крестьянского хлеба, около полукилограмма сала, завернутого в тряпочку, бутылку молока, штук двадцать вареных картошек, не сколько головок лука, соль. Мы еще раз добрым словом вспомнили женщину.

В следующей деревне нам было трудно решить вопрос с остановкой на день. В хате, куда мы попросились, хозяйка побоялась оставить нас и, прося прощения, вынесла нам кое-что из продуктов. Но мы отказались от них и, в свою очередь извинившись перед ней, за беспокойство, ушли. Через несколько хат постучались еще в одну. Но и тут показавшийся у окна на наш стук средних лет мужчина помотал головой и замахал рукой, отказываясь принять нас. Поскольку еще не рассвело, мы попросили его указать, как быстрее можно добраться до следующего населенного пункта. Мы об этом спросили, чтобы у него не возникло мысли о нашем намерении остаться здесь. Перешли на другую окраину селения и постучались во вторую от края хату. Дверь открыла нам старуха. Вошли в сени и затворили наружную дверь. Был очень сильный мороз. Николай объяснил женщине, что мы двигаемся из такого-то села, замерзли и хотели бы немного отогреться.

Видя, что старуха продолжает молчать, он добавил:

— Если невозможно остаться на день, то с рассветом уйдем в какой-нибудь лесочек и там проведем день.

Во время этого разговора вышла в сени молодая женщина в накинутом на плечи платке и предложила:

— Да вы войдите в хату.

Мы, отряхнув снег, вошли. Нам предложили сесть. Николай стал объяснять все сначала, и старуха сочувственным тоном спросила:

— Куда же вы пойдете в такой лютый мороз? Разве мы не люди, чтобы отпустить вас в такую холодину. — И стала осыпать проклятиями войну и затеявших ее.

Молодая предложила нам раздеться и увела старуху в другую комнату. Полагая, что они все же вышли посоветоваться, как с нами поступить, мы, сняв головные уборы, не раздеваясь, присели. Через несколько минут женщины вернулись, и молодая, увидев нас одетыми, прямо с порога спросила:

— Чего же вы не раздеваетесь? Сейчас растопим печь, погреем воду и вы умоетесь.

Прошла в сени и вернулась с охапкой дров. А старуха в это время очищала печь и задавала нам вопросы: откуда мы идем, кто мы, откуда родом, куда движемся и так далее. Слушая наши ответы, она перестала возиться у печи, повернулась к нам лицом и, сцепив руки на животе, покачивая головой, проговорила:

— Господи, за что же так мучаются люди? Небось семейные. Дети есть?

Я ответил, что у меня есть сын. А Николай сказал:

— Еще не успел, маманя, жениться. Наверное, и не придется.

Молодая тоже присела и все это время сочувственно смотрела на нас и слушала. Потом спохватилась, вздохнув, взяла ведро и вышла. Вернувшись с ведром, набитым снегом, стала помогать старухе.

Сидя вместе с женщинами за обеденным столом, мы с Николаем спросили, есть ли в селе немцы и полицейские, о партизанах, где мужчины их семьи.

Оказывается, ежедневно в деревню заезжают немцы, есть староста, полицейские. В сентябре у кладбища были расстреляны пятеро мужчин и две женщины, жители этого села, и три раненых командира, которых эти мужчины и женщины прятали и лечили.

О семье нашей хозяйки мы узнали, что сын ее учился до войны в техникуме в Минске, а сейчас неизвестно, где он и что с ним. Глава семьи работал на ферме. Вместе с товарищами он погнал скот в глубь страны. Что с ним — также не знают.

Председатель колхоза, парторг, заведующий избой-читальней (он же киномеханик), председатель и секретарь сельсовета ушли из села перед самым приходом немцев. Говорят, что они не успели выйти к своим. Может, подались к партизанам. На наш повторный вопрос, есть ли поблизости партизаны и где, ответить женщины не смогли.

Послушав их, нам стало понятно, почему в двух домах отказались нас принять. Обеспеченные, мы спросили у хозяйки:

— Не лучше ли нам уйти из села?

Женщины запротестовали и предложили такой вариант маскировки:

— Вы будете спать, а мы закроем хату и пойдём к родственникам, в третий от нас дом, и будем помогать им прясть лен. Мы часто так друг другу помогаем. Нам легче будет отсюда наблюдать, а иногда кто-нибудь из нас забежит проведает вас.

У нас не было выбора, и мы с благодарностью согласились. День прошёл благополучно. Вечером хозяйки, пополнив чем могли наши припасы, пожелали нам счастливого пути.

Так мы кочевали из села в село, пытаясь навести справки о партизанах. Шла третья неделя нашего пребывания на свободе. Несколько освоившись с положением, в котором оказались, мы смелее стали двигаться по дорогам.

В этих местах не чувствовалось еще той свирепости оккупантов, которую мне пришлось видеть в последующие годы: видимо, положение на фронтах и суровая зима не давали им возможности шнырять по селам. Да и само население, как мы заметили, выжидало, пока еще не развертывая активную борьбу с оккупантами. А те группы, которые были оставлены по заданию или сформировались в силу обстоятельств, видимо, сидели на своих базах и осваивались с положением. К тому же, как я разобрался впоследствии, зимние условия с заснеженными полями и дорогами никак не могли гарантировать безопасность малочисленных и малоопытных групп, осуществи они какую-нибудь вылазку. Да и не так уж много было тогда и подобных нам, бежавших из ла-

герей пленных, из которых впоследствии состояло в основном ядро партизанских отрядов.

В очередной населенный пункт мы прибыли утром, когда только рассвело. Была сильная пурга, и мы сбились с дороги и плутали порядком. В хату, куда мы попросились войти, через некоторое время пришли две женщины, свекровь и невестка (они были родственницами хозяйки дома). Пожилая женщина спросила, не встречался ли нам случайно ее сын, назвав при этом его имя, фамилию, приметы. Невестка развернула платочек и показала нам конверт с обратным адресом (полевая почта) мужа. Мы ничего утешительного им сказать не могли. Когда молодая женщина вышла с хозяйкой дома во двор, ее свекровь сказала:

— Хоть бы узнали мы, жив ли он. Всего полгода, как женила его, а тут — война. Сразу же забрали его. Он был трактористом в колхозе, а в Красной Армии служил танкистом. Только одно письмо получили. Вот уже семь месяцев ничего нет. — Она заохала, прослезилась. — Нет у меня никого, кроме него. Муж помер, когда хлопцу было шестнадцать лет. Дочка замужем и жила в Витебске. От них тоже нет никаких вестей. Я ездила туда узнавать, что с ними. Так ничего и не узнала. Ее муж был партийный, наверное, эвакуировались. Невестка часто плачет и все твердит, что погиб ее муж, иначе он дал бы знать о себе. Собирается уходить к родителям. Я водила ее в соседнее село к ворожейке, которая нагадала, что муж ее живым и здоровым вернется домой. После этого она притихла было, но через некоторое время опять стала говорить об уходе к родителям. Это они подбивают ее

на это. Хотят, наверное, просватать за кого-то. Что же я тогда одна буду́ делать? Хотя живьем заройся в землю. А сын вернется, что отвечу ему? Он-то ее очень любит. Уходя в армию, он просил меня беречь Пашу.

Слушая женщину и видя, как она плачет и убивается, под впечатлением сказанного ею о ворожейке из соседнего села, я вспомнил, как когда-то увлекался спиритизмом, заставляя обыкновенный стол подниматься на двух ножках и, то опускаясь, то поднимаясь, давать ответы на поставленные вопросы так, как того хотел я.

Чтобы помочь женщине удержать возле себя невестку, учитывая, что гадание ворожейки на некоторое время внушило ей надежду на возвращение мужа, я решил «погадать» с помощью стола, считая, что это подействует на нее больше, чем гадание на картах. Я сказал женщине, что могу сказать, жив ли ее сын и когда он вернется.

Когда вернулись женщины, я попросил хозяйку убрать еду со стола и нагреть немного воды. Помыв руки теплой водой, я высушил руки у печки. Затем усадил всех за стол в следующем порядке: невестку и хозяйку дома — за длинную сторону стола, а Николая и свекровь невестки — по бокам, положив их руки на стол ладонями вниз и попросил не нажимать на стол. Мой сосредоточенный и серьезный вид, властные требования смотреть всем поочередно мне в глаза возымели определенное действие на сидящих, и они, действительно как загипнотизированные, глядели на меня. Я, став в двух шагах от стола по свободную его сторону, властно скомандовал:

— Стол, поднимись и стань на двух ножках!

И через секунду стол медленно стал подниматься, наклоняясь в сторону сидящих. Все раскрыли рты от удивления и испуга.

Чтобы уверить молодую женщину, что мое гадание совершенно «правдивое», я вначале заставил стол подняться и опуститься столько раз, сколько лет ей, ее мужу, отцу, матери, которых я и в глаза не видел и о которых, безусловно, ничего не мог знать. Затем сказал, сколько кур и петухов у хозяйки дома. Все это время они смотрели на меня и каждый раз восклицали:

— Ой, правильно!

Затем сказал, в каком месяце и какого числа был призван в армию ее муж. Только после этого я заставил стол ответить, что ее муж жив и здоров, сражается на фронте и вернется домой.

Чтобы не потребовали погадать еще и о том, когда именно вернется и так далее, я притворился очень усталым от напряжения и, скомандовав столу опуститься, подошел к лавке у печи, прилег и закрыл глаза. Ошеломленные, минут пять все молчали. Первой голос подала хозяйка дома.

— Не цыган ли ваш товарищ? — обратилась она к Николаю.

— Нет, не цыган. Он с Кавказа.

— Стол-то, как живой, ходуном ходил. Я чуть было не упала со страху,— высказалась молодая.

— Жив сыночек мой! — воскликнула мать.

Далее, перебивая друг друга, они комментировали все, о чем я гадал, и замолчали, только когда Николай сказал:

— Видимо, большого напряжения нервов стоило ему это гадание: гляньте, как он устал.

— Да,— поддержала хозяйка,— он очень нервничал и был совсем бледный.

Когда я поднялся и подошел к столу, то все, как по команде, встали, уступая мне место за столом. Я попросил их сесть и сам присел. На некоторое время опять воцарилось молчание.

— В плену ослабли мы, поэтому немного устал,— сказал я. — Только, пожалуйста, не смотрите на меня, как на колдуна,— добавил я, видя все тот же испуг и удивление в их глазах.

В дальнейшем мы еще не раз прибегали к этому трюку в других населенных пунктах, в расчете расположить к себе сельчан и вселить в них веру в победу Красной Армии. В ходе гадания каждый раз я обращался к столу с вопросом: «Кто победит в этой войне?». И, разумеется, получал ответ, что именно Красная Армия победит.

В одном из селений нас упросили остаться и на вторую ночь, чтобы погадать и другим родственницам хозяев дома.

У нас завелись вещевые мешки, которые всегда были полны продуктами питания.

Уже прошло более месяца с того дня, как мы совершили побег, но никаких данных о партизанах не удалось собрать.

В одной деревне предприимчивая крестьянка нам предложила обосноваться у нее для работы по хозяйству. Но мы отвергли это

предложение ввиду того, что я со своей внешностью и кудрявой черной шевелюрой никак не мог сойти за ее родственника или местного жителя.

За это время добрые люди помогли нам отстирать одежду, обновить белье и занять запасную пару. Мы избавились от вшей, всегда были побриты и подстрижены. Заметно поправились, посвежели и выглядели так, что нельзя было даже подумать о том, что мы перенесли почти сто дней фашистского плена.

В силу того, что нам не удалось ничего узнать о партизанах, мы приняли решение двигаться на родину Артеменко — в Новолиповский район Украины и там попытаться вступить в партизанский отряд. Двигались днем, только проселочными дорогами, не показываясь на большаках. А на случай встречи с немцами или полицейскими обдумали объяснение, что, мол, оставались в окружении в районе Витебска, все это время работали у крестьян.

Во время одного из переходов у меня сильно разболелась раненая нога. С трудом, подерживаемый Николаем, опираясь на палку, добрался до села. Всю ночь не мог заснуть от ноющей боли, а утром даже не смог подняться, так распухло колено над раной. Пришлось трое суток пролежать в той же хате, куда мы попросились переночевать. Кроме хозяйки и трех малолетних детей, в этом доме проживал мужчина лет пятидесяти. Опухшую ногу удалось подлечить с помощью приготовленных по совету старика растираний, и все эти дни колено было обмотано овечьей шкурой.

Несмотря на явно проявляемое беспокойство хозяевами от нашего пребывания, они относились к нам душевно и заботливо. На четвертые сутки мы, поблагодарив хозяев, сердечно распрощались.

Как-то к одной деревне мы приближались днем. На дороге нас обогнал средних лет мужчина на сани. Он остановил лошадь и, ответив на наши вопросы, какая это деревня, есть ли там немцы и так далее, предложил нам сесть на сани и привез к себе в хату. Получив ответы (а мы ему отвечали по легенде), он, высказав свое сочувствие нам, повел следующий разговор:

— Наша деревня, хлопцы, самая богатая в округе. Если по-людски приложить руку к хозяйству, то запросто и быстро можно разбогатеть. Я смогу вам помочь обосноваться в деревне и советую поступить именно так. Бог ведает, когда эта война закончится и кто переживет ее. К чему вам вот так мытариться и попрошайничать. Чего доброго еще и прикончат на дорогах, немцы на это горазды. А тут любое хозяйство с наступлением весны будет вам радо. Там, гляди, и подцепите еще какую-нибудь богатую молодуху. Хлопцев-то наших подчистую большевики угнали.

Это «большевики угнали» так нас насторожило, что мы, сделав заинтересованный вид, заявили ему:

— Наверное, так и поступим, коли это возможно.

А про себя решили, что сегодня же ночью, когда заснут хозяева, незаметно уйдем из села. Нам это легко удалось, потому что хозяин

вечером на радостях изрядно налакался са-могонки и сразу же заснул мертвым сном. Пошли мы не в том направлении, куда должны были двигаться, поскольку в самом начале встречи поделились об этом с мужиком.

Около пятидесяти дней прошло, как мы вырвались на волю, но никак не могли избавиться от ощущения преследуемых. Весьма ограничены были наши контакты с населением. Появляясь в селах, мы бывали только в одном каком-нибудь доме и беседовали с одним или двумя взрослыми жителями, что лишало нас возможности узнать что-либо о положении на фронтах. Препятствовала этому прежде всего наша военная одежда, которую, как мы ни пытались, не удалось заменить на штатскую, а также моя явно отличающаяся от местных жителей внешность.

Безусловно, будь у нас какое-нибудь понятие о формах и методах партизанской борьбы, мы не совершали бы эти опасные переходы и не приняли бы решения двигаться на родину Артеменко, проделывая рискованный, полный лишений путь почти в тысячу километров, в надежде найти сформированный партизанский отряд и вступить в него, а попытались бы раздобыть оружие и сформировать такой отряд сами. Но, к сожалению, мы не представляли себе, как за это следует браться. А тот ограниченный круг людей, с которыми нам приходилось общаться, как мы заключили из бесед, надеялся, что фашисты будут изгнаны с советской территории самой Красной Армией, так как ходили слухи об успехах наших войск в зимнюю кампанию. К тому же большая часть тех людей, с которыми мы виде-

лись,— женщины, горюющие и оплакивающие погибших или пропавших без вести близких.

На территории Украины было значительно больше полицейских из местных жителей, нежели в Белоруссии. Мы стали куда напряженней чувствовать себя не только при решении вопроса об остановках и питании, но и во время передвижений. В некоторой степени нам помогала национальность Артеменко и его умение разжалобить слушателя нашей судьбой и мучениями. А когда в беседах с ним местные жители интересовались мною, то он представлял меня как своего спасителя от верной смерти во время ранения на фронте (о побеге из концлагеря мы умалчивали).

В ходе же передвижений, попадись мы немцам или полицейским, в лучшем случае оказались бы вновь в лагере. Такую надежду вселяло в нас то, что будет проявлено к нам снисхождение как к окруженцам, избежавшим плена. Тем не менее все, что касалось нашей легенды, до мельчайших подробностей мы обговаривали и согласовали между собой, несколько раз даже учиняли друг другу «допросы» на случай, если нас будут допрашивать врозь.

И ВНОВЬ НЕВОЛЯ

Обстоятельства заставили меня еще несколько раз выполнять роль гадалщика, чтобы получить рекомендательные письма к родственникам или знакомым, у кого мы останавливались на пути нашего продвижения.

После ночного бегства из хаты «доброго» мужика нам впервые пришлось провести весь

следующий день в лесу на морозе. Нарубив веток хвой, мы соорудили из них настил на снегу, выбрав для этого безветренное место. Несмотря на сильный холод, мы не стали разжигать костер из опасения быть обнаруженными. А вечером двинулись в путь, изменив направление с юга на юго-запад.

В марте холода еще держались, поэтому мы были вынуждены проситься на ночлег. Даже несмотря на то, что Артеменко был украинцем, все труднее удавалось решить этот вопрос. В еде и пополнении запасов нам не отказывали. Но когда мы заговаривали о ночлеге, то зачастую получали отказ, который мотивировался опасением доноса кем-либо из односельчан или возможной облавой полицейских. Проведенный нами день под открытым небом на снегу несколько убедил нас, что это не так уж страшно, если, конечно, приспособиться разжигать небольшой костер.

Имея в виду, что так или иначе этого не избежать, мы выпросили в тех семьях, которых ублажили гаданием, пару армейских одеял, старый полушубок и кое-что из тряпья для подстилки. Из полушубка Николай выкроил и сшил две пары удлиненных меховых чулок, которые хорошо послужили нам в течение нескольких ночей. Из-за этих тряпок наши вещевые мешки потяжелели, поэтому пришлось делать частые привалы.

В один из последних дней марта мы двигались по наезженной санями и подводами грунтовой дороге, когда лицом к лицу столкнулись с конным разъездом полицейских, которых не заметили вовремя из-за того, что в этом месте поворот дороги был загорожен молодым ле-

сочком из хвойных деревьев. Конников было человек восемь. Обыскав нас, покопавшись в вещевых мешках и не обнаружив ничего подозрительного, кроме кухонного ножа, выслушав рассказанную Николаем на украинском языке нашу легенду, они предложили пойти с ними. Шестеро взобрались на коней, а двое повели лошадей на поводу и шли по обе стороны от Николая, расспрашивая его еще о чем-то. Я шел впереди них за конниками.

После полутора-двух часов хода, мы подошли к небольшому населенному пункту у железной дороги. Рядом с железнодорожным вокзалом стоял небольшой кирпичный дом, в котором разместилась немецкая комендатура. Нас подвели к прохаживающемуся у дома унтер-офицеру. Он, видимо, был самым старшим чином на станции, так как один из полицейских, докладывая, обратился к нему со словами: «Герр комендант!».

Измерив нас взглядом с головы до ног, «герр комендант» громко спросил:

— Комиссар?

Тот же полицейский, который докладывал, стал объяснять ему на ломаном немецком языке, что мы оказавшиеся в окружении раненые солдаты, вылечили нас крестьяне и все это время мы работали у них. В общем, по легенде, как рассказал им Николай. Выслушав, комендант только переспросил:

— Были ранены, говорите?

Получив утвердительный ответ полицейского, он повернулся и пошел в обход здания, приказав нам следовать за ним.

Выйдя на противоположную сторону дома, мы вошли в помещение, где за столом сидел

немец, по званию ефрейтор. Открыв одну из двух дверей, которые вели в другие комнаты, унтер-офицер предложил нам войти туда. Затворив дверь, приказал ефрейтору принести с кухни для нас еду.

Вдоль длинной стены помещения шириной в рост человека и высотой сантиметров сорок был сделан настил из выструганных досок, который мог быть использован и для сна. Так как окно не было зарешечено, мы заключили: это помещение предназначалось для отдыха транзитных или командированных солдат.

После полудня принесли в алюминиевых мисках густую перловую кашу с мясом и суррогатный кофе в солдатском котелке. Мы были удивлены таким обхождением. До этого заходил один их ефрейтор и, испытующе посмотрев на нас, предложил несколько штук сигарет. Нам просто не верилось, что мы опять попали к немцам. Эти ничем не походили на тех, которые орудовали в могилевском концлагере и не знали никакой жалости к человеку. Правда, нам все же удалось уловить одну различительную деталь: кокарды на головных уборах могилевских немцев были «украшены» дополнительной эмблемой — черепом со скрещенными костями.

Примерно через час после обеда тот же полицейский, который беседовал с Николаем и докладывал о нас коменданту, приоткрыв дверь, позвал:

— Микола, выходи!

Николай вышел и отсутствовал более часа. Возвратившись, он присел на нары и задум-

чиво смотрел на меня. На мой вопрос, в чем дело, ответил:

— Все снова расспрашивали, у кого и где так долго мы работали, как могли не заметить нас немцы и полицейские и так далее. Даже проверили, в какое место я ранен. Когда, как мне показалось, я убедил их, то они сказали, что меня могут отпустить домой как украинца и жителя этих мест. А что касается тебя — непременно отправят в какой-нибудь лагерь. Не знаю, как и быть. Я просил, умолял их разрешить и тебе следовать со мной, так как я обязан именно тебе жизнью, говорил, что мы почти побратимы. Но ни в какую. В конце разозлились и сказали: «Если так, то выбирай: или обоим в лагерь, или одному».

Задумался и я. Представились мне почти позабытые за эти два месяца ужасы концлагеря. Удастся ли на этот раз выйти живым из того ада, куда мне предстояло опять вернуться? Разве что одно утешение: за это время очистился от грязи и избавился от вшей, поправил немного здоровье и, видимо, по прибытии в новый лагерь не так трудно будет бежать, как в первый раз. Зачем же нужно Николаю лезть снова в петлю и разделять со мной невзгоды плена, если представляется возможность избежать их? Он, я уверен, не пойдет в услужение к фашистам и не будет пассивно ожидать прихода Красной Армии. Я достаточно хорошо изучил его за эти месяцы. Что же касается меня, то, видно, судьба.

Во время моего размышления Николай сидел на настиле, сгорбившись и опустив голову на руки, тоже, видимо, без радости обдумывал создавшуюся ситуацию. Иначе и не могло

быть. Легенда легендой, а мы действительно привязались друг к другу и не могли допустить даже в мыслях счастье одному, а горе — другому.

Я прервал тягостное молчание и как мог спокойно сказал:

— Нечего терзаться. Если представляется такая возможность, то тебе надо вернуться домой и включиться в борьбу с врагом. Я уверен, что ты не будешь сидеть сложа руки и ждать возвращения наших, а примешь активное участие в борьбе, если она организована на твоей родине. Если же не начата эта борьба, организуешь ее сам. Тебе это удастся, поскольку знаешь и людей, и местность. А что касается меня, то, если не пошлют к праотцам, а действительно возвратят в лагерь, можешь быть уверен: я долго не засижусь, использую имеющийся опыт и, пока не ослаб здоровьем, организую побег в группе с друзьями.

— Нет! — горячо возразил Николай, выслушав меня до конца. — Мы вместе пойдем в концлагерь.

Я прервал его и твердым, не допускающим возражения тоном сказал:

— Этого ни в коем случае не следует делать. Чего доброго истолкуют еще по-иному и станут подозревать истину нашего пребывания на свободе. Нельзя давать им повода усомниться в легенде.

— Я же говорил им, что обязан тебе жизнью, что именно ты позаботился обо мне, хотя и сам был тяжело ранен, — вставил Николай, не дав мне до конца высказаться. — На что же будет похоже, если я обрадуюсь сво-

боде, тогда как тебя обратно отправят за кон-
лючую проволоку?

— А ты не показывай свою радость. Мы попросимся с тобой душевно, как побратимы. Мы не должны показывать и виду, что имеем какое-то представление о концлагере, и, стало быть, не должны так мрачно воспринимать это. Я повторяю: лишь бы это был лагерь, а не нечто худшее. Да, сами виноваты, что попались: слишком уж беспечно вели себя в пути в последние дни. Вот так и решим, Николай. А не говорили они тебе, когда и куда отправят меня?

— Нет, этого я не спрашивал, а они сами ничего не сказали.

Вскоре нам разрешили выйти и прогуляться у здания. Когда вышли, то увидели четырех полицейских, которые возились у оседланных лошадей. Заметив нас, они подозвали к себе.

— Ну, как, вояки, накормили вас?

Мы ответили, что да, и поблагодарили.

— Завтра, наверное, мы вас разъединим: Николай поедет к себе домой, а ты — к своим друзьям.

— Как было бы хорошо, если бы мы оба ехали к нам домой, — сказал на украинском языке Николай.

Полицейские недовольно посмотрели на него и промолчали. Я тоже, в свою очередь, закинул камешек:

— Запорожец за Дунаем в турка перевернувся, а я хотел было в украинца, окажись на родине Николая. А мы еще и кое-какие вопросы заранее решили: за неимением родной сестры Николай решил просватать мне двоюродную.

Полицейских развеселила моя шутка.

— Если Бог сохранит тебе жизнь, то мы не будем возражать против того, чтобы ты после войны перевернувшись в украинца,— ответили они мне в тон.

Все четверо вскочили на лошадей и ускакали. Мы с Николаем еще с полчаса походили и вошли в дом.

Вечером один из полицейских принес нам граммов двести ливерной колбасы, несколько кусочков хлеба и горячего кофе. Пока мы ели, он сидел молча и курил. Как только мы перестали есть, он обратился ко мне с вопросами (они задавали их мне уже второй раз), кто по национальности, откуда родом, гражданская специальность, в каких войсках был на фронте, когда и где был ранен... Я ответил, что по национальности азербайджанец, родом из Махачкалы, гражданская специальность — техник-технолог консервной промышленности, на фронте с июля, служил в мотострелковой дивизии, ранен под Вязьмой в октябре. Потом я разулся и показал рану на ноге, а затем на животе.

— Да, здорово садануло тебя,— взглянув на раны, проговорил он. — Оба ранения получил сразу?

— Нет,— ответил я. — В живот — днем, а в ногу — к вечеру в тот же день.

Попросив меня перевести на азербайджанский язык несколько слов и фраз, он попрощался и ушел.

Второй день не принес никаких изменений в нашей жизни. В течение дня три раза полицейский заносил нам еду, был приветлив.

На всякий случай Николай пёреложил в мой вещевой мешок все съестное, что было при нас, оба одеяла, свою запасную пару белья, портянки. Завязали мешок и оставили в углу на нарах.

В полночь полицейский и ефрейтор разбудили меня и предложили собираться. Проснулся и Николай. Я быстро натянул сапоги, надел шинель, а когда направился за вещевым мешком, Николай бросился ко мне, мы обнялись и попрощались.

На станции стоял состав товарных вагонов. Меня подвели к пассажирскому вагону, который находился в середине состава. Немец-ефрейтор подошел к стоявшим у вагона унтер-офицеру и солдату с автоматом и что-то сказал, указав на меня. Те испытующе взглянули на меня, что-то тихо спросили у ефрейтора, который только ответил: «Яволь!». Затем он подвел нас к одному из товарных вагонов. Солдат раскрутил проволоку, откинул замок, отодвинул дверь, чтобы я мог пролезть, предложил мне подняться. Задвинули и закрыли дверь.

На полу вагона вповалку, прижавшись друг к другу, лежали пленные. Свободным оставалось место только у дверей, по одну сторону которой стояла небольшая кадка, прикрытая деревянной крышкой. Я присел у самой двери на противоположной от кадки стороне и, заложив за спину вещевой мешок, прислонился к нему. Через некоторое время поезд тронулся. Но, не проехав и ста метров, остановился. Простояли всю оставшуюся часть ночи.

Когда наступило утро и в маленькие окошки, которые были зарешечены колючей прово-

локой, проник дневной свет, то мне представилась ужасная картина. В вагоне было человек тридцать пленных. Лежали, согнув ноги, прижавшись грудью к спине товарища. Поверх шинелей многих через открытые окна порошил снег.

Пол вокруг кадки-параши был покрыт слоем льда. Проснувшись (если только было возможно спать в тех условиях), пленные присели и, увидев меня, разглядывали с некоторым удивлением.

Какой был у них вид! Изможденные, обросшие щетиной, бледные лица, впалые глаза. Словом, живые трупы. Некоторые тут же достали из-за борта шинели малюсенькие сверточки, развернув, извлекли корочки хлеба и стали грызть.

Пожилого возраста пленный, сидевший вблизи меня, сказал:

— Я слышал ночью, когда тебя впустили к нам, но не захотелось показать носа — еле пригрел его.

Окинув меня еще раз оценивающим взглядом, спросил:

— Видать, недавно попал в плен? Но где же? Неужто так близко наши?

— Если бы не были близко, то зачем же фашисту нами транспорт занимать? Дали бы помирать на Витебщине: противотанковые рвы выкопаны и там вдоволь,— ответил за меня пленный, сидевший рядом со мною.

Я, начав свое повествование по легенде, передвинул из-за спины вещевой мешок, развязал его и, не прерывая рассказ, стал извлекать содержимое. При виде сала, хлеба, лука

все вытянули шеи и жадно смотрели на разложенные продукты. Взглянув на них, я решил предоставить им самим произвести дележ.

— Кто сможет разделить это, чтобы досталось всем одинаково? — обратился ко всем, но задержал взгляд на сидевшем рядом со мною.

— Дайте старшему, — предложил тот и указал на пожилого, первым заговорившего со мной.

Он, приняв продукты, достал подобие ножа, сделанного из куска жести, и приступил к делу. Разложив нарезанные порции по числу людей, он сначала преподнес мне долю, которая отличалась от других несколько большим размером. Остальные же получили часть несколько необычным способом: один из пленных стал спиной к разложенным продуктам и, когда старший клал руку на какую-нибудь долю и спрашивал: «Кому?», называл фамилию или имя кого-либо, кто немедленно и с радостью брал еду.

Я не стал есть, а завернул и вложил в вещмешок то, что мне дали. Смотрел, как остальные, довольные, с улыбкой на губах, разглядывали полученную порцию сала. Каждому досталось сорок-пятьдесят граммов сала, половина луковицы (а если большой, то одна треть) и граммов сто хлеба. Луком слегка натерли хлеб и не спеша ели с салом. Когда увидел, что некоторые сало с непередаваемым наслаждением только облизывали, у меня собрался в горле комок и навернулись слезы на глаза. Глядя на все это, я подумал, возвращаясь к мысли, высказанной Николаю накануне нашей разлуки: «Чем так жить, лучше

быть убитым при побеге. Бежать! Во что бы то ни стало бежать, как только представится хоть какая-нибудь возможность».

Состав наш все еще стоял на том же месте. Часам к девяти утра открылась дверь вагона. Услышав лающий окрик немца, четверо пленных быстро подошли к кадке-параше, подвинули ее к двери и, спрыгнув на землю, забрали из вагона и понесли в поле, конвоируемые двумя вооруженными солдатами. Двое других солдат тут же закрыли дверь. Минут через пять пленные возвратились с опорожненной парашей. Они сообщили, что стоим в тупике, метрах в двухстах от станции.

Вскоре опять открыли вагон и военнопленные-разносчики с мешками за спиной, сопровождаемые солдатами, передали в вагон положенное количество буханок хлеба и кипяток в ведрах.

Примерно через час поезд тронулся. Ехали с длительными остановками. На одной из станций, уже к вечеру, подали в вагон три ведра супа, приготовленного из брюквы, неочищенной картошки и пшена.

НАЗВАЛСЯ МИГДАРОМ...

На следующее утро мы прибыли в Молодечно. Под конвоем многочисленных солдат нас привели в концлагерь.

В расположении лагеря нас некоторое время держали на обгороженном колючей проволокой плацу, где обратился к нам комендант лагеря, которого переводил русский пленный с белой повязкой на рукаве.

Первое, что потребовал комендант,— чтобы лица еврейской национальности, комиссары и коммунисты вышли на три шага вперед. Разумеется, никто с места не двинулся. Выдержав паузу минуты в три, тот заговорил вновь:

— В течение лета этого года война будет закончена победоносной армией фюрера, и вы все будете отправлены по домам.

Далее следовали сообщения и предупреждения о всяких запретах, несоблюдение которых влечет за собой расстрел.

Затем приказали всем, кто имеет офицерские звания, выйти вперед. Из общей массы пленных примерно в тысячу человек вышли вперед человек тридцать, в том числе и я. Один офицер из свиты коменданта и другой пленный, тоже с повязкой на рукаве, скомадовав по-военному, отвели нас в сторону от остальных пленных.

Только тут, впервые за все время пребывания в плену, немцы заинтересовались нашими именами, фамилиями и воинскими званиями. Записи в журнал сделал пленный с повязкой на рукаве.

Цепь злоключений, которые послала мне судьба за последние месяцы, научила быть осмотрительным, поэтому, когда заносили в журнал фамилии офицеров, я назвался Абдулалиевым Мигдаром Яхьяевичем, жителем Азербайджана, в звании капитана. Первые дни я ощущал себя в постоянном напряжении: фамилия, еще вчера казавшаяся чужой, постепенно прирастала к моей шкуре. Оказалось, однако, что обосноваться в этом чужом прозвище не так уж сложно.

Затем нас также строем повели к офицерскому барaku, который был обнесен дополнительной колючей проволокой и таким образом изолирован от барakov, где размещались рядовые и младшие командиры.

Только мы вступили в эту зону, как все старожилы вышли из барака и направились к нам. Каждому хотелось встретить среди вновь прибывших знакомого, однополчанина, а то и родственника.

Я обратил внимание на обращенный на меня пристальный взгляд одного офицера явно кавказского типа. Мы, приблизившись, узнали друг друга и обнялись. Это был Мирзахан Магомедов, старший лейтенант, азербайджанец по национальности, с которым мы были знакомы и часто виделись, когда держали оборону под Ельней в сентябре — октябре 1941 года. Он был офицером связи соседнего полка. Явно обрадовавшись неожиданной встрече, он тут же шепнул мне на ухо:

— Как ты назвал себя?

Я также шепотом ему ответил.

В Молодеченский лагерь Мирзахан попал несколько раньше меня и знал здесь уже, как говорится, все ходы и выходы. Как я вскоре убедился, пленные любили этого тридцатилетнего парня, с ладной фигурой, шевелюрой темно-каштановых волос над светлокожим лицом, со звонким высоким голосом, которым Магомедов то и дело напевал азербайджанские и русские песни. Мирзахан подробно ввел меня в курс лагерной жизни, познакомил с товарищами, которым можно было доверять.

Забегая вперед, хочу поведать об одном непредвиденном обстоятельстве, которое стряс-

лось по оплошности того же Магомедова в связи с моей настоящей и выдуманной фамилиями. Это было уже в фашистском легионе в польском городе Едлия вскоре после нашего появления там. Мы с Мирзаханом только начали командовать карантинными ротами и в свободное время собирались на верховую прогулку. Моя беседа со встретившимся мне в это время адъютантом начальника легиона и другим немецким офицером несколько затянулась. Мирзахан же, поджидавший меня у оседланных лошадей, проявив нетерпение, окликнул:

— Хизгилов, ты скоро?!

Я вздрогнул от неожиданности. Он уже шагал ко мне, ведя на поводу лошадей. Между тем офицеры, с которыми я разговаривал, были заметно удивлены тем, как он меня назвал. Лихорадочно соображая, я искал выход из создавшейся ситуации. Надо было срочно что-то придумать. И несколько секунд спустя, когда Магомедов был уже рядом, я недовольным тоном сказал:

— Слушай, Мирзахан, с чего это ты вдруг вспомнил мое прозвище? — И, не давая ему опомниться, тут же добавил, обращаясь к стоявшим рядом офицерам: — «Кизгин» по-азербайджански значит «горячий». Мой отец был очень вспыльчивым, горячим человеком, вот за ним и за пятью его сыновьями закрепилась эта кличка.

Мирзахан, оценив ситуацию, с готовностью подтвердил это и, похлопывая меня по плечу, добавил:

— А думаете, он на самом деле не горячий? Когда не в настроении, ему лучше под руку

не попадаться, особенно под правую: на скаку с лошади сорвет.

Так мы смогли рассеять подозрение, которое едва не возникло. К тому же на случай таких же неожиданных оплошностей у меня появилась достоверная, апробированная легенда.

Имея за плечами горький опыт лагерной жизни, я невольно сравнивал условия, в которых оказались мы в Молодечно с теми, которые были в Могилевском лагере. Если концлагерь в Могилеве оккупанты рассматривали явно как перевалочный пункт на пути пленных в вечность, рассчитывая, что война со дня на день закончится, то сейчас, получив урок под Москвой и проводя на нашей земле морозную русскую зиму, они несколько поостыли и стали соображать более реально. Пленные оказались нужными для работ в промышленности и сельском хозяйстве. Командование подумывало даже об их привлечении для борьбы на стороне гитлеровцев. Соответственно и отношение к пленным стало иным. И хотя спали мы также вповалку, без постельных принадлежностей, но кормили нас чуточку лучше, а эпидемии, как только они возникали, немедленно прекращались медицинским персоналом. В лазарете, созданном при концлагере, можно было получить определенную помощь.

Жили мы в больших одноэтажных бараках. Время кое-чему научило гитлеровцев. Они тщательно присматривались к прибывшим пленным, пытались вести кое-какую пропаганду в расчете привлечь наименее стойких на свою сторону. Естественно, что в этих условиях, когда можно было осмотреться и думать не только о том, чтобы выжить любой ценой,

не дремали и патриоты. Мирзахан рассказал мне, что в лагере действует подпольный комитет, который имеет связь с антифашистами в Молодечно. В тот же день он познакомил меня с членами этого комитета — подполковником Карпенко и другим, фамилию которого я уже не помню. Был он в звании капитана, но Магомедов сказал, что на самом деле он батальонный комиссар.

Приглядываясь к пленным офицерам, вслушиваясь в их разговоры, я с удовлетворением пришел к выводу, что здесь, в Молодечно, несмотря на полуголодное существование, житейские неудобства, изолированность и прочее, они выглядели полными достоинства, не особенно опасаясь высказывать свои чувства и настроения. Частенько вели оживленные споры и дискуссии, разбирали пережитые боевые операции. В определенной степени соблюдалось чинопочитание, и что было особенно отменно — это то, что в обращении друг к другу употреблялось такое родное слово «товарищ». От рабочих команд (офицеры к работам не привлекались) иногда перепало кое-что из съестного, табак. По чьей-то инициативе офицеры группировались по ~~восемь-десять~~ человек, и все, что попадало кому-либо из членов группы, делилось на всех. Больной или недомогающий в группе становился объектом внимания и заботы всех. ~~Примечательным было~~ и то, что составы групп были интернациональны.

Замечая это, я мысленно воздал должное существующему в лагере подпольному комитету, который, как я убедился в последующем, играл определенную роль в достижении всего

этого своей осторожной, продуманной и целенаправленной деятельностью.

Узнал я также, что побеги из лагеря подготавливались и осуществлялись с помощью подпольного комитета.

На нарах мне выделили место рядом с Мирзаханом. В группе Мирзахана был еще один азербайджанец по фамилии Сафаров в звании лейтенанта. Остальные были русские. Мирзахан и Сафаров прибыли в Молодечно с одного пересыльного пункта, куда собирали попадавших к немцам окруженцев. Мирзахан сообщил, что во время Вяземского окружения он был ранен в левую руку выше локтя пулей навывлет и с небольшой группой солдат и офицеров продвигался к фронту. Однако напали на немецкую засаду и были взяты в плен. Шел пятый месяц его пребывания в Молодеченском лагере.

В первые три-четыре месяца они испытали то же, что пришлось перенести и мне в Могилеве. Условия и порядки здесь раньше ничем не отличались от могилевских. Единственное, что было не так, как в Могилеве,— если там трупы вывозились ежедневно и сбрасывались в ров за лагерем, то здесь из-за отсутствия поблизости готового рва трупы сваливались в одну кучу на свободной от бараков территории лагеря и, если не выпадал снег, представляли на общем фоне ужасной лагерной жизни еще более ужасающую картину. Только по истечении десяти-пятнадцати дней пленные погружали на подводы окоченевшие трупы несчастных товарищей, впрягались сами вместо лошадей и возили под усиленным конвоем

за пятьсот метров от лагеря, где сбрасывали их в большие ямы.

На мой вопрос, много ли погибало людей, Мирзахан дал ответ в трех словах:

— Гибли как мухи. — Задумавшись немного, добавил: — Но число людей от этого в лагере не уменьшалось. Почти каждую неделю подвозили или пригоняли новые тысячи, как все равно скот на бойню.

— То же самое было и в Могилевском лагере,— вставил я.

— Так нам и надо! — запальчиво прервал меня Мирзахан. — Это расплата нам за то, что не бились с врагом, пока руки держали оружие. Мы же делали все, чтобы врагу не достались наши заводы и фабрики, скот и хлеб, государственные ценности. Приказы командования в этой части мы выполняли беспрекословно и с усердием. Но почему же мы с пренебрежением отнеслись к другому, более ответственному, приказу — приказу советского народа и собственной совести: биться с врагом до последней капли крови, до последнего дыхания? Проявили трусость? Жить хотелось? Разве мало вбивали нам в наши дурацкие головы, с кем мы воюем, с чем пришли в нашу страну гитлеровские изверги? Если кто и выживет, преодолев все эти муки, то не избежит народного презрения за одно то, что попал в плен к врагу и перестал быть участником борьбы. Попадались мне тут и такие, которые как величайшую ценность берегли припасенную фашистскую листовку с призывом сдаваться в плен и посулами всяческих благ тем, кто явится в распоряжение немецких войск с этой листовкой-пропуском. Видел я,

как эти слизняки робко подходили к какому-нибудь немецкому солдату и с подобострастной улыбкой протягивали свой «пропуск». Какую же получали награду? В лучшем случае — презрительный окрик: «Раус! Фарфлюкеменьш!» — с увесистым пинком ногой в кованом сапоге или дулом винтовки в грудь. А то и короткую автоматную очередь.

— Ты зря, Мирзахан, всех оказавшихся в плену под одну гребенку чешешь, — остановил Сафаров Магомедова. — Почему ты осыпаешь проклятиями и тех, кто мужественно сражался и тяжело раненым на поле боя был взят в плен?

— Я их не имел в виду, — согласился Мирзахан. — С тяжело раненных нет никакого спроса. Наоборот, они сами имеют право спросить, почему не подобрали и не вынесли их с поля боя, а бросили на растерзание врагу. Я говорю о таких, как я, ты и другие, ведь они составляют основную часть пленных.

— Ты ведь тоже был ранен, — заметил я.

— Да, я был ранен в левую руку. Причем рана была обработана и перевязана фельдшером. Правая-то рука у меня была цела и могла держать пистолет. Стоило нам услышать фашистский окрик из засады: «Хальт! Хенде хох!» — и очереди из автоматов под ноги, как мы бросили оружие и подняли руки вверх. А могли стрелять? Могли! Почему же не стреляли? Струсили, вот и все.

Я, чтобы изменить тему разговора и избавить Мирзахана от дальнейшего самобичевания, спросил:

— Когда и в связи с чем фашисты смягчили обращение с пленными?

— Основную причину не могу сказать: они ведь не докладывают об этом нашему брату,— ответил Мирзахан. — Но мне кажется, немалую роль сыграли в этом деле такие факты, как расправа над полицейскими, участвовавшие в побеге из лагеря, то, что местному населению стало известно о зверствах фашистов и бесчеловечном обращении с пленными. Члены комитета говорили, что в Молодечном не раз расклеивались листовки об этом.

— Ты упомянул о какой-то расправе над полицейскими. Расскажи подробнее,— попросил я.

— Как-то во второй половине января,— начал свой рассказ Мирзахан,— один фельдфебель в сопровождении двух солдат с автоматами подошли утром к стоявшим в очереди за получением хлеба пленным. Фельдфебель, без какого-либо на то повода, достал пистолет и выпустил всю обойму в головы пленных. Мы все легли на землю, предполагая, что за пистолетными выстрелами последуют очереди из автоматов, поскольку и солдаты подняли автоматы и приняли стойку для стрельбы. Но этого не последовало. А фельдфебель, пролаяв целую тираду проклятий в адрес «русских свиней», повернулся и, крикнув солдатам: «Ком!», ушел. Позже нам удалось узнать, что у фельдфебеля погиб на восточном фронте брат и таким образом он решил отомстить за его гибель.

Мирзахан помолчал, потом с тяжелым вздохом продолжил:

— Что же касается полицейских, то дело обстояло так. В лагере особо отличались своей свирепостью и садизмом двое полицейских, которые были неразлучны и могли по поводу или без повода отхлестать до смерти пленного. Надо же было, чтобы в тот же день, когда фельдфебель разрядил свой пистолет в беззащитных людей, эти полицейские, подвыпившие, с раскрасневшимися мордами, ворвались в один из барakov и стали избивать пленных. Кто-то подал команду, и большая группа пленных набросилась на полицейских. Их изуродованные трупы вскоре были выброшены у колючей проволоки напротив барака. Не прошло и часа, как немцы вывели из барака всех пленных, выстроили перед трупами полицейских и, взяв в полукольцо автоматчиками и пулеметами, потребовали назвать лиц, которые убили полицейских. Видя, что никто не отзывается, вывели из строя каждого десятого и объявили: «Если не будут названы убийцы, то расстреляем всех тридцать шесть пленных». Но и тут никто никого не выдал. Тогда комендант приказал вывести людей из всех барakov. Когда пленные были выстроены на территории, группа автоматчиков дала длинную очередь и тридцать шесть заложников повалились в снег. Трупы полицейских убрали после экзекуции. А расстрелянные пленные оставались лежать в течение трех суток. Вскоре после этого случая немцы отделили офицеров от рядовых и разместили, как ты видишь, в изолированном бараке. Разумеется, многие офицеры, по разным соображениям скрывавшие свою принадлежность к офицерскому составу,

остались среди рядовых. На офицеров был заведен персональный учет.

— Какие изменения произошли в жизни пленных офицеров в связи с этим?

— Офицерский барак и территория стали обходиться без полицейских, и последним категорически было запрещено появляться там. Первыми получали еду, и в связи с этим она была несколько лучшего качества (обычно, если приготовленной баланды оказывалось недостаточно для всех, к концу раздачи добавляли в котлы холодную воду). Еще, ввиду малочисленности офицеров, нам не приходилось часами простаивать в очереди на морозе. И это, пожалуй, было наиболее важным.

— Да, эти два момента можно расценить как положительные.

— Но в связи с отделением офицеры лишились возможности быть вовлеченными в рабочие команды и, следовательно, дополнительного источника продуктов питания, которые перепадали от местного населения по пути на работу. Это же обстоятельство лишило возможности общаться с населением, получать от них некоторую информацию о положении на фронтах. Исчезла для офицеров и возможность быть выкупленными какой-нибудь женщиной. Раньше удавалось договориться иногда на этот счет во время контактов на работе.

И Мирзахан рассказал, как это происходило.

Женщина, договорившаяся с кем-нибудь из пленных, обращалась в комендатуру лагеря с письменным прошением отпустить на волю ее сына, брата или мужа, который, по полученным ею данным от такого-то (указывалась

фамилия ранее получившего свободу), пребывает в таком-то лагере. Разумеется, прошение подкреплялось какой-нибудь ценной вещью.

Получив разрешение, просительница допущалась на территорию лагеря и становилась в сторонке рядом с заинтересованным немецким офицером, всматриваясь в лица пленных, шедших за баландой. Увидев «своего», она, вскрикнув: «Ой, родненький!», бросалась на шею пленному, осыпая его поцелуями и обливаясь слезами (какая женщина могла сдерживать слезы при виде этих измученных, полумертвых мужчин?!), тащила его за руки из строя пленных. Оставив своего избранника в нескольких шагах от офицера, который наблюдал за происходящим, подбегала и падала перед последним на колени, умоляя отпустить на волю родича, называя его тем, за кого выдавала. Поскольку офицер заранее был вознагражден, без особых церемоний выдавалась бумажка о том, что он выпущен немецкими властями лагеря на свободу.

Бывали случаи, когда ввиду затянувшейся процедуры получения разрешения просительница не могла обнаружить в строю лица, с которым договорилась (умер, болен или пребывал в какой-то рабочей команде). Она поступала таким же образом с совершенно незнакомым ей пленным, которого избирала или из жалости, или же по каким-то другим мотивам.

Разумеется, получивших свободу таким образом было не много — слишком дорого запрашивали немцы за освобождение пленных.

ПОДПОЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ДЕЙСТВУЕТ

В первый мой день в Молодеченском концлагере во время беседы с Мирзаханом Магомедовым и Гаджи Сафаровым я узнал, что в лагере существует подпольный комитет, который имеет связь с подпольными организациями города Молодечно. Узнал также, что побеги офицеров из лагеря планируются комитетом и осуществляются с его ведома. О времени побега, численности совершающих его комитет заранее уведомляет молодеченские организации, чтобы представители последних могли встретить и пристроить бежавших. Две группы в три и пять человек каждая уже вышли за колючую проволоку, и никто из них не угодил на лагерную виселицу. Значит, патриоты из Молодечно вовремя обнаружили их и обеспечили их безопасность.

К концу того же дня Магомедов познакомил меня с членами комитета. Один из них назвал себя подполковником Карпенко, второй был в звании капитана (позже Мирзахан сообщил мне, что он батальонный комиссар).

В ходе беседы товарищи расспросили меня о службе в Красной Армии, обстоятельствах пленения и состоянии здоровья. Я сообщил им, что совершил побег из Могилевского концлагеря, но через два месяца был задержан. Поинтересовавшись подробно побегом и продвижением по тылам, подполковник заключил:

— Это хорошо, что вы уже имеете кое-какой опыт. — И предупредил меня: — Если встретите в лагере еще кого-нибудь, кто знал, какой вы национальности или кем были в армии, то немедленно через Магомедова сообщите нам.

В последующие дни вначале Магомедов под секретом, а затем и члены комитета (третьим был молодой офицер в звании старшего лейтенанта, без кисти левой руки, звали его Сергеем) сообщили мне, что на май готовится побег группы офицеров из лагеря и что, возможно, я войду в ее состав. Одновременно предложили мне готовиться: ежедневно заниматься гимнастикой, побольше ходить, бросить или довести до минимума курение (а курил я, хоть и очень редко, смешанную с листьями деревьев махорку, а то и просто перетертые листья деревьев и вату — этим в некоторой степени удавалось заглушить голод).

Комитет также получал информацию о военных действиях на фронтах, распространял ее по лагерю.

Шел май, и мы с нетерпением ждали, когда комитет сообщит нам о дне побега. Но однажды комендант лагеря приказал выстроить пленных офицеров и всем лицам кавказских национальностей выйти на два шага вперед. Нас оказалось восемнадцать человек. Когда остальных офицеров возвратили в барак, один из сопровождавших коменданта офицеров вышел вперед с блокнотом в руках и, опросив каждого, записал фамилию, имя, год рождения, воинское звание, национальность.

Мы обратили внимание на то, что фашисты стали вести себя с нами по-другому. Обычные выражения типа «свиньячья морда» не употреблялись. Больше того, впервые мы услышали из уст фашистов «битте».

Когда распустили строй, всех мучил вопрос: к чему все это? Те, которые надеялись на победу немцев, прокаркали:

— Освободили, наверное, ваш Кавказ от большевиков, теперь пошлют домой.

На следующий день нас повели на медосмотр. Немецкие врачи, хотя и брезгливо, но подвергли тщательному осмотру каждого из нас.

Одному из ожидавшихся вызова к врачу удалось узнать у ефрейтора, стоявшего на часах в коридоре, что из нас собираются сделать «дойче солдат».

По возвращении в барак мы сообщили членам комитета об услышанном от ефрейтора. Я и Магомедов настойчиво просили Карпенко ускорить решение вопроса о побеге. Но тот, задумавшись, словно не слышал нашу просьбу. Наконец он сказал:

— Если правда то, что вам сообщил ефрейтор, нечего спешить с побегом. Выходит, фашисты сами выпустят вас на волю, да еще оденут, и обуют, и вооружат. Я считаю возможным для вас использовать этот представившийся случай. Вы сможете сколотить группу и повернуть оружие против тех, кто выдал вам его. Но предупреждаю: нужно будет действовать очень предусмотрительно и осторожно.

Я стал возражать против этого предложения, напомнив, что я не азербайджанец и велика вероятность, что обо мне могут донести фашистам. Но мои доводы не были приняты во внимание. Более того, мне предложили возглавить группу.

Через два дня после медосмотра, выстроив всех восемнадцать, прошедших медкомиссию, вызвали одиннадцать. В это число вошли и

связанные с подпольным комитетом азербайджанец старший лейтенант М. Магомедов, лейтенант Г. Сафаров и я. Нас перевели в изолированный от общего лагеря барак.

Около двухсот рядовых и младших командиров разных национальностей — в основном с Кавказа — в течение последующих трех дней также были группами переведены в наш барак. Хотя условия в бараке и оставались те же, что в общем лагере, кормить стали гораздо лучше. Была увеличена норма хлеба, вместо баланды выдавали густой суп или кашу, по утрам — порцию маргарина и пятнадцать-двадцать граммов сахарного песка.

Часть людей, которые сразу не разобрались в происходящем и не задумывались над тем, что повлечет за собой эта фашистская подачка, не скрывали своего восторга по поводу резко изменившегося отношения к ним немцев. В розовых красках представляли они свое будущее.

После того как дважды в течение недели люди побывали в бане и их одежда была продезинфицирована, в расположении барака частенько стали появляться немецкие младшие чины и солдаты. Их улыбки, мягкое обращение с употреблением слова «камрад» совершенно стерли у многих из памяти все то, что творили фашисты буквально вчера над нами и теми десятками и сотнями тысяч товарищей по оружию и единокровных братьев, трупами которых были заполнены повсюду противотанковые рвы и ямы. Подавляющее же большинство сохраняли на своих лицах угрюмость и были озабочены тем, во что вовлекали их фашисты.

Я, Мирзахан и Гаджи почти весь день прохаживались по прилегающей к бараку территории и, останавливаясь то у одной, то у другой группы, прислушивались к разговорам, в которые старались не вмешиваться. Но однажды самообладание изменило Мирзахану. Остановившись у группы азербайджанцев, мы обратили внимание на одного парня, рот которого расплылся до ушей в улыбке — он носил маргарин на хлеб.

— Ну что, земляк, дожили, что хлеб с маслом едим? — обратился Мирзахан к нему.

— Курбан олум Махаммедин Гюмметине! — восторженно ответил тот.

— Курбан ол! Курбан ол, эшег! — вскипел Мирзахан. — Сабах злюве силахде вережеглер, гедиб е атани, е де гардаши улдюрежесен!

Солдат вскочил на ноги и уже готов был броситься на Мирзахана, но находившийся рядом с ним товарищ удержал его за руку, приговаривая:

— Сакит ол. У дюз диир.

Поскольку вокруг были одни азербайджанцы (немцы сразу же после перевода отобранных предложили им сгруппироваться по национальной принадлежности), я попытался успокоить обиженного, сказав ему:

— Старший лейтенант немного погорячился, прости его. Если ты вдумаешься в то, что он сказал тебе, поймешь, что он не хотел тебя обидеть. — Я сказал это нарочито громко, чтобы все присутствовавшие азербайджанцы могли услышать.

После этого случая мы решили ни в коем случае открыто не высказывать свое отноше-

ние к проводимому немцами мероприятию, а изучать настроения людей, выявлять из их числа патриотически настроенных и вести с ними работу, чтобы при первом же удобном моменте совершить побег.

В начале июня 1942 года нас погрузили в товарные вагоны, окна которых были зашиты колючей проволокой, и вывезли из Молодечно.

По пути следования состав задвигали в какой-нибудь тупик и, открыв двери, давали нам возможность прогуляться под надзором многочисленных часовых. В течение дня трижды приносили еду.

В нашем вагоне оказались только азербайджанцы, из двадцати четырех человек трое — офицеры: Мирзахан, Гаджи и я, двое — младшие командиры.

В течение первых часов пути ехали молча. Каждый думал о своем. Изредка слышался то от одного, то от другого робко высказанный и вновь повторенный вопрос:

— Интересно, куда нас везут?

Вопрос повисал в воздухе без ответа. По тому, как рядовые смущенно поглядывали на нас троих, видно было, что они все еще находятся под впечатлением разговора, который был затеян Мирзаханом. Я шепнул Магомедову:

— Спой что-нибудь.

Мирзахан затянул популярную азербайджанскую народную песню. Потом неожиданно запел на русском языке «Раскинулось море широко». Многие подхватили припев. После того как песня была спета, на некоторое время в вагоне воцарилась тишина. Вскоре поезд остановился, и немцы открыли двери, предло-

жив желающим прогуляться у состава. Один из двух солдат, которые находились в тамбуре соседнего с нашим вагоном и, видимо, слышали наши песни, предложил спеть «Волга — Русь-река».

Нас высадили в Седлицах — местечке на границе Советского Союза с Польшей. Более месяца продержали в этом лагере. Условия были приближенными к армейским. Вместо нар — железные кровати в два яруса с набитыми соломой матрацами, подушки. Кормили хорошо, видимо, мы уже были взяты на общее армейское довольствие. По утрам — обязательная для всех гимнастика, а в течение дня — дважды по одному часу строевые занятия. Одним словом, все делалось, чтобы люди немного пришли в себя после истощения в плену.

ЛЕГИОН — ШАГ К СВОБОДЕ

В июле нас вывезли в польский город Едлина. Первые дни пребывания в Едлине мы посвятили тому, что Магомедов и Сафаров искали по всему легиону знакомых, чтобы сколотить группу и готовиться к уходу. Я, симулируя зубную боль, обвязав щеку, ходил по всем подразделениям и всматривался в лица каждого: попадутся ли среди них знающие меня? Но таковых не оказалось.

В батальоне, который был уже сформирован и вооружен, Магомедов встретил двух знакомых офицеров. С одним из них, старшим лейтенантом Имраном Гусейновым, он мог говорить доверительно. Мы вчетвером собра-

лись в уединенном месте. В ходе беседы он сообщил нам, что в батальоне есть шесть человек офицеров и достаточное число младшего комсостава и рядовых, которые готовы хоть сегодня сражаться с фашистами. Мы стали говорить, чтобы он обдумал, каким образом захватить и вынести оружие для организации партизанского отряда. Но Имран стал возражать, мотивируя тем, что они уже всесторонне обсуждали этот вопрос и пришли к решению, что на территории Польши, где они не знают ни людей, ни языка, ни местности, отряду будет трудно.

Поэтому решили, как только вступим на оккупированную фашистами советскую территорию, как можно большее число людей подговорить и, уничтожив немецкое командование батальона, присоединиться к какому-нибудь партизанскому отряду или же действовать самостоятельно.

Обдумав как следует данный вариант, мы нашли его разумным. Одновременно попросили Гусейнова познакомить нас с теми из офицеров формируемого второго батальона, которым он доверял. Он свел нас с лейтенантом Юнусом Мирзоевым и младшим лейтенантом Шамилем (фамилию не помню). Эти товарищи сообщили нам, что командный состав второго батальона в основном состоит из самозванцев-«офицеров», которые были в Советской Армии младшими командирами, а тут выдают себя за лейтенантов. Эти лица очень рьяно служат фашистам. Но среди рядового состава много людей, которые чувствуют себя угнетенно, ищут выхода из положения, в котором оказались.

Мы пришли к такому решению: необходимо подготовить кое-кого из патристически настроенных рядовых, чтобы они, после того как об одном из этих лжеофицеров доложит немецкому командованию Сафаров, якобы знавший его как сержанта в Советской Армии, а теперь выдающего себя за лейтенанта, рассказали и о других. Но прежде нам нужно было подготовить людей, кого мы могли бы рекомендовать как офицеров.

Нам удалось подобрать четырех настоящих офицеров и «перевести» в офицеры двух грамотных старшин.

Мы приступили к делу. Фашисты вначале были удивлены: как это можно выдавать себя за офицеров, не будучи таковыми. А когда мы доказали им это, попросив проэкзаменовать лжеофицеров, то они, посчитав нас честными и лояльными, поручили нам заняться подбором офицеров для второго батальона. Наших людей без какого-либо труда удалось пристроить на командные должности. А те, кто рвался в бой за фюрера, были разжалованы и направлены в так называемые рабочие батальоны.

По истечении нескольких дней, когда мы отбывали период карантина, руководство лагеря вызвало меня, Магомедова и Сафарова и предложило принять командование карантинными ротами. А это означало, что мы надолго можем задержаться в Едлине. Это предложение не особенно смутило нас. Если учесть, как легко нам удалось устранить неугодных и проташить своих на командные должности, оно даже устраивало нас — представлялась возможность иметь дело с людьми сейчас же после плена, когда еще свежи у

каждого в памяти издевательства фашистов, отобрать наиболее надежных и смекалистых на командные должности и использовать полтора-два месяца пребывания в карантине, дабы методически вести пропагандистскую работу.

В первое время мы старались быть в стороне от проводимых бесед. Рекомендованные нами командиры взводов и отделений ежедневно информировали нас о настроениях людей, как те реагируют на осторожно поставленные вопросы в части условий, в которые поставил их плен, и чем все это может кончиться для них и их семей, когда немцы потерпят поражение. Достаточно изученных и проверенных кто-либо из нас приглашал на беседу, и, получив соответствующий инструктаж, они уже сами агитировали товарищей.

В то время как некоторые, не будучи офицерами, выдавали себя за таковых, многие офицеры с начала пленения скрывали свои звания. Их нетрудно было узнать по замкнутому образу жизни. В некоторых случаях даже откровенные разговоры не приводили к контакту.

К сожалению, попадались неисправимые негодяи, которые и в издевательствах фашистов над ними же, пленными, находили вину руководителей Советского государства; мол, из-за них мы дошли до такого положения. Некоторые из таких «пропадали без вести», а других приходилось всячески компрометировать в глазах фашистов.

Поскольку порой нам самим приходилось присваивать офицерские звания проверенным

младшим командирам, нужно было позаботиться о том, чтобы они получали определенные военные знания. С этой целью мы сколотили большой ящик с песком и проводили тактические занятия. Во время одного из таких занятий к нам подошел начальник легиона майор Ридер в сопровождении нескольких офицеров. Он расценил нашу инициативу по-своему, похвалив за «ценное начинание».

В эти же дни мы поручили одному из наших людей завести знакомство с ординарцем майора, который почти безотлучно находился в его комнате и бывал свидетелем всех разговоров, которые велись там между собиравшимися офицерами. Этот ординарец одновременно давал уроки азербайджанского языка майору Ридеру.

Начальнику легиона майору Ридеру было лет пятьдесят, он был высокого роста, подтянутый, с постоянной улыбкой на лице, весьма корректный в обращении. Имел ученую степень. В комнате, где он проживал, было много иллюстрированных японских журналов. Когда я обратил на них внимание, то он заявил, что хорошо знает «япан» и любит эту страну.

После войны, когда советские люди узнали о жизни и деятельности замечательного разведчика Рихарда Зорге, я обратил внимание на сотрудника германского посольства в Японии по фамилии Ридер. Не был ли майор доктор Ридер, начальник азербайджанского легиона, тем самым Ридером из германского посольства? Во всяком случае, наличие у него японских журналов, его поведение, да и сам облик говорили о его причастности к дипломатической деятельности.

Нашему товарищу удалось подружиться с ординарцем Ридера, и теперь почти все свободное время они проводили вместе. Вначале мы только получали от ординарца записи передач из Москвы, которые он делал в отсутствие майора. Сводки информбюро ему не удавалось слушать, но некоторые экстренные сообщения из Москвы об изменениях на фронте, он заносил на бумагу и передавал нашему человеку.

Однажды ординарец сообщил нам, что у майора Ридера несколько офицеров высказались, что гауптман Абдулалиев очень просто ведет себя с солдатами, собирает их вокруг себя и ведет с ними довольно веселые беседы, никогда никого из солдат не наказывает, и хотя военные знания у него хорошие для его чина, но что-то не похож он на кадрового офицера. Послушав это, Мирзахан даже пошутил:

— Не подозревают ли они о твоём комиссарском происхождении?

Нужно было что-то предпринять. Решили поступить следующим образом. Условились, что я буду стоять вблизи штаба, а ординарец пройдет мимо и «забудет» поприветствовать меня. На мой вопрос он ответит, что якобы не заметил меня. После этого я дам ему пощечину, а он в свою очередь пожалуется на меня майору.

После этого майор сделал мне замечание: так жестоко бить солдата не следует.

— Собственно, я вначале и не поверил, — заметил он, — что это вы ударили его. У нас сложилось о вас мнение, как о высококультурном офицере.

В общем, этого случая было достаточно, чтобы в дальнейшем фашистские солдаты несколько иначе говорили о гауптмане Абдулаеве.

В медпункт легиона откуда-то прибыл врач Абдулаев. Вскоре он стал искать дружбы со мной и Магомедовым. Увидев нас, спешил подойти и обменяться рукопожатием. И каждый раз после неизменного вопроса: «Как ваше здоровье?» — следовало предложение: «Готов всегда к вашим услугам!». У нас вызвало подозрение его подобострастие.

Однажды, симулируя боль в пояснице, я зашел в кабинет к Абдулаеву. Расспросив меня по существу «болезни», он приступил к растиранию какой-то жидкостью и завел следующий разговор:

— Господин капитан, вас, кажется, зовут Мигдар?

— Да,— ответил я.

— Отец или дед у вас, наверное, были духовными лицами?

— Нет,— ответил я,— они были садоводами.

— Скажите «да»,— сказал он шепотом, хотя, кроме нас, никого не было в кабинете,— ибо вы несколько неудачно избрали себе имя.

Мы в упор взглянули друг на друга. Абдулаев улыбнулся и поспешил успокоить меня:

— Молодежь, конечно, в таких тонкостях не разбирается. А ежели поинтересуются пожилые, то незнание арабской письменности вы можете объяснить тем, что, мол, малолетним ушел от родителей.

Я оделся и, поблагодарив его, ушел.

В тот день мы установили надзор за каждым шагом Абдулаева, а вечером Юсуфов пригласил его к себе поиграть в нарды. Когда явился Абдулаев, мы все были в сборе. Вместо нарда Юсуфов поставил на стол бутылку шнапса и шутливо бросил в сторону Абдулаева:

— Каждую рюмку, выпитую вами, отовари-те бутылкой спирта.

Первую рюмку Мирзахан сопровождал то-стом:

— За здоровье Мигдара — сына, внука и правнука выдающихся мулл!

Абдулаев потупил взор и, ни на кого не взглянув, выпил. Мирзахан, морщась после выпитого, без обиняков задал вопрос Абдулаеву:

— Доктор, если меня зовут Мирзаханом, то выходит, что мой отец и дед были ханами, что ли?

— Не обязательно, — ответил совершенно спокойно Абдулаев. — Они могли быть и батраками. Но имя Мигдар дается в том только случае, если отец — ученый человек.

Дальнейший разговор с Абдулаевым сводился к тому, что якобы он догадывался о наличии организованной группы в легионе и очень хотел примкнуть к ней. Он также рассказал, что до легиона был около пяти месяцев врачом какого-то пересыльного пункта. Абдулаев был принят нами в группу и стал одним из активных ее членов.

Расспрашивая людей в карантинных подразделениях об их армейских и гражданских специальностях, мы обнаружили несколько оружейных мастеров и одного пиротехника.

Решено было попытаться устроить их в оружейные мастерские (до этого там работали только немцы). Мы как бы между прочим сообщили об этих мастерах обер-лейтенанту Ротай в надежде, что он доложит майору. В тот же день майор, посещая подразделения, спросил меня о них. В результате два оружейных мастера и пиротехник были устроены в мастерские.

В последующем мы узнали, что в мастерских ведется строгий учет пистолетов и деталей к ним. А на прочее оружие никто из немцев не обращает внимания. Но как вынести оружие? Это было трудноразрешимым вопросом. Но со временем мы все же приловчились: мелкие детали выносились в мешочках, привязанных к поясу и спущенных в штанины, а стволы и деревянные части выносили и бросали в траву на площадке у мастерских. Во время перерывов устраивали игры на площадке и, получив подходящий момент, выбрасывали далеко за проволочную ограду мастерских то ствол винтовки, то приклад. Таким образом нам удалось вынести и спрятать в лесу несколько винтовок.

Прошло около двух месяцев, как мы оказались в легионе, но никак не удавалось связаться с польскими антифашистами. Объяснялось это тем, что польское население очень враждебно относилось к тем, кто носил немецкий мундир, и, следовательно, со своей стороны не делало никаких попыток к сближению. На помощь пришел случай.

...Однажды на исходе дня я, Юсуфов, Магомедов и Сафаров прогуливались по окраине Едлина. Навстречу нам двое жандармов вели

молодого поляка. Когда мы приблизились, остановили их и спросили, кого они ведут. Один из жандармов ответил, что поймали бандита. Мирзахан засмеялся:

— Какой бандит из этого молокососа?

Жандарм, задетый замечанием Мирзахана, крикнул:

— Вон, проклятый человек!

Юсупов не вытерпел, дернул за рукав жандарма. Тот, взбешенный, оттолкнул Юсуфова и опустил руку в карман за пистолетом. Но Юсуфов обхватил его как клещами и не дал возможности вынуть руку из кармана. Второй жандарм, желая помочь своему напарнику, выпустил руку задержанного, который моментально пустился наутек. Не дав жандарму выстрелить, я вонзил нож в его горло. Второго постигла та же участь.

Только тут мы заметили нескольких поляков, которые сошли с велосипедов и в сорока—пятидесяти шагах от нас наблюдали за происшедшим. Мы подошли к ним и предупредили:

— Если выдадите, то вам несдобровать.

Те успокоили нас:

— Не опасайтесь, панове: если нас найдут и спросят, то мы скажем, что видели, как немцы, заспорив с двумя штатскими, убили последних. И все.

После этого случая, прибыв в расположение легиона, мы вначале решили было захватить оружие и уйти. Но потом, узнав, что никто из немцев не спрашивал о нас и не знал, что мы отсутствовали, решили выждать. И действительно никто из фашистов не обмолвился и словом о происшедшем.

Зато некоторые из поляков, когда мы в последующем появлялись в Едлине, снимали перед нами фуражки и улыбались. Через некоторое время мы подошли к одному из тех, кто так приветствовал нас, и спросили:

— Нельзя ли как-нибудь посидеть в кругу порядочной польской семьи и побеседовать?

— Почему нельзя? — был ответ. — Порядочные россияне всегда могут быть желанными гостями у поляков.

— Когда же? — спросили мы.

— Если завтра будете (он указал место), когда стемнеет, то получите шанс выпить чашку настоящего кофе.

На следующий вечер мы попали в семью поляка, который представился нам Любомиром. В первой комнате находился стол с закусками и двумя графинчиками с подкрашенной соком черники самогонкой. Когда вошли во вторую комнату, то с удивлением увидели четырех молодых женщин. Мы переглянулись и вопросительно посмотрели на того, кто пригласил нас в дом Любомира. Тот в свою очередь, сделав удивленное лицо, спросил:

— Что, не хотите? Все они хорошие паненки.

Мы повернулись было, чтобы уйти, но он удержал нас:

— Не пугайтесь дам, они для маскировки и мешать беседе порядочных россиян и поляков не будут.

Женщины, поприветствовав нас, вышли в первую комнату. Оказывается, Любомир был одним из тех, кто видел, как мы расправились с жандармами.

Беседа была посвящена в основном тому,

как фашисты против воли людей заставили их служить в легионе. Нам поверили. Дальнейшие встречи привели к тому, что в лесочке вблизи Едлия нас свели с одним «мужественным человеком из г. Радома» (так он был рекомендован нам поляками). Добываемое оружие из мастерских, медикаменты от Абдулаева попадали к польским антифашистам через этого человека, с которым мы периодически встречались.

После третьего месяца пребывания в легионе мы под предлогом того, что занимали паненок и идем повеселиться, по ночам уходили из легиона и в безлюдных местах устраивали охоту на зазевавшихся у своих паненок фашистов и профашистов из числа легионеров.

Атлетически сложенный Нажматдин Юсуфов, произведенный нами из старшего сержанта в лейтенанты, приловчился одним ударом гири (которую, возвращаясь в легион, прятали в определенном месте) расшибать череп так, что жертва, даже не издав звука, падала на землю замертво. Прodelывал он это следующим образом: двое из нас занимали фашиста разговором, проверяя у него документы, Нажматдин заходил сзади, ладонью левой руки зажимал ему рот, придавливал голову к своей груди, а правой рукой молниеносно наносил смертельный удар по верху головного убора и, отскочив в сторону, бросал жертву на землю. Затем обязательно наносил «гарантийный» удар.

На следующий день каждого такого случая командование легиона, сообщая нам во время обеда в столовой, что «польские бандиты» сделали «тоут» еще одного, предупреждало,

чтобы мы по одному никуда вечером не ходили.

Ординарцу майора как-то удалось подслушать, что какие-то батальоны перешли на сторону врага. В эти же дни до нас дошли слухи о том, что в армянском легионе хотели поднять восстание, но в результате предательства руководители патриотов были арестованы, а некоторые из них расстреляны.

Нужно было узнать, об азербайджанских батальонах шла речь или о попытке восстания в армянских батальонах? Решили «получить» разъяснение у обер-лейтенанта Ротая. Мы организовали хорошее угощение и пригласили обер-лейтенанта, любившего выпить и хорошо закусить.

Когда довели Ротая до полупьяного состояния, мы стали поносить армян: какие они, мол, неблагодарные, что пошли против фюрера, и так далее. Ротай подтвердил, что это так, и добавил еще кое-что вроде того, что армяне — те же евреи, что все они большевики.

— Если бы я был фюрером, а не Гитлер, — заявил в заключение Ротай, — то заодно с евреями и поляками перебил бы всех армян.

Опорожнив еще раз рюмки, мы заговорили об азербайджанцах, что ими-то фюрер должен быть доволен. Ротай не выдержал:

— Азербайджанцы тоже нехорошие. Пустая трата времени со всеми этими легионами. Ваши тоже изменили фюреру.

Мы сделали вид, что приняли его слова как шутку, и расхохотались. А Ротай стукнул по столу кулаком и закричал:

— Тише! Второй и третий батальоны не только перешли на сторону врага, но и пере-

били весь немецкий персонал батальона. — Потом, спохватившись, сделал попытку исправиться: — Это еще не точно, может быть, эти батальоны тоже армянские. В общем, это пока выясняется.

После ухода Ротая некоторые наши товарищи высказали мысль, что это хорошая зацепка, чтобы пойти к майору и выяснить, правду ли сказал Ротай. Но я отговорил их, разъяснив, что прежде всего сам Ротай может погореть за болтливость. А остальные офицеры замкнули свои рты, и мы никогда ни о чем не сможем узнать от них. Собственно, и без дальнейшего выяснения было видно, что Ротай высказал общее мнение фашистских офицеров в части того, что «возня со всеми этими легионами — пустая трата времени».

В последнее время заметно было, что немецкий персонал стал хмурым, сквозь зубы разговаривая с нами.

Никогда до этого ничем из жизни в Советском Союзе не интересовавшийся майор Ридер теперь стал все чаще за шахматной доской или за рюмкой ликера расспрашивать о том, что представлял из себя «существовавший» в России при большевиках порядок. Как чувствовали себя кавказцы? Знаю ли я что-нибудь о методах работы ГПУ НКВД и так далее. Почему-то эти вопросы зачастую задавались именно мне, хотя при разговоре присутствовали и другие наши офицеры.

Мы были обеспокоены этим обстоятельством и решили поменьше встречаться друг с другом на виду у фашистов и даже инсценировали ссору между мной и Мирзаханом. А ответы на некоторые вопросы майора я старался да-

вать правдивые: все национальности были на одинаковых правах, очень много внимания уделяется воспитанию молодежи в духе преданности Советской власти, платить за учебу и медицинское обслуживание не надо, кавказцы есть и довольные и недовольные Советской властью: довольны в силу вышеизложенного, а не довольны потому, что многие лишены недвижимого имущества. Вот, мол, как я. Мы имели два хороших дома и сад. Все отобрали у нас, и мы жили в последнее время в маленькой и неудобной квартире. О ГПУ НКВД ничего не могу сказать: не приходилось испытать их порядки.

В феврале 1943 года майор Ридер собрал весь офицерский состав и сообщил:

— Большая группировка немецких войск окружена и уничтожена под Сталинградом. Немецкие солдаты сражались мужественно и стойко. В Германии объявлен трехдневный траур. Фюрер приказал провести тотальную мобилизацию.

Мы с Юсуфовым переглянулись и не смогли удержать еле заметную улыбку, что было, разумеется, непростительно, ибо майор в этот момент взглянул в нашу сторону и уловил выражение наших лиц. Понизив голос, он добавил:

— Да, военное счастье временно перешло к большевикам. Только временно. Принимаемые фюрером меры по тотальной мобилизации вернут былую славу вооруженным силам Великой Германии.

В эти же дни в легион прибыл азербайджанец майор Гади Киясбеков из лагеря в Ченстохове. Магомедов и другие знавшие его офи-

церы из нашей группы отзывались о нем хорошо.

Киясбеков рассказал нам о некоторых офицерах-азербайджанцах, которые находятся в лагере и скрывают свои офицерские звания. В их числе он назвал старшего лейтенанта Аскерова, бывшего начальника десантной службы азербайджанской дивизии. А мы как раз искали по просьбе польских антифашистов человека, знакомого с авиационным делом. Поручили Магомедову, который лично знал Аскерова, чтобы по прибытии его в легион он немедленно известил нас.

Через несколько дней, мы узнали, что один из офицеров четвертого батальона — старший лейтенант Мамедов в прошлом был на важной работе в Кировабаде. Учитывая прошлое этого человека, я решил откровенно поговорить с ним. Пригласил его в свою комнату.

— Вы на самом деле были старшим лейтенантом? — спросил я.

— Да, — ответил он.

— Значит, скоро на фронт, воевать с большевиками?

— Раз посылают, что же остается делать...

— А хотелось бы вам избежать этого?

— Каким образом? — насторожился он.

— Я хочу организовать тут кое-какую работу, но никак не могу подобрать надежного человека. Вот, узнав случайно о вашей работе в прошлом, решил поговорить с вами. Как вы смотрите на это?

— Первое. О какой моей прошлой работе вы узнали? Второе. Каким образом вы сумеете оставить меня в легионе?

Я сообщил ему о полученных мною сведениях о его работе до войны.

— А что касается второго вопроса, то это можно устроить, симулируя какую-нибудь болезнь.

Мамедов ответил, что подумает.

Вскоре после этого меня вызвал начальник штаба легиона и сообщил, что по приказанию майора Ридера я вместе с зондерфюрером Миллером должен выехать в некоторые лагеря с проверкой, в каких условиях находятся там азербайджанцы.

Получив проездные документы, мы выехали.

Зондерфюрер Миллер был пожилым человеком с седыми, хорошо сохранившимися волосами, выше среднего роста, хорошо образованным. Он прекрасно владел, помимо немецкого, польским, русским и французским языками.

Во время нашей поездки Миллер то и дело старался вызвать меня на разговор, посвященный в основном политике фашистов, жестоким действиям Гитлера по отношению к русским, полякам, евреям. Интересовался, каким я представляю себе мир после войны, кто победит в этой войне и так далее. Необычность вопросов и форма их постановки насторожили меня.

Я не мог понять, что все это означает. Проверка моей лояльности? Он волен был высказываться в моем присутствии, не задумываясь над выбором выражений. Меня он мог не опасаться: если я донесу, то не поверят. Как бы велик ни был у меня соблазн поговорить на предлагаемые Миллером темы, я старался глушить возникавшее желание, хотя и хоте-

лось дать исчерпывающие и убедительные ответы на его вопросы. Мог бы привести ему вертевшуюся в мозгу восточную мудрую поговорку: «Если кто с помощью насилия создает что-либо, то непременно покончит жизнь под его обломками». Нет, по возможности надо отмалчиваться или же отделываться ничего не значащими отговорками.

Мы прибыли в Варшаву во второй половине дня. Устроившись в гостинице и приведя себя в порядок, пошли знакомиться с городом.

Трудно забыть представшие перед нашим взором руины польской столицы. Все еще продолжали дымить развалины незадолго до этого снесенного с лица земли варшавского гетто, территорию которого не прекращали контролировать посты войск СС, так как некоторые оставшиеся в живых узники гетто спрятались в лабиринтах канализационных проходов.

Миллер, видимо, ранее не раз бывавший в Варшаве, давал мне пояснения о городе, сопровождая их колкими и недружелюбными замечаниями в адрес поляков. Услышав, как он, обращаясь к прохожим полякам по какому-либо поводу, разговаривает на чистейшем польском языке, я спросил, когда он так хорошо научился польскому языку.

— До войны мне пришлось несколько лет жить в Варшаве,— коротко ответил он.

Вечером, после ужина, мы пошли в кино. Показывали кинохронику документальных кадров с фронтов и истеричное выступление Геббельса об объявленной фюрером тотальной мобилизации. Сама кинокартина была посвящена «героическим операциям» группы фашистских подводных лодок. Не досмотрев до

конца картину, мы, последовав примеру некоторых других военных, вышли из зала и направились в гостиницу.

На следующий день, часов в десять утра, зашли в кафе позавтракать. Миллер, окинув взглядом зал, направился в ту часть, где за одним столом сидели две женщины, оказавшиеся немками. Поздоровавшись и пожелав им приятного аппетита, Миллер предложил мне занять соседний с ними стол. Он спросил у женщин, что бы они порекомендовали нам на завтрак. Получив ответ и посоветовавшись со мной, он сделал заказ официанту.

Женщины с любопытством разглядывали меня. Одна из них нагнулась к Миллеру и что-то сказала. Миллер торжественно заявил:

— Вы видите перед собой отпрыска влиятельных кавказских князей!

Женщина, опять нагнувшись к Миллеру, снова что-то сказала. Миллер сообщил мне:

— Дамы приглашают нас к себе на чашку кофе. Ну как, отложим на завтра поездку в Ченстохов?

— Стоит ли откладывать дело? Вы ведь сообщили в Ченстохов, что к вечеру мы будем там,— ответил я.

— Вы правы,— сказал мне Миллер. А дамам ответил: — Наш принц связан словом: на вечер назначена деловая встреча. Он и я благодарим вас за приглашение. При вашем согласии мы с удовольствием воспользуемся любезностью при удобном случае, если будет оставлен нам адрес.

Одна из женщин достала из сумки визитку и с улыбкой вручила Миллеру. Мы поклонились.

лись дамам и вышли из кафе. На улице Миллер сообщил мне:

— Вы произвели на них впечатление.

— Еще бы: как-никак, а отпрыск влиятельных князей Кавказа,— ответил я.

Мы направились на вокзал и выехали в Ченстохов.

В город Ченстохов мы прибыли к вечеру. На переднем к вокзалу пути стоял состав из товарных вагонов, который усиленно охранялся солдатами войск СС. Мы с Миллером, чтобы выйти к вокзалу и в город, должны были обойти этот поезд. Только мы начали двигаться вдоль состава, как услышали хор женских голосов из всех зарешеченных окон вагонов, которые, показывая своих еле живых детей, молили:

— Воды, воды! Дайте воды хотя бы детям!

По моему телу прошла дрожь возмущения. Я не выдержал и спросил одного из охранников:

— Почему вы не даете им воды?

Он с почтением, как и подобает говорить с офицером, ответил:

— Зачем им вода, они едут в пекло.

Несколько лет спустя я узнал, что это пекло называется Освенцим.

Миллер ничего не сказал. Мы шли молча и не глядя друг на друга. Только когда мы вышли из вокзала, он вымолвил одно-единственное слово:

— Проклятие!

Мы шли молча, потом ждали у вокзала вызванную по телефону машину, Миллер, как бы говоря сам с собой, произнес:

— Очень много неоправданных жертв.

Я продолжал молчать. Так мы и доехали молча до Ченстоховского лагеря.

Комендант встретил нас как начальство, хотя мы и были ниже чином. Представив собравшимся у комендатуры немецким офицерам, он повел нас по лагерю.

Самым неожиданным и весьма рискованным для меня было то, что я должен был в сопровождении коменданта и Миллера пройти перед строем пленных. Во время этого опасного шествия я то и дело поворачивал голову в сторону Миллера, который шел справа от меня, пространно высказывая ему свои замечания о порядках в лагере и внешнем виде пленных. Когда обошли весь строй и никто не узнал и не окликнул меня, я облегченно вздохнул.

На самом деле все обстояло иначе. В строю находилось три человека, которые меня узнали. Вначале они стояли в первой шеренге, а узнав меня и с трудом скрыв удивление, решили на всякий случай затеряться в задних рядах. Это были Михаил Ходжаев, бывший до войны первым секретарем Дербентского горкома ВЛКСМ, по национальности кумык, Ханух Анисимов — бывший директор Дома пионеров, тат по национальности, Борис Мататов — тоже бывший житель города Дербента, тат по национальности. Они оба выдавали себя за кумыков и находились под покровительством Ходжаева.

Узнал же я об этом уже после войны, когда встретился с этими товарищами, и они, выяснив, с какой миссией я находился на «службе» у фашистов, заявили, что подумали об этом, но все же решили не высовываться.

Вечером комендант устроил у себя что-то вроде званого обеда, на который были приглашены все офицеры-немцы. Миллер и тут представил меня как князя.

В лагере я сумел переговорить со старшим лейтенантом, бывшим начальником десантной службы азербайджанской дивизии Аскеровым, который категорически отказался уйти из лагеря. Не помог и откровенный разговор, который я вынужден был вести, натолкнувшись на его упорство. Строго предупредив Аскерова о необходимости неразглашения нашего разговора, я отпустил его.

Возвратившись из командировки в Едлинь, я задержался на вокзале, чтобы побриться, а Миллер ушел один. Уже в непосредственной близости от расположения легиона меня встретил один из товарищей, который предупредил:

— Ординарец передал, что вас должны немедленно арестовать. Возвращайтесь и не появляйтесь в легионе.

Я быстро обдумал положение и, придя к выводу, что если дело обстоит именно так, то за каждым моим шагом уже установлен, вероятно, надзор, улыбнулся в ответ, чтобы не заподозрили в чем-либо товарища, если кто-нибудь следит за нами, и направился в легион.

Сразу после моего появления в комнату вошел майор. Он молча подошел к ремню с кобурой, которая висела на вешалке, извлек из кобуры пистолет и вложил себе в карман шинели. После этого, презрительно взглянув на меня, объявил:

— Вы арестованы, капитан. Сейчас переведут вас в изолированное помещение. Не смейте сопротивляться.

— Могу ли узнать, за что меня арестовываете? — спросил я, изобразив на лице удивление.

— Об этом вам скажут в гестапо, — таков был ответ.

В тот же день я был отправлен в г. Демблин. Ночь провел в одиночной камере, то прохаживаясь, то сидя на цементном полу: в камере не было ни нар, ни стола, ни табуретки. Пачка сигарет осталась при мне, и я провел всю ночь, куря одну за другой. Ни пищи, ни воды мне не предложили.

Утром, часов в восемь-девять, открыли камеру и куда-то повели меня. В кабинете, куда меня ввели, за столом сидел офицер-гестаповец, а у стола — человек средних лет в штатском, с лицом кавказского типа.

Я стоял, вытянувшись по команде «смирно». Гестаповец с минуту сверлил меня глазами, а затем, обменявшись взглядом со штатским, кивнул ему головой.

— Подойди и садись напротив меня, — предложил мне на азербайджанском языке человек в штатском.

Выговор и акцент штатского говорили о том, что он из эмигрантов и, видимо, длительное время проживал в Турции, так как в его азербайджанском проскальзывали турецкие слова.

Усадив меня рядом с собой, он начал спрашивать, как звали отца, деда, прадеда, имена сестер и братьев, обучался ли я у муллы, чем занимались отец и дед, верую ли в Аллаха.

В части имен я отвечал ему без заминки, ибо это было заучено мною еще тогда, когда я начал выдавать себя за азербайджанца.

— Отец и дед были садоводами,— ответил я,— к мулле ходил полтора-два года и сейчас помню только алфавит (его я изучал в плену).

Он предложил мне написать кое-что. Я написал, с трудом выводя буквы.

В части Аллаха я признался, что неверующий.

Меня увели обратно в камеру.

Только на третий день меня вновь повели на допрос. На этот раз в кабинете находился тот же гестаповский офицер и переводчик-немец.

Вот заданные мне вопросы и ответы на них.

— С кем вы близко дружили в легионе?

— Близкой дружбы у меня не было ни с кем.

— Почему так долго увиливали от отправки на фронт?

— Я не увиливал. Мне поручили командовать карантинной ротой и не переводили в фельдбатальон.

— Чем вы занимались в легионе?

— Тем, что мне было поручено командованием.

— Советским командованием?

— Нет, командованием легиона.

— Сколько человек вы завербовали для работы против немецких войск?

— Ни одного.

— Сколько немцев убили в Едлине?

— Никого не убивал.

— Кого из поляков хорошо знаете?

— Никого.

— Как зовут и где живет ваша возлюбленная полячка?

— Нет у меня возлюбленной.

Меня даже устраивал такого рода допрос. Офицер как будто соглашался со всеми моими ответами.

Поздним вечером меня привели снова на допрос. На этот раз у стола следователя сидел Самат Мамедов. Я на него не отреагировал.

Гестаповец, который не сводил с меня взгляда, даже расстроился.

— Ну как, и сейчас вы намерены столь лаконично отвечать на мои вопросы? — сказал он, выдержав паузу.

— Мне кажется, что я дал исчерпывающие ответы.

— Этого офицера вы хорошо знаете?

Я взглянул еще раз на Мамедова, сделав вид, что хочу припомнить, где мог его видеть, и ответил:

— Не могу сказать, что знаю его хорошо, но видел в легионе.

— Только и всего! — вспыхнул Мамедов. — А кто вербовал меня в «помощники для работы с народом»?

— Это провокация, господин следователь, — обратился я к гестаповцу, — я его не знаю и ни разу с ним не говорил. Да к тому же с каким народом я должен работать?

Гестаповец вскочил со своего места, заорал на меня и пообещал допросить меня по-другому, коль я не понимаю человеческого языка. Он нажал кнопку звонка. Вошел ефрейтор-верзила.

— Посмотри на него хорошенько. Если не перестанешь упорствовать, то он развяжет тебе язык, — предупредил он.

Ефрейтора он отослал обратно.

— Сейчас тебя отведут обратно в камеру. Подумай хорошенько и подготовь ответы на все вопросы, которые я задавал утром. Не вздумай вилять, это не принесет пользы.

На следующий день снова вызвали на допрос.

— Рассказывай! — сказал гестаповец.

— Мне не о чем рассказывать, — ответил я. — Разве только о том, как я добросовестно служил фюреру.

Минут десять он говорил мне о том, как они жалуют-милуют тех, кто честно признается в содеянном, что они не винят меня за то, что я вел работу против немцев. Это, мол, естественно.

— Ведь большевики всю жизнь отравляли вам мозги, и немецкое командование было бы удивлено, если бы так легко и быстро удалось перевоспитать вас, — заключил он.

Я продолжал молчать. Когда он убедился, что его «нравоучения» не возымели на меня действия, был вызван уже знакомый ефрейтор. Завели меня в особую комнату и отделали так, что я потерял сознание.

После того как я несколько часов провалялся на полу, меня подняли и еще раз повели к следователю. Так продолжалось несколько дней. Потом привели меня в тюрьму и посадили в камеру, где уже находились трое заключенных. Ибрагим Мамедов, старший лейтенант, азербайджанец сорока лет, попал в плен в первые дни войны после ранения двумя осколками в спину под правую лопатку. Истинную причину ареста почему-то скрывал. Объяснял просто: «Пьяным не к месту болтал лишнее. В легионе (не Едлинском) был коман-

диром взвода. Арестовали перед самым отправлением батальона на фронт. На допросах мне приписывали всякую всячину и, добиваясь признания, один раз даже избили. Но таких следов, как у тебя, капитан, к счастью, не оставили».

Каждый раз, когда нам удавалось на прогулках узнать, что какую-то группу заключенных опять увели рано утром, Ибрагим твердил о необходимости найти возможность бежать.

Вторым был Григорий Гогешвили, старший лейтенант двадцати восьми лет, стройный, выше среднего роста, с правильными чертами лица и преждевременной лысиной над лбом. Родом из Кутаиси. Попал в плен в составе большой группы окруженных войск. Был легко контужен. Его арестовали в промежуточном лагере по доносу за антилегионную пропаганду.

Забегая вперед, скажу, что Григорий Гогешвили живым и невредимым прошел партизанский путь и в августе 1944 года, после соединения партизан Брестской области с наступающими частями Советской Армии, влился в ее ряды и продолжал борьбу за освобождение братской Польши.

Третьим был Мирза Алиев, лейтенант, двадцатитрехлетний азербайджанец родом из Баку. Невысокого роста, ладно сложенный, красавец с двумя родинками на щеке. Часто и очень задушевно распевал азербайджанские песни.

Мы усердно продолжали думать над тем, как организовать побег.

Однажды польские рабочие, проводившие ремонтные работы в расположении двора, по

нашей просьбе «забыли» ножницы и кусок поломанной ножовочной пилы. Инструменты были доставлены в камеру и воткнуты в доски под нарами, где им не долго пришлось быть в бездействии.

Тюрьма, в которой мы содержались, с трех сторон была окружена крепостной стеной, а четвертая имела небольшой свободный выход к реке. Здание было обнесено колючей проволокой, которая начиналась метрах в пятнадцати от тюрьмы. Между вторым и третьим рядами ограды также была натянута колючая проволока. В двадцати метрах от основной ограды имелась еще одна, обнесенная колючей проволокой. Территория между этими оградами была тщательно вспахана. За первой оградой, вплотную к третьему ряду проволоки, стояли сторожевые вышки. Часовой имел винтовку и ручной пулемет. Вышки были поставлены по всей линии вокруг здания на расстоянии двадцати — двадцати пяти метров друг от друга. На них имелось по два прожектора, свет которых был направлен вдоль ограды в обе стороны. По протоптанной узкой дорожке, за первой оградой, время от времени ходил вооруженный патруль из двух солдат.

Когда мы заимели нужные инструменты и могли уже вплотную заняться подготовкой к побегу, после долгих дискуссий решили рыть лаз под самой вышкой. Принимая такое решение, мы взяли в расчет психологию часового на вышке, который обычно смотрит под углом вперед по направлению света от прожекторов и весьма редко — себе под ноги.

Кроме того, в день, когда решено было бежать, мы обратили внимание на то, что один

из часовых на облюбованной нами вышке был в очках. Рассчитав его часы дежурства, решили приурочить выход именно на период его пребывания на посту.

Второй проблемой в деле осуществления побега была обувь. Все заключенные были обуты в деревянные колодки, ходить в которых можно было очень медленным шагом, чтобы не натереть ноги. Разумеется, о побеге в этих колодках нечего было и думать. Естественно, и босиком далеко не убежишь. Значит, надо было найти какую-то легкую обувь. В решении этого вопроса помог Ибрагим. Он предложил спороть с моих брюк кожаную накладку для верховой езды. И из этой мягкой кожи изготовил четыре пары сандалий. А в день побега вырезал из одеяла стельки и пришил к сандалиям с внутренней стороны. В итоге получилась легкая, удобная, а главное — бесшумная обувь. Мы были в восторге. Каждый, примерив свои сандалии, в знак благодарности одаривал Ибрагима поцелуем. Правда, срок носки вряд ли превысил бы двое суток, но это нас не очень заботило: лишь бы вырваться на волю.

В один из весенних дней 1943 года жители города Демблина стали очевидцами необычной беготни до этого всегда самоуверенных и наглых гестаповских молодчиков.

Населению было запрещено выходить за пределы города. Но зато по всем направлениям снаряжались на велосипедах, мотоциклах, машинах и пешими многочисленные группы солдат и офицеров войск СС. В каждой группе собаководы с трудом удерживали откормленных и свирепых овчарок.

Через несколько часов по городу распространился слух о побеге из крепости трех «большевиков-смертников». В эту тройку входили старший лейтенант Григорий Гогобашвили, лейтенант Мирза Алиев и я, проходивший как капитан Мигдар Яхьяевич Абдулалиев.

Из нас троих двое были «вооружены»: один — куском ножовочной пилы, а второй — ножницами, которыми резали колючую проволоку.

На расстоянии восьмидесяти — ста шагов от последнего предупредительного ограждения мы ждали четвертого товарища — старшего лейтенанта Ибрагима Мамедова. И вдруг — пулеметная очередь со сторожевой вышки, в непосредственной близости от которой была проложена дорога для побега. Обнаружили Ибрагима!

После войны нам удалось узнать некоторые обстоятельства гибели Ибрагима, репрессиях по отношению к остальным узникам крепости и наказании, которое понес комендант крепости за наш побег. Эти подробности сообщил мне оставшийся в живых и вернувшийся в Дербент бывший узник этой же крепости Сосун Сосунов.

Ибрагим был убит внутри проволочной ограды. Видимо, задев одеждой колючую проволоку, вызвал шум навешанных на нее побрякушек, чем и привлек внимание часового на вышке, который немедленно дал очередь из пулемета. Труп Ибрагима двое суток лежал на том же месте.

Все узники крепости — и офицерской тюрьмы, и барачных, в которых содержались рядо-

вые (в обычное время большая часть их привлекалась к работам вне крепости),— в течение двух суток, пока продолжались поиски бежавших, были оставлены без пищи и прогулок. Охрану крепости усилили.

Комендант тюрьмы был разжалован в рядовые и отправлен на фронт.

ПОЛЬСКАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ ХРОНИКА

Мы бегом направились к Висле. Бросились в реку и, проделав кое-что для запутывания следа, обошли с южной стороны город и остановились в молодом ельнике. Подсушили одежду, по очереди немного вздремнули, а к вечеру решили двинуться к населенному пункту, который был расположен примерно в двух километрах от места нашей дневки.

Часа за два до наступления сумерек залегли на опушке леса и повели наблюдение за населенным пунктом. Мы не знали, есть ли в селе фашистские войска или полицейские. И поэтому идущих туда группами в три-четыре человека сельчан мы не решались останавливать. А в одиночку никто не шел.

И вот, когда начало уже темнеть, из села вышел мужчина с маленьким чемоданом в руке. Он шел по дороге, у которой мы, уже «вооруженные» по-настоящему: двое — дубинами, а один — все теми же ножницами, дежурили — продрогшие, с кровотокающими от царапин ногами.

Когда путник поравнялся с нами, мы все трое одновременно выскочили из кустов и окружили его. На наш вопрос: «Кто ты?», ни-

чуть не растерявшись, с приятной, успокаивающей улыбкой он ответил:

— Я поляк, товарищи из Демблина.

— Предъяви документы! — потребовали мы.

Он все с той же улыбкой поднял левой рукой полу пиджака, и мы увидели две висящие на ремне брюк «лимонки». Правой рукой он достал из кармана пистолет.

Мы переглянулись, безмолвно спрашивая друг у друга, можно ли считать, что «документы» в порядке.

Пока мы решали этот вопрос, поляк, обняв двоих из нас за плечи, увлек в кусты: нельзя стоять на дороге.

— Откуда вы знаете, что мы товарищи из Демблина? — задал я вопрос.

— Вы, видимо, и не подозревали, что за вами двойная погоня? Швабы ищут вас в лесах и рощах по обе стороны Вислы. Овчарки тянут их только к реке, и некоторые из них склонны даже предположить, что вы утонули в Висле. А мы искали вас в этом направлении, потому что разгадали ваш маневр. Иначе и не могло быть: оказавшийся в Демблинской крепости и сумевший оттуда совершить побег непременно должен кое-что знать и в части того, как все устроить, чтобы снова не оказаться в пасти зверя. Значит, мы не ошиблись,— заключил он улыбаясь.

Молча отошли мы от места встречи около полукилометра. Не знаю, какие мысли занимали нашего попутчика, но я должен признаться, что думал примерно следующее: «Если он фашистский прихвостень, то ему ни в коем случае не уйти от наших дубинок, как бы ни был он вооружен и куда бы нас ни

завел. Не лучше ли сейчас, одним взмахом дубины, оглушить его и завладеть оружием, которое в нашем положении было равноценно жизни? А если это окажется непростительной ошибкой? В общем, нужно бдительно следить, куда он нас ведет, и воспользоваться подходящим моментом, чтобы потребовать у него настоящие документы».

— Сейчас будет железная дорога,— нарушил молчание наш попутчик,— нужно проверить, ходят ли патрули. Присядьте, панове.

Он открыл чемоданчик, достал оттуда четверть краюхи крестьянского хлеба и литровую бутылку с еще теплым молоком.

— Подкрепитесь. Я пойду погляжу на дорогу.

Только он отошел от нас, я направился вслед за ним, соблюдая интервал шагов в десять. Когда подошли к опушке, поляк залег. Невдалеке лег и я, не выпуская его из поля зрения. В таком положении мы находились минут двадцать. Затем поляк поднялся и быстро повернул назад. Увидев меня, он воскликнул:

— О, это очень хорошо! Но напрасно вы не доверяете. Я Ветчик. Слышали о таком? Так вот, на дороге спокойно. Нужно быстренько перейти ее.

Перейдя дорогу, мы вошли в большой лес и часа три шли впотьмах. Но Ветчик ориентировался хорошо. Пересекли небольшую прогалину, остановились. Ветчик дал сигнал коротким свистом. Выдержав минутную паузу, он повторил этот же сигнал. Мы услышали ответный свист. Сделав шагов тридцать — сорок, мы наткнулись на группу людей.

— Примите пополнение, панове,— сказал Ветчик, обменявшись рукопожатием с каждым из членов группы.

Под вековой елью, в шалаше, сооруженном из веток, стояло шестеро его обитателей. Четверо из них были вооружены двумя австрийскими винтовками и двумя обрезами. Четыре месяца тому назад фашисты перевели их из лагерей в так называемый армянский легион. Бывший политрук Советской Армии Константин Сафарьян не допускал и мысли о том, чтобы надеть проклятую народами униформу фашистской армии. Но как выйти из лагеря?

Над решением этих вопросов ломал голову Константин, когда счастливый случай свел его с нашим знакомым Ветчиком. В один из декабрьских дней 1942 года сколоченная Константином группа была встречена и переправлена в лес его людьми.

Проведя с нами оставшуюся часть ночи, Ветчик на рассвете ушел, пообещав дня через три наведаться.

На следующий день мы, расспросив обо всем друг друга, повели следующий разговор:

— Теперь нас, Константин, девять человек. А оружие, если можно считать то, что мы имеем, оружием, только у четырех. Нужно будет подготовиться и сделать одну вылазку с таким расчетом, чтобы вооружить всех.

— Через три дня, как вы слышали, Ветчик обещал быть у нас. Посоветуемся.

— А вы сами-то знаете какие-нибудь малочисленные полицейские или войсковые посты километрах в десяти от нашей стоянки?

— Да, лесопилку охраняют два немца и пять полицейских.

— А далеко от леса лесопилка?

— Примерно в ста пятидесяти шагах.

— Это очень удобно. Что, если мы вышлем туда сегодня же двоих, чтобы разведали и вели наблюдение?

— Очень хорошо. Миша туда дорогу знает. А Мирза пусть составит ему компанию,— согласился Константин.

— Так, решено. Каспаров и Алиев ночью уходят, чтобы, тщательно замаскировавшись, в течение дня вести наблюдение за изменениями в составе поста. А утром снимаемся мы и до вечера лесом двигаемся туда же. Только с Каспаровым надо будет условиться о пункте встречи. С наступлением темноты делаем бросок...

— Так вы думаете совершить нападение, не посоветовавшись с Ветчиком? — встревожился Константин.

— Да. Если проведем удачно, то это будет неплохой сюрприз для него.

— Нет, нельзя этого делать,— категорически запротестовал Константин. — Ветчик нас строго-настрою предупреждал не делать никаких вылазок без их разрешения.

Меня озадачило это категорическое, с оттенком испуга, возражение Константина. О Ветчике и смелых вылазках его людей я много слышал от польских антифашистов еще до того, как оказался в Демблинской крепости. Но совершенно непонятно было мне, какими соображениями руководствовался Ветчик, держа в бездействии данную группу людей. Жалел он их или берег для того, чтобы на их базе сформировать отряд из совершающих побег из лагерей и тюрем советских граждан?

В ходе дальнейшего разговора с Константином выяснилось, что за период их нахождения в лесу они всего три раза участвовали вместе с людьми Ветчика в обстреле поездов с немецкими войсками. Причем многие из поляков были вооружены автоматическим оружием. И однажды, когда Константин попросил подходящее оружие, Ветчик ответил, что в излишке его нет, а то, что на руках у людей, принадлежит им. Значит, Ветчик почему-то не хотел вооружать людей Сафарьяна. Все это требовало объяснения. И я решил добиться его при встрече с Ветчиком. В связи с этим невольно напрашивался вопрос, Ветчик ли он на самом деле.

В условиях, в которых мы оказались после побега, немыслимо было оставаться без оружия, необходимого не только для борьбы и сопротивления, но и чтобы в случае возникновения безнадежной ситуации покончить с жизнью, тем самым избежав зверских пыток фашистов. Неужели этого не понимал Константин, который никогда не расставался со своим обрезом, держа его все время в руках или на ремне, когда стоял или шел, на коленях, когда сидел, или прижимал к груди, когда спал? Как он мог смириться с тем, что вот уже несколько месяцев двое его товарищей оставались безоружными, а значит — беспомощными и беззащитными при столкновении с врагом.

Я понял, что Константин просто поверил Ветчику и согласился с его доводами не задумываясь, потому что был вместе с товарищами обязан ему за избавление от ненавистного легиона. Если только и приходило Кон-

стантину в голову подозрение, то он глушил его, не желая перечить своему благодетелю.

Вот почему я заговорил об оружии и настаивал на нападении на лесопилку, что мы и сделали на следующий же день. Немецкому унтер-офицеру и двум полицейским удалось, отстреливаясь, сбежать. А остальных троих мы уложили у помещения, откуда они выскочили после нашего вынужденного выстрела в часового.

Но и мы не обошлись без потери: Николай Мисропян из группы Константина был изрешечен очередью из автомата унтера.

Четыре винтовки, одежда и обувь — наши трофеи. Лесопилку и лесоматериалы мы подожгли и, не задерживаясь, ушли.

Попетляв по лесу, к утру мы были на стоянке. Во второй половине того же дня, нарушив установленный срок, явился Ветчик в сопровождении двух мужчин. Увидев, что мы заняты чисткой новых немецких винтовок, они многозначительно переглянулись. Ветчик протянул мне руку.

— Не зря, выходит, швабы так усердно искали вас двое суток. Могу уверенно предсказать, что если они как можно быстрее не выловят вас, то хлопот не оберутся,— заявил Ветчик полушутя, все с той же подкупающей улыбкой. — Ну как, теперь-то убедились, пан Стефан,— обратился он к одному из сопровождающих его,— по чьей вине сегодня швабы будут хоронить четырех своих солдат?

Осмотрев винтовки, Ветчик, извинившись перед остальными партизанами, взял меня под руку и увлек в сторону.

— Садись, пан капитан, поговорим немного.

Я тогда не сказал вам наши условия потому, что никак не мог подумать, что вы так с ходу, даже не дав отдохнуть своим ушибленным ногам, приступите к делу. Вот вы вчера напали на пост лесопилки, убили четырех фашистских солдат и полицейских. Однако потеряли одного своего. А могло быть гораздо хуже. Считаю, что повезло вам: вернулись только без одного товарища. Допустим, вылазка была сделана, чтобы занять оружие. Но какая была необходимость поджигать лесопилку? Решившись на это, вы не подумали о последствиях. А они могут быть следующими: швабы теперь начнут искать вас. Вполне возможно, что быстро найдут, если им возьмется помогать те, кого вы лишили работы и заработка, уничтожив лесопилку. А если они нападут на ваш след, то не составит большого труда уничтожить вас. Только таких ответных действий следует и ожидать от швабов. Стоило ли из-за четырех винтовок вот так ставить все на карту? Когда наступит время, вы будете вооружены автоматическим оружием и скучать не придется.

— Когда же это время наступит, пан Ветчик? — спросил я, внимательно выслушав его.

— Когда ваши доблестные войска подойдут к границам Польши.

— Тогда, пожалуй, не бить, а только добывать нужно будет. А это с успехом сделают те, кто погонит их до границ Польши. Однако, пан Ветчик, на западе Польши поляки бьют немцев, хотя и находятся намного дальше вас от фронта. Насколько мне известно, и те поляки действуют под начальством пана Ветчика. Там можно бить, а здесь нет. Может быть, там, на западе, действует другой Ветчик?

— Нет двух Ветчиков, пан капитан. А есть один Ветчик, который по приказу пана Сикорского организует Войско Польское, которое в решительную минуту покажет врагам Польши свою силу. Все мы, действующие под его начальством, именуем себя Ветчиком. И я сейчас передаю вам приказ самого Ветчика: ждать, пока наступит час!

— В таком случае просим вас вооружить хотя бы двоих или троих из нас автоматическим оружием, чтобы мы избавились от этих калек-винтовок и уверенно чувствовали себя в ожидании, пока «наступит время».

Эти мои слова почему-то особенно не понравились пану Ветчику, и он, зло посмотрев на меня, сказал:

— Я вам уже говорил: когда наступит час, получите оружие. А сейчас я хочу от вас слова, что будете выполнять приказ.

— К великому сожалению, пан Ветчик, я должен вас огорчить. Мы, коммунисты и советские граждане, выполняем только один приказ: бить фашистов, где бы они ни находились, не откладывая даже на час. По-моему, так мыслят и поляки, по-настоящему желающие приблизить час освобождения своей родины от проклятых швабов,— ответил я ему.

Ветчик вскочил с места, и мы направились к группе. В это время Константин распределял патроны. Пан Ветчик взял один патрон, нервными движениями раскачал пулю и вытащил из патрона. Порох высыпал на ладонь и несколько секунд ворошил его большим пальцем той же руки. Можно было подумать, что он искал там что-то. Потом отшвырнул все и козырнул:

— Честь, пан капитан! Честь, панове!

Сказав это, он повернулся и ушел, даже не подав руки. Мы были крайне удивлены столь непонятной реакцией Ветчика и его товарищей на наше, казалось бы, вполне удачное нападение на лесопилку. Печально, что мы потеряли одного нашего товарища, но ведь потери врага оказались в четыре раза больше. Да и четыре винтовки с комплектами патронов — дело немалое. Ведь не нашлось же их у Ветчика, чтобы вооружить людей Константина. Два обреза, из которых нельзя было вести прицельный огонь, и две допотопные, австрийские винтовки никак не могли считаться сколь-нибудь серьезным оружием для оказания сопротивления врагу, если бы пришлось столкнуться с ним. Ветчик в ходе беседы сказал: «Если немцы нападут на ваш след, то им не составит большого труда уничтожить вас». Значит, он ясно представлял себе также и наше беспомощное положение на случай стычки с врагом. А упрек за поджог? Можно подумать, что лесопилка работала не на немцев, а на нужды польского Сопротивления.

Поразмыслив над поведением Ветчика, я и мои товарищи поняли, что такими, как мы показали себя вчера, он не хотел бы нас видеть и его это не устраивало. Недовольство Ветчика проявленной нами и вполне оправданной самостоятельностью было так велико, что он не счел даже нужным скрыть это перед своим уходом.

После ухода Ветчика и его спутников я рассказал товарищам о содержании нашей беседы с ним. Через несколько минут, нарушив тягостное молчание, подал голос Константин:

— Нехорошо получилось. За все время мы ни разу не видели Ветчика таким расстроенным... Что же будет дальше?

— Пусть справляет траур по убитым фашистам! — зло выкрикнул Мирза.

Царившее в группе приподнятое настроение от итогов удачно проведенной операции сменилось озабоченностью.

— Давайте разберемся как следует, что же мы сделали плохого, чтобы так злились наши польские друзья? По-моему, мы поступили правильно и должны действовать в дальнейшем так же, — высказался Гогебашвили.

В завязавшемся оживленном обсуждении создавшегося положения некоторые высказались за смену места и уход на восток, поближе к советской границе. Было решено сегодня же уйти в другой лесной массив, взяв курс на восток. По имевшейся у Константина топографической карте местности, мы разработали маршрут движения.

В течение двух ночей мы делали переходы почти без отдыха и отошли от места своей прежней стоянки на расстояние шестьдесят — семьдесят километров. На второй день выставленные нами дозоры обнаружили у дороги на опушке леса двух вооруженных топорами советских граждан, бежавших из плена. На вопрос, почему они залегли у самой дороги, они ответили:

— Рано утром по этой дороге отправились на фургоне трое вооруженных винтовками полицейских. Мы ждали их возвращения, чтобы напасть и захватить оружие.

Вся наша группа немедленно направилась к дороге. Разделив людей на две группы по

пять человек, мы залегли в засадах на расстоянии ста шагов одна от другой. Около трех часов пришлось ждать фургона с полицейскими. Когда фургон оказался между засадами, обе группы с криком «Ура!» выскочили из засады (было приказано воздержаться от стрельбы). Двое быстро схватили за уздечки коней, и ошеломленные полицейские посчитали самым лучшим соскочить с фургона, бросить винтовки и, став на колени, поднять руки вверх. Отрубив сбрую, пристегнули лошадей и пустили в обратную сторону. Полицейских мы увели с собой в лес. Оказалось, что они поляки и обслуживают почтовое отделение местечка. Утром отвозили на городскую почту посылки и письма. У всех троих в кармане оказалась тысяча с лишним золотых и удостоверения. Они охотно дали нам сведения о расположении в окрестных местностях гарнизонов, полицейских участков, постов. Еще сообщили, что многие польские помещики просят немецкое командование выделить им охрану в имения: боятся партизан.

В присутствии полицейских я дал указание Константину написать и выслать донесение «командиру отряда» о расположении гарнизонов и постов врага. Когда наступил вечер, мы раздели полицейских и, сказав, что сохранили им жизнь только потому, что они не оказали нам сопротивления, отпустили их.

В итоге мы все оказались вооружены, да еще один обрез был в резерве.

В тот же вечер мы подошли к одному небольшому гарнизону, о котором получили сведения от полицейских, обстреляли его и по-

вернули обратно, предав огню и деревянный пост на шоссе на дороге.

В большом селе мы обратили внимание на то, что у одного из домов стоит сторож. На вопрос «полицейских», что он охраняет, тот ответил:

— Обменный пункт, панове.

Мы не поняли. Переспросили. Сторож, хотя и был удивлен неосведомленностью «панов-полицейских», но разъяснил, что здесь производится обмен сахара, кофе, иголок, ниток, шпилек и других предметов на масло, сало, яйца. А заведует всем этим пан Валевский.

Разумеется, содержимое обменного пункта вызвало наш интерес. Мы решили с помощью сторожа вызвать пана Валевского. Явившийся приказчик, взглянув на нас и угадав, кто мы, весь дрожа, открыл магазин, и при свете лампы мы приступили к сортировке и отбору. Когда мы набивали вещевые мешки и карманы сахаром, салом и предметами обихода, Хасан Наматулин написал расписку следующего содержания: «Нами, бойцами советского партизанского отряда, забрано имущество фашистского пункта в селе...

Приказчик и сторож не могли ничего предпринять для охраны имущества, поскольку вынуждены были покориться силе оружия многочисленного отряда».

И вывел свою подпись с многочисленными завитушками.

В дальнейшем мы не раз повторяли подобного рода «экономические операции», как образно выразился Григорий Гогебашвили. Но, как ни странно, каждый раз сторожа или приказчики просили у нас расписку, а иные умо-

ляли вдобавок произвести еще пару выстрелов: вроде печати для скрепления расписки. Когда же мы спросили, для чего эти расписки, ответ был такой:

— Сами швабы требуют расписку. Мол, если взяли бандиты, то где папиер? И если не дашь им «папиер», то бьют и сажают в тюрьму.

— Ну что ж! Получайте хоть двадцать расписок. Только без печати: патроны нам дороги.

В течение двух месяцев наша партизанская группа вела подвижный образ действий: ночь двигаемся, а день отдыхаем в лесу. Ввиду малочисленности группы мы пока не решались на активные действия. Но тем не менее не проходили мимо какого-либо поста или небольших гарнизонов, не обстреляв их. При этом преследовалась одна цель: лишить фашистов покоя, пусть помнят постоянно, что вблизи них партизаны.

Однажды, во время ночного перехода, на одном из хуторов мы беседовали с гостеприимным крестьянином. Маленькая телка ходила от одного из нас к другому. Когда я взял ее за уши, то почувствовал под пальцами прикрепленный к уху кружочек жести. Шутя, спросил хозяина:

— Что это вы серьги навешали телке?

Крестьянин вздохнул:

— Это швабы, пан, таким манером кольчуют скот и берут на учет. Ни продать, ни поменять, ни резать нельзя. Когда наступит назначенное время, мы должны сдавать им.

— Только крупному рогатому скоту ставят эти пломбы? — спросил я.

— И крупному, и мелкому. Свиней тоже берут на учет.

Расспросив крестьянина и узнав, каким порядком фашисты перегоняют реквизированный у населения скот, мы решили во что бы то ни стало его отбить и раздать населению. По этой причине в дальнейшем свои дневки проводили вблизи больших дорог. И вот не прошло десяти дней, как наши дозоры на опушке леса обнаружили большое стадо. Впереди гурта преспокойно шагали два солдата с винтовками на ремне. Человек двадцать взрослых крестьян и подростков шли по бокам, подгоняя скот. Замыкала шествие бричка, на которой восседали еще три солдата с винтовками на коленях.

Мы быстро распределились. Четыре человека побежали вперед, чтобы оказаться впереди гурта. Остальные дождались, пока с ними поравняется бричка. Всего по одному выстрелу и сделали. Немцы были уложены на месте. Пастухи разбежались моментально.

К исходу дня мы находились уже далеко от места, где оставили убитых фашистов, когда услышали стрельбу. Видимо, немцы прочесывали лес в том районе.

Теперь уже некоторые из нас были при двух винтовках — одна за спиной, вторая на ремне. Решено было второй обрез и австрийские винтовки снять с вооружения. Они были закопаны в приметном месте.

По истечении нескольких дней Константин и Михаил, делая утром обход по лесу, в районе нашей стоянки обнаружили группу спящих немцев, причем без какой-либо охраны. Немцы в лесу, да еще так беспечно спят? Невероятно! Мы решили проверить, в чем дело. Соблюдая

все меры предосторожности, последовали за Константином. И увидели, что четырнадцать немцев, свернувшись калачиками, обняв винтовки, спят. Я обратил внимание, что обмундирование хоть немецкое, но без погон. Это несколько успокоило нас. Окружили участок, приблизившись почти вплотную к спящим. Я подошел к лежавшему с краю и, толкнув дулом винтовки, разбудил его. Не раскрывая глаз, он пробурчал:

— Ну что ты тычешь?

Услышав русскую речь, несколько человек из партизан подошли ко мне. А парень присел, протер глаза и уставился на нас.

— Кто вы? — спросил я.

— Вася! Нашли партизан! — заорал тот во все горло и бросился обнимать нас...

Его крик разбудил всех. Подошли и наши партизаны. И Вася, белобрысый толстяк, доложил:

— Командир партизанской группы Василий Шевчук.

Я тоже представился. Но не смог удержаться, чтобы не указать на недопустимую беспечность командира, не выставившего охрану.

Выяснилось, что они служили в полевой немецкой жандармерии, но с первых же дней вынашивали мысль перейти к партизанам. Когда они узнали о том, что вблизи где-то действует «крупный партизанский отряд», решили уйти от немцев. Сколачивал и возглавил группу Шевчук, который был на должности фельдфебеля и пользовался, благодаря своей внешности, особым расположением немцев. Иногда немцы подшучивали над ним, приговаривая:

— Твой отец есть пруссак!

Более двух недель люди Шевчука шли по пятам нашей группы и никак не могли выявить нас.

— Вот теперь-то мы нашли вас! — закончил свой рассказ Шевчук. — Ну, что же мы стоим? Пошли в отряд.

— Прежде всего, — решил я уточнить сказанное Шевчуком, — нашли не вы нас, а мы вас. Ваше счастье, что у вас нет погонов, иначе мы перебили бы вас спящими. И главное — весь отряд тут.

Последнее открытие удивило Васю:

— Выходит, десять человек напустили такого страху на немцев?

— Если не возражает товарищ Шевчук, то теперь двадцать четыре человека и соответственно можно увеличить дозу страха для фашистов.

— А как же иначе? Мы просим принять нас в ваш отряд. — заявил Шевчук.

Люди Шевчука были рослыми, сильными и здоровыми ребятами. Именно из-за этих качеств фашисты, не спрашивая у них согласия, отобрали их из числа пленных и зачислили в свою полевую жандармерию.

Долго и осторожно изучал Шевчук людей, пока отобрал тех, с кем мог поделиться своим намерением повернуть оружие против гитлеровцев. Он хотел сколотить отряд численностью в тридцать — сорок человек, вооружиться должным образом, а затем, уничтожив немецкий персонал, уйти в лес партизанить. Но дошедшие до него слухи о появлении в этих местах «большого отряда советских бандитов» заставили ускорить события: Шевчук ушел

ночью с теми, кого успел подготовить, захватив лишь закрепленное за ними оружие.

Шевчук приказал сохранить погоны, и ребята держали их в карманах. Все были вооружены немецкими винтовками. Одежда, включая шинель и обувь, вполне исправная.

Когда мы перешли на свою стоянку, Шевчук предложил отметить слияние «чарочкой» польского бимбера (самогонки), который еще сохранился в их флягах. Нашлось несколько человек среди партизан нашей группы, у которых заблестели глаза после такого предложения Шевчука. Они так просяще взглянули на меня, что в первую секунду я готов был уступить. Но, встретив осуждающий взгляд Константина, тут же скомандовал:

— Константин, соберите все фляги с самогонкой!

Когда они были собраны, я вылил их содержимое на землю. Мирза Алиев вздохнул печально:

— Прощай, милый бимбер.

— Да, Мирза, именно «прощай». По крайней мере до тех пор, пока мы находимся в окружении врага,— ответил я на его вздох.

— Товарищи! Абсолютно правильно поступил капитан, вылив на землю эту отраву,— вступил в разговор Константин. — Мы не только находимся в окружении врага, но и на территории капиталистической державы, народ которой воспитывали в духе ненависти к советскому строю. Ему всегда твердили, что советские люди невежественны. Мы должны рассеять это мнение. Поэтому обязаны быть трезвыми, ибо пьяный всегда находится в плену у плохих поступков. Мы обязаны своим приме-

ром, своими действиями способствовать вовлечению в борьбу с фашизмом польских граждан.

В итоге было решено: каждый случай выпивки, мародерства и насилия строжайшим образом наказывать, вплоть до расстрела.

Утром следующего дня наш часовой задержал одного крестьянина, который крутился по лесу, водя на поводу бычка. Оказывается, жители ближайшего села знали о пребывании партизан в лесу, и этот крестьянин, рискуя жизнью, искал нас, чтобы предупредить о грозящей опасности:

— Очень много швабов понаехало в села вокруг леса. Мы решили предупредить вас. У них есть даже минометы, и, говорят, придут танки тоже. Уходите отсюда, панове! — умолял он нас.

Бычка тянул он за собой на случай, если придется объяснять немцам причину своего ухода в лес. Мы поблагодарили крестьянина. Когда он ушел, все же решили проверить правдивость его сообщения.

Направленные нами в сторону ближайшего села разведчики вскоре вернулись, подтвердив, что заметили значительное скопление войск врага. Нужно было немедленно уходить.

Разделили людей на три группы. Одну возглавил политрук Сафарьян, вторую — старший лейтенант Гогебашвили, а третью — я. Наместили маршрут и пункт сбора и двинулись в путь.

На рассвете следующего дня все три группы, прошагав более сорока километров, перешли в другой лесной массив и встретились вблизи условленного для сбора лесничества.

Решено было несколько дней не двигаться с места, а всякого заметившего нас задерживать.

На третий день невыносимый голод заставил нас прийти к лесничему и, щедро заплатив, взять у него имеющийся в наличии хлеб. Когда мы попросили спечь к следующему утру еще десять буханок, лесничий вытаращил было на нас глаза, но, увидев в наших руках пачку злотых, до того раздобрылся, что сбегал в кладовую и вынес нам объемистый горшок со смальцем и штук двадцать луковиц.

На следующий день с запасом хлеба мы тронулись в путь, взяв курс на северо-восток в направлении так называемых «графских лесов».

Во время этих переходов несколько человек сильно натерли ноги и изрядно устали. Выбрав удобную стоянку недалеко от речушки, решили передохнуть. Дозорные, задержали в лесу средних лет человека с осунувшимся и болезненным лицом. В кармане у него обнаружили немецкий парабеллум с запасной обоймой патронов. На наши вопросы он отвечал, что живет в ближайшем селе, а парабеллум нашел в лесу. Партизаны, которые вели задержанного, все были одеты в немецкую и полицейскую форму, что окончательно сбilo задержанного с толку. Когда он оказался на нашей стоянке и увидел разношерстно одетых людей, занятых починкой обуви и латанием одежды, несколько пришел в себя.

Получив из рук партизан парабеллум и запасную обойму, я спросил:

— Откуда он у вас?

— Нашел в лесу,— повторил он прежний ответ.

— Вместе с запасной обоей?

— Да, валялись вместе.

— Валялись в лесу и никаких следов ржавчины. Удивительно, особенно если вспомнить, какие шли проливные дожди!

— Фашистский лазутчик он, товарищ капитан! — вмешался в разговор Шевчук.

Только этого, видимо, и надо было задержанному. Он весь засиял:

— Товарищи партизаны...

— Ну, а дальше? — сохраняя строгость, спросил я.

— А дальше? Я представитель организации Компартии Польши. Зовут меня товарищ Василий. — И протянул руку.

После того как он обменялся рукопожатием со всеми партизанами, он еще раз подошел к Шевчуку и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Ох, и страшно же ты похож на немца, друже! Пожалуйста, переоденьте его, товарищ капитан! — не то в шутку, не то серьезно попросил Василий.

Все от души рассмеялись.

Товарищ Василий, пригласив присесть вокруг себя остальных, спросил:

— Сколько вас человек?

— Двадцать четыре,— ответил я.

— Все вооружены?

— Есть и запасные винтовки.

— Хорошо, очень хорошо. Когда же вы были в эти леса?

— Позавчера.

— С запада или с востока?

— Из района Демблина.

— Ну, товарищи, после поговорим. А сейчас меня ждут. Товарищ капитан, возьмите с собой кого-нибудь и пойдете. У меня есть сурприз для вас.

Сафьянов и Гогебашвили пошли со мной. Оказалось, что примерно на расстоянии одного километра от нас находилась еще одна группа партизан. Возглавлял ее старший лейтенант Николай Холодов, который одновременно исполнял обязанности уполномоченного комитета партизан по Надбужью.

Встрече с нами группа Холодова была очень рада. Между нами была достигнута договоренность объединиться. На следующий день Василий привел с собой другого товарища, которого представил нам членом руководящего органа местной подпольной парторганизации. Наша договоренность об объединении групп была им санкционирована. Одновременно, ввиду большого скопления войск вокруг нас, товарищи эти порекомендовали нам на некоторое время прекратить всякие действия.

На общем собрании было одобрено решение подпольного комитета компартии об организации партизанского отряда под названием «Народные мстители», а командиром утвердили меня.

Были заполнены и выданы всем партизанам удостоверения, на которых вместо фотографии ставился отпечаток большого пальца.

В дни, когда мы вынуждены были безотлучно находиться в лесу, Василий много времени проводил в селах для организации продовольственного снабжения отряда. Однажды узнал, что в имения помещиков завозятся фашиста-

ми уборочные и молотильные машины, а крестьяне из селений и хуторов получили предписание явиться в распоряжение помещиков для уборки урожая.

— Видимо, — заключил Василий, — будут вывозить хлеб в Германию.

Решено было воспрепятствовать этому, осуществив следующее. Товарищ Василий должен был выяснять через крестьян границы массивов хлебов помещичьих имений и установить пункты сосредоточения сельскохозяйственных машин.

Отряд разделился на две группы. Одна — под командованием Холодова и вторая, возглавляемая мной, к вечеру условленного дня одновременно должны напасть на пункты сосредоточения уборочных машин (для охраны которых помещиками были выставлены сторожа с охотничьими ружьями) и уничтожить их.

Операция была проведена удачно, причем без единого выстрела. Две берданки и одна «централка» без сопротивления и шума были сданы партизанам сторожами. Пожары осветили всю округу. Фашистские гарнизоны и посты, не зная, в чем дело, почти до утра вели «психическую» стрельбу.

В этой операции Василий принимал участие в составе моей группы и был очень доволен как результатом, так и произведенным эффектом.

Наши группы благополучно соединились в условленном пункте.

В последующие дни нам стало известно, что фашисты были абсолютно дезориентированы как в наших намерениях, так и в нашей чис-

ленности. Они стали повсеместно увеличивать свои гарнизоны и посты, укреплять их, обводя проволочными ограждениями, строя дзоты, натягивая на окна металлические сетки.

Совершенно иную реакцию вызвала эта операция у «сикорчаков». Они стали подкарауливать нас и обстреливать из засад, что говорило о грозящей опасности предательства с их стороны.

Организация компартии предложила нам держаться ближе к реке Буг, чтобы на случай каких-либо неожиданностей можно было форсировать ее и перейти на советскую территорию.

В последних числах августа две фашистские «рамы» поочередно стали кружиться над лесами, стараясь засечь наше местонахождение. Мы вынуждены были тщательно замаскировать свои стоянки.

Однажды товарищ Василий вернулся с очень неприятной вестью: фашисты задумали провести крупными силами облаву. При этом он сообщил, что организация компартии считает, что существование отряда, ввиду отсутствия больших лесных массивов по Надбужью, находится под угрозой, и предлагает нам перейти через Буг и обосноваться на советской территории.

Это предложение компартии было обсуждено нами на отрядном собрании и принято решение подготовить переправу через Буг.

В течение трех дней при помощи товарища Василия и его связных мы вели разведку возможных пунктов переправы. В итоге избрали участок южнее местечка Шацк, то есть на

территории Западной Украины, где орудовали националистические группы бендеровцев.

Безлунной ночью мы подошли к реке Буг, соблюдая все меры предосторожности. Вначале переправились двое партизан, чтобы разведать обстановку на восточном берегу реки. Только после того, как они осмотрели прилегающую территорию и подали нам условный сигнал, цепочкой вошли в реку остальные партизаны.

Мы уже находились почти на противоположном берегу, когда с одного из постов фашистский дозор выпустил осветительную ракету и дал несколько коротких очередей из пулемета трассирующими пулями. По тому, что эти очереди были направлены в обе стороны вдоль реки и быстро прекратились, мы поняли, что нас не обнаружили.

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ

День мы провели в глубине леса. Вечером, еще засветло, двинулись на северо-восток, взяв курс на территорию Белорусской ССР.

Засветло мы пришли в село, которое находилось на опушке леса. Только вступили в него, как натолкнулись на группу вооруженных автоматами и винтовками гражданских лиц, которые шли нам навстречу. Не дав никому из них возможности снять оружие с ремней, предложили сдаться. Разоружили их моментально. Два автомата ППД и четыре винтовки оказались в наших руках.

По тому, как они во время нашего разговора с ними, в котором мы пытались выяснить,

кто они и куда направлялись, все время всматривались в то направление, откуда шли, и пространно отвечали на вопросы, не проявляя при этом никакого беспокойства, я понял, что они ждут подхода других. Мы приняли решение повернуть назад в сторону леса и, изменив маршрут, двигаться другим путем. Село это мы обошли с востока и зашли на попавшийся нам по пути хутор напиться и устроить короткий привал.

Я обратился с вопросом к хозяину хутора:

— Товарищ, не скажете, есть ли в Шацке немцы?

— Есть в Шацке немцы, и очень много. Вам лучше обойти Шацк с востока, прямо лесом выйдете на шоссе. — Подумав немного, он добавил: — Как я понял, вы, значит, столкнулись, вроде с «бульбовцами». Видно, хлопцы, сам Бог заставил вас выйти из леса засветло. Иначе они бы вас побили начисто из засады.

Форсированным маршем двинулись мы по указанному крестьянином пути, чтобы до рассвета перейти через шоссе. Утром следующего дня мы уже отдыхали на земле белорусского народа, народа-партизана. Жители села Радеж Малоритского района Брестской области приняли нас как родных и, собрав по хатам что было из съестного, угостили.

Через несколько минут подкатила тачанка с тремя партизанами. Одного из них, с автоматом на груди, все величали товарищем командиром. Правда, некоторые из стариков позволяли себе, обращаясь к нему, называть просто Потеем.

В беседе мне удалось узнать, что Потей вступил в члены Коммунистической партии

еще до воссоединения народа Западной Белоруссии со своими единокровными братьями. В годы Советской власти он был избран председателем сельского Совета. Когда фашисты напали на Советский Союз, ушел в лес во главе малочисленной группы таких же, как он, патриотов и этим положил начало партизанской войне в этом районе. Большой лесной массив, отдаленность пунктов (Малорито и Домачево) от расположения фашистских оккупационных властей и гарнизонов, обеспечивали безопасность патриотов.

Со временем к этой группе постепенно примыкали советские воины, оказавшиеся в окружении и блуждавшие в лесах, бежавшие из плена. В июле 1943 года товарищу Потею по причине отсутствия военных знаний пришлось уступить пост командира отряда капитану Виктору Валдимаровичу Каткову.

За Потеем же население сохранило должность почетного командира. После этого он разъезжал по селам и решал все спорные вопросы сельчан, произносил речи на собраниях, то есть продолжал осуществлять обязанности представителя Советской власти.

На следующий день мы в сопровождении товарища Потея прибыли в лагерь отряда имени Жукова бригады имени Ленина Брестского соединения. Это было в последних числах августа 1943 года. Тогда еще отряд был немногочисленным. Вооружение тоже желало лучшего: огневая мощь отряда состояла из двух ручных и одного станкового пулеметов, четырех автоматов и винтовок. Помимо капитана Каткова, в отряде имелся еще один офицер — лейтенант Стах Болдырев.

Приказом по соединению я был назначен заместителем командира, другие офицеры — командирами рот и взводов.

В течение первой недели пребывания в отряде мы с товарищем Катковым объездили зону отряда, побывав во всех селах и хуторах. Эта поездка убедила меня, что численность отряда не ограничивалась теми, кто находился с оружием в лесу. Смело можно было назвать партизанами все население района, так тесно оно было связано с отрядом, оказывая ему помощь.

Очень много молодежи настойчиво просило зачислить в отряд. Но просьбы не удовлетворялись из-за недостатка оружия.

В последних числах сентября сто пятьдесят партизан во главе со мной, снабженные толковыми шашками, вышли на железную дорогу Брест — Ковель. Ночью двадцать седьмого сентября, выставив заслоны по десять человек в каждую сторону, сто тридцать человек встали по одному у каждого рельса. По сигналу ракеты подложили одновременно шашки. По второму сигналу подожгли фитили и спустились в укрытие. Через пару минут земля задрожала от взрывов. Проверка показала, что из ста двадцати пяти подложенных шашек, сто двадцать три взорвались, оторвав от каждого рельса куски по тридцать — пятьдесят сантиметров. Железная дорога на несколько недель была выведена из строя.

Вскоре после того как фашистские рабочие батальоны отремонтировали дорогу; эта операция была повторена вновь.

В течение октября мы ускоренно обучали и комплектовали диверсионные группы из пяти-

семи человек. Снабдив их минами, отправляли на железные и шоссейные дороги. Поезда с воинскими эшелонами и автомашины на шоссейных дорогах летели под откос и в воздух один за другим. Когда кончились настоящие мины, в отряде нашлись способные пиротехники, которые успешно изготавливали их, используя взрывчатку, извлекаемую из неразорвавшихся бомб. На поиски последних снаряжались целые группы партизан. Правда, такого рода самодельными минами приходилось подорывать, сидя в засаде вблизи самой дороги, выдергивая из мины шнур, что не было безопасно для подрывников. Очень часто на диверсантов летели осколки, они подвергались обстрелу фашистов. Но приходилось мириться с этим, поскольку не было выбора.

На шоссейных дорогах из-за отсутствия мин диверсии принимали также другие формы: мы усеивали дорогу специально изготовленными гвоздями. Проколы камер автопокрышек вызывали длительные простои машин, скопления которых зачастую обстреливались теми же подрывниками.

В результате всего этого фашисты вынуждены были вырубить лес вглубь на пятьдесят—семьдесят метров вдоль всех дорог, организовать многочисленные патрули, впереди эшелона пускать паровоз с двумя-тремя порожними вагонами, двигаться на минимальных скоростях.

Командование партизанского соединения, оценив активную диверсионную деятельность отряда, приказало основательно «оседлать» железную и шоссейную дороги Брест — Ко-

вель. Такое же задание получил и соседний с нами отряд имени Ворошилова.

Диверсии участились как на железной, так и на шоссейных дорогах. В довершение всего были взорваны и уничтожены мосты. Пока фашисты восстанавливали их, партизаны, не теряя попусту времени, обстреливали команды саперов врага, создавая невыносимые условия для их работы.

В итоге фашисты вынуждены были уже в ноябре отказаться от эксплуатации шоссейных дорог и до минимума свести перевозки по железной дороге.

Командование приступило к решению более важной задачи: создание резерва оружия и увеличение численности отряда.

В третьей декаде октября мы совместно с отрядом имени Ворошилова начали подготовку для нападения на железнодорожную станцию Домачево. Тщательно, при помощи связанных, были выяснены наиболее удобные подступы к станции и постам охраны. Для этой операции было отобрано до семидесяти партизан. Осуществили же операцию ночью 29 октября 1943 года. Было убито несколько десятков фашистских солдат и офицеров. В результате этой операции вооружение отряда пополнилось тремя скорострельными пулеметами, несколькими десятками винтовок и пистолетов.

В ноябре 1943 года специально сформированный разведвзвод стал изучать возможности нападения на гарнизон Шацка.

Удалось узнать, что численность гарнизона — не менее шестисот человек. Подступы охраняются постами, размещенными в бункерах. Казармы расположены по обе стороны

шоссейной дороги, по которой ночью ходят патрули. При гарнизоне имеются склады оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, до ста верховых лошадей, тридцать — сорок войсковых фургонов, пять — десять автомашин.

По полученным данным была составлена точная карта расположения объектов гарнизона, которая систематически уточнялась до самого дня нападения.

Мы могли выставить на эту операцию не более трехсот партизан. Из этого количества нам необходимо было выделить шестьдесят человек для заслонов по обеим сторонам дороги от Шацка, чтобы задержать возможный подход подкрепления фашистам. Этим же засадам ставилась задача воспрепятствовать отступлению войск гарнизона.

В ночь на 30 ноября 1943 года решено было совершить нападение. К каждому посту послали по пять человек, которые должны были подползти к бункерам незамеченными и по возможности без шума убрать охрану. Или взять ее на прицел и открыть огонь только после того, как основная группа нападающих завяжет перестрелку или будет обнаружена врагом.

Были выделены специальные группы по захвату складов, выносу и погрузке трофеев на фуры. После условного сигнала эти же группы должны поджечь помещения складов.

Капитану Каткову с пятьюдесятью партизанами поручалось захватить конюшни и подготовить транспорт для подачи его к складам. Одновременно уничтожить парк автомашин.

На меня же было возложено командование ударной группой и группами захвата складов, численность которых в общей сложности составляла сто семьдесят человек. Мы должны были ползком просочиться между бункерами в расположение гарнизона и осуществить внезапное нападение.

И вот партизаны совершенно незамеченными вошли в Шацк и уже достигли расположения казарм гарнизона, когда наше головное отделение столкнулось лицом к лицу с вышедшим из-за дома патрулем врага. Завязалась перестрелка. Оценив обстановку, я приказал из двух пулеметов вести непрерывный обстрел центральной дороги, которая протянулась между казармами, чтобы воспрепятствовать соединению сил фашистов. Партизаны ворвались в расположение казарм. Бой продолжался несколько часов. Появившаяся на автомашинах со стороны города Владава помощь гарнизону была рассеяна обстрелом нашей за- сады.

Все группы хорошо справились с поставленными задачами. Итоги этой операции были следующими: убито более двухсот фашистских солдат и офицеров, в плен взято сто два солдата и офицера, захвачено тридцать фургонов, нагруженных оружием (минометами, пулеметами, винтовками, автоматами), боеприпасами, обмундированием и продовольствием, семьдесят верховых лошадей с совершенно новыми седлами и сбруей тоже попали к нам. Были подожжены и уничтожены склады оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, помещения казарм, конюшен и четыре автомашины.

Собрав раненых и убитых, мы примерно за час до рассвета вышли из Шацка и более чем километровой вереницей двинулись к своей зоне.

На обратном пути бендеровцы попытались было обстрелять нашу колонну из засады, но, получив отпор, трусливо разбежались.

В последние три-четыре дня фашистские самолеты в отместку за разгром Шацка подвергали бомбардировке леса и села в зоне отряда. Но принятыми мерами нам удалось избежать жертв.

Наличие достаточного количества оружия позволило удовлетворить просьбу желавших вступить в отряд жителей многих сел. Численность отряда превышала шестьсот человек.

Поскольку немцы вынуждены были отказаться от эксплуатации шоссейной дороги и ограничить перевозки по железной линии Брест — Ковель, до полутора десятка селений вышли из сферы влияния фашистов и считались партизанскими. Решено было учредить в каждом таком населенном пункте комендатуру в составе трех партизан, которые не только исполняли бы обязанности партизанских постов, но и осуществляли функции сельских Советов. А чтобы комендатуры чувствовали себя в закрепленных за ними селах в безопасности, отрядом были выставлены заслоны, вблизи всех пунктов, где дислоцировались вражеские гарнизоны. Эти же взводы держали под своим неослабным контролем все дороги, ведущие в партизанскую зону. Осуществлялась ежедневная связь между заслонами и лагерем отряда при помощи конных связных.

В течение декабря фашисты дважды делали попытки прорваться через территорию отряда, но, встречаемые мощным огнем партизан, убирались восвояси, неся большие потери.

Отрядом была также налажена связь с населенными пунктами, где располагались фашистские гарнизоны. Наши связные подробно информировали отряд о передвижениях, скоплениях, а то и намерениях фашистов.

Диверсионные группы ни на один день не прекращали боевые действия.

Во второй декаде декабря нам стало известно, что фашисты специальным поездом под охраной тридцати солдат и офицеров, помещенных в оборудованном и укрепленном вагоне, подвозят рабочих в Шацкие леса для разработки и вывоза древесины.

Во главе пятидесяти хорошо вооруженных партизан и одной диверсионной группы я направился в наиболее удобный для засады район дороги. Диверсанты подложили мину, протянули шнур от нее до окопчика в кустах. День выдался на редкость холодный, а до подхода поезда оставалось еще более часа времени. Партизаны, продрогшие на морозе, попросили разрешения побегать немного в кустах, чтобы согреться. И вдруг — взрыв на дороге: один из партизан задел ногой протянутый от мины шнур. Территорию вокруг подорванного места дороги в радиусе тридцати метров засыпало вывороченной землей, снег почернел.

Неужели операция сорвалась? До появления поезда еще оставалось достаточно времени. Я приказал всем снять шинели и полушубки и таскать на них из леса снег, чтобы засыпать поврежденный взрывом участок дороги. Через

пятнадцать минут место взрыва было замаскировано так, что даже пеший не заметил бы повреждение дороги, не говоря уже о проходящем поезде.

Была подложена вторая мина, и партизаны заняли свои места в засаде. Расчету крупнокалиберного пулемета, снятого со сбитого партизанами фашистского самолета, было приказано после первой очереди по паровозу перенести огонь на укрепленный вагон.

Вот и поезд. Впереди паровоза две платформы, на первой — три немца у пулемета. К тендеру паровоза прицеплены два крытых товарных вагона. Взрыв мины повалил паровоз и платформы. Во многих местах из корпуса паровоза с шипением и свистом вырывался наружу пар, а из тендера били струи воды — следы от бронебойных пуль крупнокалиберного пулемета. В течение пяти минут бойцы вели огонь по вагону с фашистами. Потом начали было открывать дверь, но из глубины прозвучала очередь из автомата. Брошенная внутрь граната «успокоила» оставшегося после обстрела в живых фашиста.

В том же декабре из-за Буга прибыла в отряд группа партизан из двадцати человек. Командир группы сообщил, что в польском городе Глухове фашистами организован концлагерь, где находятся «неблагонадежные» граждане из оккупированных фашистами западных стран. Подступы для нападения на лагерь благоприятны, и можно быстро разгромить охрану и распустить узников.

По нашей просьбе он нанес на бумагу схему расположения лагеря, постов охраны и пути подхода. Детально изучив обстановку и вари-

анты нападения, мы решили освободить людей. Были отобраны двести хорошо вооруженных партизан и во главе с командиром роты лейтенантом Артавасом Аракелянцем направлены на осуществление этой операции.

Лейтенант Аракелянц блестяще справился с выполнением этой задачи. Было уничтожено около сорока человек охраны лагеря. Освобождены узники. В отряд пригнали двенадцать подвод, груженных крупами, бобовыми, пристреленными откормленными кабанами. Специально выделенная команда днем позже пригнала пятьдесят дойных коров. Часть коров была оставлена при госпитале отряда, а остальные розданы бедным и многодетным крестьянам партизанской зоны.

Вообще-то говоря, нам нужно было серьезно заняться решением продовольственной проблемы. Фашистские бомбардировки сел не только лишали крестьян крова, но и без того скудного запаса продовольствия. Дети были до того истощены, раздеты и разуты, что сердце сжималось, глядя на них.

Женщины сутками сидели в наспех вырытых сырых землянках и при тусклом свете лучины ткали из льна полотно. Мужчины же от зари до сумерек не выпускали из рук лопату, переворачивая песчаную почву: авось она вознаградит чем-нибудь за усердное внимание. Скот был частью угнан, а частью побит фашистами.

Бывало, посещаю какую-нибудь землянку, иногда не удержишься от того, чтобы не спросить:

— Ну что, плохо живется?

Ответ неизменно бывал один:

— Что поделаешь, товарищ капитан, война же, всем трудно. Ничего, потерпим, будут кости — нарастет мясо.

Ропот и жалобы на судьбу в эти суровые дни были чужды мужественному белорусскому народу, который, как один, встал на борьбу с фашистскими извергами.

Священник Олтушского прихода, который был расположен на шоссейной дороге, при появлении фашистов вблизи села уходил в лагерь к партизанам, увлекая за собой и своих прихожан. А его проповеди! Они были горячим призывом встать на смертельную схватку с сатаной Гитлером!

В первой половине февраля 1944 года подразделение мадьярских фашистских войск численностью от пятидесяти до ста человек часто делало вылазки с целью грабежа в близлежащие от города Малорита села. Партизаны терпеливо в течение трех-четырех дней подряд проводили по несколько часов в засадах, выжидая их повторное появление. Наконец мадьяры показались вновь. Как будто чувствуя свою беду, они, не доходя шагов двухсот до партизанской засады, свернули с дороги и пошли полем. Упустить их было нельзя. Партизаны открыли огонь. Мадьяры залегли. Завязалась перестрелка. Тут мы пошли на хитрость: всех партизан, одетых в немецкую форму (их было в группе человек тридцать пять), отделили и во главе с Шевчуком направили обходным путем в расположенную на правом фланге мадьяр рощу (от позиции мадьяр до опушки рощи было метров четыреста). Шевчуку была поставлена задача: достигнув места, подвергнуть ложному обстрелу

позицию партизан, а затем показаться мадьярам и заманить их якобы для совместных действий против партизан. Если мадьяры поддадутся на этот маневр, то подпустить их как можно ближе, а затем обстрелять.

Маневр удался как нельзя лучше. Мадьяры, испытав силу огня партизан, были, видимо, чрезвычайно рады появлению помощи со стороны немцев. Недолго думая, после того как Шевчук, «обстреляв» партизан, встал во весь рост и помахал пилоткой мадьярам, они стали короткими перебежками идти на соединение с немцами. Подпустив их на расстояние сорока — пятидесяти шагов, люди Шевчука открыли убийственный огонь.

Только семнадцать человек остались в живых и подняли руки вверх.

Возраставшая с каждым днем численность, огневая мощь и активность партизанских отрядов не давали покоя фашистам. Они волею-неволей смирились с тем, что на этой обширной территории, где были расположены несколько десятков населенных пунктов, оккупантам принадлежат всего лишь три из них: Брест, Малорита и Домачево, в которых они вынуждены были держать крупные гарнизоны и укрепиться по-фронтовому. Каждая их попытка, пусть даже крупными силами, проникнуть в партизанские села, наталкивалась на умело организованное сопротивление партизанских отрядов имени Жукова и имени Ворошилова, и фашистам приходилось убираться восвояси, неся большие потери.

Не давали им желаемых результатов и периодически проводимые в течение нескольких суток блокады-облавы в лесных массивах, с

привлечением целых войсковых соединений почти всех родов войск. Партизаны, точно осведомленные через своих связных о карательных акциях врага, умело проведенными маневрами избегали столкновения с превосходящими их силами противника.

Как правило, итогом этих тщательно подготовленных операций было то, что фашисты, израсходовав бесцельно огромное количество боеприпасов и горючего, убивались из леса. Но неизменно после каждой такой операции объявлялось (в который уже раз!) в печати, что «сталинские большевистские бандиты на «треугольнике» Брест — Малорита — Домачево полностью уничтожены». При этом даже приводились «точные цифры количества уничтоженных бандитов». А через пару дней после сообщения об «уничтожении сталинских бандитов» последние с удвоенной силой активизировали свои действия.

Убеждаясь, что проводимые немецким командованием по «военным правилам» действия против «некультурных» в военном отношении партизан не дают желаемых результатов, фашисты стали прибегать ко всевозможным ухищрениям: устраивали засады, беря на вооружение формы и методы партизан, засылали в отряды своих агентов.

Однажды зимой 1943 года в зону отряда пришла красивая женщина. Она говорила, что крестьянка, но речь и весь облик выдавали в ней городскую жительницу. Обращало на себя внимание, что, попав в лагерь совершенно случайно, якобы заблудившись в лесу, она тут же стала кокетничать с допрашивавшими ее командиром отряда и начальником особого

отдела. Как раз в эти дни к нам поступило из штаба соединения сообщение о том, что в Бресте фашистами подготовлена группа девушек, зараженных венерическими болезнями, для засылки в партизанские отряды. Задача их была несколько необычной: вызвав в отряде заболевание, они должны были деморализовать партизан. Естественно, что эта неожиданно явившаяся гостья вызвала у нас подозрения. Во время допроса она очень скоро запуталась и стала давать весьма противоречивые показания. Тем не менее пыталась отвергать, что имеет отношение к этой коварной акции. Командование отряда решило не рисковать. Подозрительная гостья была обезврежена.

Помнится и такое. Местные жители стали находить и доставлять в отряды ящики и жестяные оцинкованные коробки с патронами для винтовок советского образца. Как оказалось, эти патроны были со специальными пулями, которые при выстреле застревали в канале ствола, пороховые газы отдавали назад, выбивая затвор в направлении стреляющего. Этот сюрприз был подготовлен гитлеровцами специально для партизан. Приходилось проявлять максимум осторожности, проверять каждый ящик с патронами, которые мы получали от крестьян или находили сами на местах сражений 1941 года.

Партизаны не оставались в долгу у немцев на всякие выдумки. Хочу рассказать лишь об одной, на мой взгляд, наиболее оригинальной из них.

Участившиеся диверсии на железных дорогах заставили оккупантов принимать всевоз-

можные меры для обеспечения безопасности движения поездов. Один из них заключался в том, что на дорогах постоянно патрулировали группы вооруженных солдат, в обязанность которых входила не только охрана дороги, но и обнаружение партизанских мин и обезвреживание их.

И вот что придумал один из партизан. Подложив мину, он затем отправлял на нее свои естественные надобности и уже после этого маскировал щебнем и гравием. Другие его напарники проделывали то же самое в нескольких местах по ту и другую сторону от мины. Фашисты, обнаружив подозрительное место на дороге, приступали к разминированию, соблюдая при этом все необходимые для выполнения такой опасной работы предосторожности. Разгребая набросанный сверху гравий, их пальцы попадали в какую-то кашу. Разобравшись, что это такое, они безразлично отдергивали руку, восклицая:

— Шайзе!

Оставив место без дальнейшей проверки, под хохот остальных своих товарищей, уходили дальше.

А очередной поезд шел под откос.

Партизаны же, радуясь своей выдумке, приговаривали:

— Пусть думают, что все партизанское взрывается.

Особо мне запомнилась состоявшаяся в начале 1944 года встреча с легендарным партизанским командиром Медведевым. В это время его отряд особого назначения действовал в нашей зоне, примерно в десяти километрах от лагеря, где были расквартированы наши под-

разделения. Партизаны жили в деревне, ранее освобожденной нами и расположенной в зоне контроля и охраны наших заслонов. Мое знакомство с Медведевым произошло благодаря неожиданным, можно даже сказать, чрезвычайным, обстоятельствам.

Одновременно с отрядом Медведева в нашу зону проникла группа советских военнослужащих, которой командовал генерал-майор Семен Захарович Барановский. Группа эта имела особое задание: ее бойцы, одетые в венгерскую форму и владевшие венгерским языком, выдавали себя за представителей хортистских войск, воевавших на стороне Германии. Их задачей было ведение разлагающей работы среди венгерских частей, сосредоточенных на этом участке. Сам Барановский был некогда советским военным атташе в Венгрии и не только в совершенстве знал венгерский язык, но и обычаи этой страны.

Группа Барановского была малочисленной, поэтому расположилась на территории нашего отряда, и мы обеспечивали их безопасность. Сам Семен Захарович часто бывал в наших землянках, рассказывал о своей деятельности до войны и сложной и опасной работе, которую выполнял вот уже почти два года в глубоко тылу у врага. Во время одного из таких посещений Барановским нашей землянки я попросил у него питание к рациям. Наши батареи были уже на исходе, и связь с Москвой и штабом соединения могла в любой момент нарушиться. Между тем мы почти ежедневно передавали в центр важные разведывательные данные. Семен Захарович обещал мне прислать батареи. Но, возвратившись в отряд пос-

ле рейда, мы узнали, что Барановский со своей группой, не уведомив никого из наших, исчез. Когда мне удалось узнать новое место дислокации его группы (в десяти километрах от нашего лагеря, но в нашей зоне), я сгоряча написал ему достаточно резкое письмо, которое отправил нарочным. Через несколько дней я получил неожиданное приглашение к Медведеву. Вместе с комиссаром отряда В. Лапекой и еще несколькими партизанами мы верхом отправились к Медведеву.

Медведев и начальник штаба его отряда В. Лукин радушно встретили нас, пригласили к столу, расспрашивали о житье-бытье. Во время этой нашей беседы в комнату вошел генерал Барановский — оказывается, он со своими людьми перебрался к Медведеву. Ни с кем не здороваясь, он сразу же зло обратился ко мне:

— Ты что это такой дерзкий?

— Не надо было обещать, товарищ генерал. В наших условиях обещаниями нельзя разбрасываться,— ответил я спокойно.

В последовавшей за этим ленивой перебранке Барановский пытался внушить мне, что никакие обстоятельства не могут оправдать нарушения субординации. Возражая ему, я сказал, что помимо необходимости передачи информации в центр мы лишались возможности слушать известия из Москвы. Кроме того, в отряде много раненых, которых нужно отправить на Большую землю. Без рации это сделать не удастся. Медведев, молча слушавший нашу перебранку, тихо сказал:

— Каждым человеком надо дорожить, Семен Захарович.

Эта фраза как-то естественно закончила ненужный разговор. Дальше мы продолжали делиться партизанскими вестями, мыслями о будущем. После почти пятичасового пребывания в штабе Медведева мы поехали к себе, везя данное нам Медведевым питание для рации.

В эти дни наши войска готовились к весенне-летнему наступлению. Разведуправлением Генерального штаба Вооруженных сил были заброшены в отряд две группы радистов для передачи необходимых разведданных в Генштаб Советской Армии и штаб Первого Белорусского фронта.

Перед отрядом была поставлена задача собирать точные сведения об оборонительных мероприятиях фашистского командования на реке Буг, обеспечить проникновение партизанских разведгрупп на территорию Польши и представить информацию о характере сооружаемых промежуточных рубежей на территории между Бугом и Вислой и на самой Висле, выявлять и информировать о скоплениях группировок войск врага на южной и юго-западных частях территории Брестской области, следить за продвижением врага по Брестскому железнодорожному узлу, сообщая номера и опознавательные знаки войсковых соединений, перевозимых как на восток, так и на запад.

Ответственным руководителем по организации и проведению этой работы был назначен я.

Для выполнения этого задания сформировали несколько разведгрупп из числа наиболее смелых и имеющих военное образование

партизан. Некоторым из них даже удалось выйти в район Вислы и вернуться со схемой оборонительных сооружений на отдельных участках этой реки. Что же касается Буга, то каждый метр его течения от Бреста до Владавы был нами изучен.

В Бресте была создана целая сеть связных, которые сообщали не только номера или опознавательные знаки пропускаемых через железнодорожный узел войсковых соединений, но и количество вагонов с живой силой, платформ с техникой в каждом эшелоне в отдельности.

Радисты, очень довольные обилием и ценностью информации, по два, а то и три раза за сутки разворачивали свои рации, чтобы успеть передать шифровки. Включительно по апрель 1944 года эти радисты с Большой земли были гостями нашего отряда.

В апреле личный состав отряда с честью справился с выполнением еще одного правительственного задания: переправить из района Бело-Подлязка (Польша) трех членов подпольного комитета Польши в зону отряда для дальнейшего следования на советском самолете в Москву. Ввиду нелетной погоды польские товарищи несколько дней были гостями командования отряда и не раз высказывали свое восхищение деятельностью, мужеством и высокой воинской дисциплиной советских партизан.

Перед уходом польских товарищей из зоны отряда один из них обратился ко мне:

— Не желаете ли передать что-нибудь в Москву? Может, письмо родным хотите на-

Здравствуй, дорогие Ваня
 Маша, Серёжа, все наши ребята.
 Всё в порядке. Работать сейчас
 очень тяжело, но я всё же стараюсь
 писать. Началось в институте
 и в школе. Наруживание. Многие
 очень скоро ушли. Как
 происходит в гражданской войне.
 Прощай, до свидания. Аня
 Вера Вас. все.
 Прощай-прощай.
 Ваш Мигдаль.
 Прощай, всем родным.
 Напомяну.
 11.10.44.

писать? Я с удовольствием выполняю вашу
 просьбу.

Я поблагодарил его и решил воспользоваться
 представившейся возможностью. Найдя
 листочек бумаги, тут же набросал короткое
 письмо домой. Конверта под рукой не оказа-
 лось, и адрес, куда надо было переслать пись-
 мо, я написал на другом клочке бумаги. Забе-
 гая вперед, скажу, что после войны, когда я
 вернулся домой, мне показали это письмо. Оно
 было получено родными в мае 1944 года и
 несколько смягчило их горе, так как вместе с

погибшим под Ленинградом моим младшим братом, в возрасте семнадцати лет добровольцем ушедшим на фронт, оплакивали и меня, поскольку уже более двух лет не было от меня никаких вестей.

В первые послевоенные годы, когда в наших газетах и журналах появились фотографии товарища Болеслава Берут, я уловил сходство его личности с одним из тех, кого мы переправляли из Польши на советскую территорию. Но, учитывая то, что я не был полностью уверен в этом и беря во внимание занимаемое этим человеком высокое положение в Польской Народной Республике, я просто постеснялся обратиться к нему с письмом.

В начале 1968 года на первой полосе газеты «Правда» я увидел фотографию еще одного знакомого мне человека. Из текста, который сопровождал фотографию, я убедился, что товарищ Марьян Спыхальский, избранный Президентом Польской Народной Республики, является одним из тех польских товарищей, которых мы сопровождали из Польши в Советский Союз. Больше того, это именно он предложил мне написать письмо домой и выполнил свое обещание.

Несколько дней эта газета с фотографией товарища Спыхальского лежала на моем рабочем столе. Именно в эти дни приехал к нам в Дербент корреспондент журнала «Советский Союз» Владимир Белаевич Иллещ вместе с бывшим министром А. Г. Гаджиевым, который, рассказывая о нашей фабрике, сообщил ему и о моей военной судьбе. Увидев у меня на столе газету с портретом товарища Спыхальского и узнав о моей встрече с ним во

время войны и отправленном им из Москвы в Дербент письме, Владимир Беласвич настоятельно порекомендовал мне послать Спыхальскому поздравление по случаю избрания его на высокий пост, одновременно высказав благодарность за отправленное тогда письмо. Когда я сообщил, что письмо сохранилось, то он порекомендовал приложить к поздравлению фотокопию письма и какой-нибудь сувенир. Я так и сделал.

5 июля 1968 года был для коллектива нашей фабрики самым радостным днем: состоялось торжественное собрание коллектива по случаю присвоения ему первым в министерстве и городе почетного звания «Коллектив коммунистического труда». На этом собрании вместе с руководящими работниками Дагестанской Республики и города присутствовал и министр местной промышленности РСФСР. И в этот торжественный для меня и всего коллектива день и поступила из Польской Народной Республики посылка от товарища Спыхальского, в которой помимо разнообразных сувениров было и ответное письмо.

...25 марта командир одного из заслонов сообщил в отряд, что войска численностью до шестисот человек с пушками и минометами вышли из города Бреста и движутся в направлении зоны отряда. Захватив свои минометы, мы вышли навстречу фашистам. Уточнив их маршрут, мы в районе села Чапелки заняли позицию.

Подошедшая колонна немцев была встречена массированным огнем. Завязался почти четырехчасовой ожесточенный бой. И на исходе

дня фашисты, собрав своих раненых, повернули назад, оставив на поле боя свыше ста пятидесяти человек убитых солдат и офицеров.

Допрос взятых нами в плен фашистов показал, что рейд был совершен фашистами с целью угона в Германию молодежи из сел партизанской зоны.

А в начале апреля, уже после описанного боя, фашисты, сосредоточив крупные силы вокруг отряда, начали наступление. Огрызаясь выставленными засадами, отряд хорошо задуманным маневром вышел в тыл большой группировки немецких войск. Наугад обстреляв в течение двух суток лес, фашисты ушли, видимо, посчитав, что партизаны уничтожены.

Несмотря на активизацию репрессивных и карательных мер со стороны фашистов, партизаны, осведомленные о предстоящем летнем наступлении советских войск, развернули небывалую дотоле диверсионную деятельность.

В первых числах мая фашисты, обеспокоенные активными действиями партизан, начали систематическую бомбардировку лесов с воздуха в предполагаемых местах дислокации партизан. А с восьмого мая стали сосредотачивать крупные войсковые соединения вокруг партизанской зоны, контролируя каждую выходящую из леса дорогу.

Положение для отряда создалось очень тяжелое.

После долгих раздумий мы пришли к решению попытаться обмануть бдительность фашистского командования. Суть этого решения заключалась в следующем. Отряд разделялся на две части: с одной частью, куда вошли все раненые, капитан Катков оставался на месте.

Вторая же часть, которую возглавил я, с обозом и тяжелым оружием отряда должна была перейти через шоссейную дорогу и направиться в Шацкие леса, создавая видимость, что отряд целиком уходит со своей базы. Если фашисты устремятся за возглавляемой мною частью отряда, то можно было считать, что маневр удался.

Десятого мая ночью мы осуществили переход. Заметившие нас фашистские посты выстрелами из ракет указали свободный отрезок на шоссейной дороге. Видимо, они были рады нашему уходу с «треугольника» (территории между Брестом, Владовой и Домачевой), который освобождал их от невыгодной схватки с «лесными дьяволами».

Прибыв в Шацкие леса, обнаружили, что они кишмя кишат вооруженными людьми. Тут находилась целая дивизия польских войск и партизанское соединение товарища Иванова, который держал путь на восток, но, получив от разведки сведения о скоплении войск врага на своем пути, решил остаться в Шацких лесах.

Я рассказал Иванову и командиру польской дивизии о создавшемся положении и цели, которую мы преследовали переходом в Шацкие леса. Они успокоили меня:

— Хороший выход нашли вы из положения. Ну что же, смело можете считать, что ваш маневр удался, раненые ваши будут в полной безопасности.

Буквально в тот же день фашистское командование перебросило войска в район Шацких лесов и начало подготовку к большим ка-

БЕЛОРУССКИЙ
ШТАБ
Партизанского движения

"2" августа 1944 г.

Дана настоящая УКАЗОВА МУГДАНИ ЯХЬЕ-
ВИЧУ /АБДУЛАХИВУ МИГДАРИ ЯХЬЕВИЧУ/
в том, что он действительно состоял в парти-
занском отряде "ЗЕЛЕНИНА" бригады имени
ЛЕНИНА с 21 мая 1943 г. по 1 августа 1944 г.
в должности зам. командира отряда и началь-
ника штаба отряда.

Просьба к местным органам власти оказать
тов. Указову Мугдани Яхьяевичу содействие
в устройстве на работу и жилье.

Начальник отдела кадров
Белорусского Штаба Партизанского
Движения

С/печать/

рательным операциям. Блокировав крупными силами всю окрестность леса, они 12 мая приступили к бомбардировке леса с воздуха.

13 мая начали действовать наземные войска.

До 15 мая включительно продолжались ожесточенные бои. Фашистское командование ежедневно бросало в бой все новые силы. 15 мая вечером мы прорвались через позиции врага и в течение четырех суток, сделав большой обход, вышли в район лесов близ Кобрина.

В последних числах мая мы перебрались в свою зону и соединились с отрядом.

В июне численность двух партизанских отрядов — имени Ворошилова и имени Жукова — достигла почти двух тысяч человек. Командование соединения в целях увеличения маневренности отрядов и охвата ими как можно большей территории, решило сформировать третий отряд, разделив два функционирующих отряда. Вновь сформированному отряду было присвоено имя товарища Зеленина — первого командира нашей партизан-

ской бригады, павшего смертью героя в 1943 году. Я был назначен заместителем командира и начальником штаба этого отряда.

В это время со дня на день мы ожидали начала наступательных операций советских войск в направлении Брестской области. Партизанские отряды «треугольника» Брест — Малорита — Домачев составляли планы совместных действий по преследованию врага. Готовились партизанские подразделения к совместным действиям с войсковыми частями Советской Армии по форсированию реки Буг.

Когда началось наступление советских войск, неосведомленное начальство немецких обозных подразделений фронтовых частей пускало транспорт по дорогам партизанской зоны. Засадам партизан легко удавалось преградить им путь на запад. В результате отступающие фашистские войска обгоняли свои обозы, которым, волею партизан, суждено было остаться по эту сторону реки Буг.

На юге от Бреста наступала 76-я Черниговская гвардейская дивизия. Партизаны наших отрядов, основательно изучившие каждый метр вдоль Буга, без задержки переправили через реку войска этой дивизии и приняли участие в боевых действиях в направлении Рагозна — Медна — Добромысль — Капытув. В течение нескольких дней было завершено Брестское окружение большой группировки войск врага.

Командование дивизии объявило личному составу отряда благодарность за оказанную активную помощь войсковым частям в переправе через Буг и участие в боях по окружению войск врага.

8 августа 1944 года партизаны всех трех отрядов, закаленные в боях, не дававшие покоя ни днем ни ночью фашистским захватчикам, показавшие беспредельный патриотизм и стойкость советского человека, заменили красную партизанскую ленту на головных уборах на пятиконечную звезду и влились в действующие войска героической Советской Армии, приступившей к великой миссии освобождения народов Европы от тирании фашизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Польская хроника Мигдара Абдулалиева . .	3
Город детства — Дербент. Юность в армейской шинели	11
Концентрационный лагерь — лагерь смерти . .	42
Мой выбор — побег	56
И вновь неволя	76
Назвался Мигдаром...	87
Подпольный комитет действует	100
Легион — шаг к свободе	106
Польская партизанская хроника.	136
Народные мстители	160

Мугдаши Хизгилов

Воспоминания

Издательский центр «Эль-Фа»

Заведующий редакцией *В. Н. Котляров*

Художник *М. М. Горлов*

Технический редактор *Л. И. Прокопенко*

Корректор *С. П. Скаева*

ЛР № 010238

Сдано в набор 22.09.93. Подписано к печати 23.11.93.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарниту-
ра литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,02.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3759.

Издательский центр «Эль-Фа»
г. Нальчик, пр. Ленина, 33
Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
360000, Кабардино-Балкарская Республика
г. Нальчик, пр. Ленина, 33

